

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK 166 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ
VII
СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

ТАРТУ 1965

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 166 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ
VII
СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

ТАРТУ 1965

Редакционная коллегия:

Ю. М. Лотман, А. К. Рейцак (отв. редактор), П. С. Сигалов
и С. В. Смирнов.

ИЗ ИСТОРИИ ИМЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. Б. Правдин

Настоящая статья посвящена одному из видов именного управления в древнерусском языке — приаъективному употреблению формы дательного падежа.

Насколько нам известно, приаъективный дательный падеж в древнерусском языке еще не являлся объектом специального исследования. В работах более общего характера, посвященных древнерусскому синтаксису, попутно уделяется некоторое внимание и приаъективному употреблению дательного падежа. Так, Ф. Буслаев указывает, что дательный падеж при именах прилагательных употребляется главным образом для обозначения отношения к лицу, и приводит некоторые примеры из древнерусского языка (виновать, милостивъ, хытръ, любимъ кому или чему); он указывает также некоторые синонимические средства древнерусского синтаксиса¹. Т. П. Ломтев в «Очерках по историческому синтаксису русского языка» отмечает, что дательный падеж «распространяется при именах прилагательных в функции сказуемого, если последнее содержит момент направленности выражаемого им содержания к объекту»², но примеров из древнерусского языка не дает, ограничиваясь материалом литературного языка XIX в. В «Сравнительной грамматике» Ф. Миклошича древнерусский материал, относящийся к приаъективному употреблению дательного падежа, приводится главным образом в группе «дательного соразмерности» (*Angemessenheit*), наряду со случаями приглагольного дательного падежа.³

В работах, посвященных современному состоянию русского языка, главным образом лишь перечисляются прилагательные, способные управлять дательным падежом. Перечисление тако-

¹ Ф. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка, II. М., 1858, стр. 355—356.

² Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 479.

³ F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV. Syntax. Wien, 1883, стр. 598 и сл.

го рода можно найти уже у Мелетия Смотрицкого⁴. А. Х. Востоков рассматривает приаждъективный дательный падеж параллельно с приглагольным дательным падежом, а именно, при «именах и глаголах, означающих состояние или качество, относительное к другому предмету» (виден, мил, нужен), а также означающих «действие, относительное к другому предмету или к самому действователю» (рад кому или чему)⁵. А. М. Пешковский, отмечая, что прилагательные «сами по себе, поскольку они не связаны прямо или косвенно (иногда лишь в прошлом языке) с глагольностью, не способны к управлению»⁶, выделяет две группы случаев приаждъективного дополнения: 1) управление прилагательного тождественно или же 2) не тождественно с управлением соответствующего глагола⁷. В академической «Грамматике русского языка» различаются словосочетания с дательным падежом, по значению совпадающие с соответствующими предложными словосочетаниями (понятный ему — понятный для него), и словосочетания, которые образуются именами прилагательными, не употребляемыми с предложно-именными сочетаниями⁸.

В задачи нашей статьи входит установление основных лексико-грамматических группировок имен прилагательных, проявляющих способность к управлению дательным падежом, и важнейших синонимических средств синтаксиса, выступающих в соответствии с беспредложным дательным падежом при тех же именах прилагательных, на материале памятников древнерусского языка (XII—XVII вв.). Привлечение синтаксических синонимов поможет определить сдвиги, происходящие в управлении имен прилагательных в истории русского языка. «Повышенная синонимичность конструкций с беспредложным падежом в той или иной функции указывает на неустойчивость сферы его распространения в данной функции. Наоборот, отсутствие синонимов говорит о прочности позиций падежа как формы выражения определенной синтаксической функции», — пишет К. И. Ходова, исследователь падежной системы старославянского языка⁹.

Приаждъективный дательный падеж имени выражает объектные отношения (нередко с ограничительным оттенком значения); он может быть в общем охарактеризован как падеж,

⁴ Грамматика Мелетия Смотрицкого. М., 1648, л. 289.

⁵ А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1831. § 129, стр. 256 и сл.

⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 326.

⁷ Там же, стр. 327.

⁸ Грамматика русского языка, т. II, ч. I. Изд-во АН СССР. М., 1960, стр. 304, 305.

⁹ К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка. Изд-во АН СССР. М., 1963, стр. 20—21.

обозначающий лицо (предмет), к которому обращено или к которому относится то или иное качество (свойство) другого предмета. Имя прилагательное, управляющее дательным падежом, может обозначать качество или свойство предмета, вызывающее представление о его активных действиях, направленных в сторону лица, обозначаемого именем в дательном падеже. В таком случае приаждъективный дательный падеж в известной мере сближается с приглагольным дательным падежом объекта в собственном смысле слова (ср. др.-русск. *противъный кому* «противодействующий, выступающий против» и *противитися кому*). Однако имя прилагательное, употребляемое с дательным падежом, может вызывать также представление о восприятии или определенных ощущениях лица, название которого стоит в дательном падеже. В случаях подобного рода приаждъективный дательный падеж сближается уже с т. н. дательным падежом косвенного субъекта состояния в безличных оборотах и с дательным падежом ощущающего лица в личных конструкциях (ср. др.-русск. *любъ кому* и *улюбѣти кому* «полюбоваться»). Наконец, в древнерусском языке дательным падежом при именах прилагательных могло обозначаться лицо, для которого или с точки зрения которого существует то или иное качество или свойство предмета. Подобный дательный падеж в известной степени факультативен; обозначаемое прилагательным качество или свойство легко может представляться не обращенным к какому-нибудь лицу или предмету, и дательный падеж объекта при этих прилагательных обычно не употребляется. Между этим типом дательного падежа и прочими вышеуказанными типами трудно провести четкую границу. Впрочем, отметим, что в современном русском языке этому дательному падежу соответствует родительный падеж с предлогом *для* (ср. др.-русск.: *не прочно ему* великое княжение, Сим. лет., 1433 г.). Такой приаждъективный дательный падеж свободной связи с управляющим словом находит аналогию в приглагольном дательном падеже предназначения¹⁰.

Таким образом, приаждъективный дательный падеж имеет различные точки соприкосновения с приглагольным дательным. Связь с приглагольным дательным падежом находит выражение и в том, что дательным падежом обыкновенно управляют имена прилагательные, представляющие собой именную часть сказуемого.

1. Дательный падеж лица (предмета), в сторону которого обращено свойство или качество другого лица (предмета).

1) Дательный при различных именах прилагательных. *благъ* («добрый, хороший»):

¹⁰ См. нашу работу «Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках» в «Ученых записках Института славяноведения АН СССР», т. XIII, 1956.

князь благъ въ странахъ, тихъ, увѣтливъ, .. милостилюбецъ, а не златолюбецъ, *благъ домочадцемъ* своимъ... (Н. I К., 1251 г.).

виноватъ («задолжавший кому-либо; виноватый перед кем-либо; виноватый в чем-либо»):

... заплатити немчину пьрвѣ, хотя бы инѣму *кому виноватъ* былъ рооину (= русину) (См. гр. 1229 г.); аже будетъ полочанинъ чимъ *виноватъ рижанину*, я за тѣмъ не стою, .. исправу дамъ; аже будетъ рижанинъ чимъ *виноватъ полочанину*, вы дайте имъ исправу тако же (Пол. гр. ок. 1300 г.); а не *виноватъ есми никому* ничемъ (Н. гр. № 110, 1393 г.); у тебе есми на селѣ живаль, а *тебѣ есми не виноватъ* (Пск. судн. гр., 7 об.); *виноватъ* де есми, государь, тому старцу *Боголѣну* 4 алтына (Стр. XXXV, 171); заимщикъ *заимодавцу* всегда *виноват* (П. XVII в., 346 об.); по Ивашкову де извету Железнова жену ево пытал, бил кнутом, и после Ивашко с не(е) зговорил, что она тому *делу не виновата* (Хоз. Мор. II, № 450), — и др.

виновенъ («виноват перед кем-либо»):

..егда ответчикъ приведенъ будетъ, то такожде на словахъ ево пороспросить, чемъ онъ *ему виновен* (Пос., 55).

вредителенъ:

бобъ варенъ и сухой, коимъ обычаемъ ни приять, .. *вредителенъ* есть *стомаху* и умаление творить разуму (Верт., 27).

вѣренъ:

хочете ли быти *вѣрни мнѣ*, да изыду на враги мое? онѣмъ же кликнувшимъ *«вѣрни есмы богу и тобѣ* господину нашему» (Ип., 1231 г.); теща бо его *ѣше вѣрна Судиславу* (Ип., 1231 г); *вѣренъ ему* бѣ паче иныхъ царей и князей (Каз. лет., 60), — и др.

добръ:

кто *вы добръ*, того любите, а злыхъ казните (Н. I, 1209 г.); одини бо Володимирци бяху *ему добри* (Ип., 1176 г.); и пришло в память Фролу Скобееву, что весма *ему добръ* столникъ Ловчиковъ (Фр. Ск., 64).

долженъ:

аже кто *многымъ долженъ* будетъ, а пришедъ гость изъ иного города или чюжеземьць, а не вѣдая запустить за нь товаръ, а опять начнетъ не дати ... а пьрвии дѣльббити начнутъ ему запинати, не дадуче ему кунъ, то вести и на торгъ и продати и отдати же пьрвѣ гостины куны ... (Р. Пр., 623); такъ же кто *кому долженъ* чѣмъ, а заплатить будетъ нѣчимъ, и такихъ отдають въ слуги (Кот., 167).

друженъ:

... займуютъ у своей братьи, кто *кому друженъ* (Кот., 69); ... *друженъ* бѣ Савину отцу Фомѣ Грудцину (С. Гр., 23):

золъ:

Игорь како то *тобѣ золъ* былъ, тако и *нама* (Ип., 1146 г.); аже кто будетъ *мнѣ золъ*, то вамъ на того быти со мною (Ип., 1148 г.).

крѣпокъ («находящийся в крепостной зависимости от кого-либо»):

а их бы крестьян роспрашивали, по чему *им крепки*, по писцовым ли книгам или по иным каким крепостям (Хоз. Мор. 1, № 30): *крѣпокъ* онъ былъ по кабалѣ и по той правой грамотѣ *тому*, на чье имя та кабала и правая грамота написаны (Улож., 284 об.), — и др.

лихъ («злой в отношении кого-либо»):

всякому *созданию* бжю не *лихъ* буди (Дом., 11 об.).

любимъ («любящий что-либо или кого-либо»):

Ярославъ же . . *любимъ бѣ книгамъ* и многы написавъ *положи* в сѣби Софьи (Лавр., 1037 г.); . . бѣ бо *любим оцю* *своему повелику*, и въ животѣ и по смрти, не ослушаяся его ни в чемже (Лавр., 1097, л. 89).

любезнивъ («охотник до чего-либо»):

искусимъ и, *любезнивъ* ли есть *злату* ли *паво(ло)камъ* (Лавр. 971 г.); князящю Володимиру въ Галичкой земли, и бѣ *любезнивъ* *питу* многу . . (Ип., 1176 г.).

милостивъ:

бѣ же Ростиславъ . . *млствѣ убогимъ* (Лавр., 1066 г.); бѣ же Глѣбъ *млстивъ убогимъ* и страннолюбивъ (Лавр., 1078 г.); будетъ *милостивъ* господь *неправдамъ* ихъ (Пск. 2 лет., 1184 г.); . . *кающимся немилостивъ* (Дом., 40 об.), — и др.

миренъ («мирный в отношении кого-либо»):

Володимѣръ же рече: оже есте мирни, но *мнѣ* есте *ни мирни* (Им., 1229 г.); а с нимъ ми стояти заодно противо всехъ сторон, никого не выимуючи, хто бы коли *ему немиренъ* былъ (Дог., № 54, 1449 г.).

повиненъ («подлежащий чему-либо; виноватый в чем-либо; должный кому-либо»):

аще ли от нея возметь кто что ли члѣвка поработить или убьеть, да будет *повиненъ закону* Руску и Гречьску (Лавр., 945 г., л. 13); якоже Блудъ . . *быс(ть) повиненъ крови* тои (Лавр., 980 г.); азъ же *не повиненъ* есмь ни твоему *отцю*, ни *тобѣ* ни во единомъ златьницѣ (К.-П. пат., 141); *отлучению повинни* суть таковии (Стогл., 180); не хотяху быти *никому* же *повинни*, яко державни же (Каз. лет., 47 об.); вправду есмя *повинѣны* великимъ *казнямъ* смертнымъ отъ него (Каз. лет., 104); огонь скорому *повиненъ измѣненію* (Д. п. Н., № 24); дѣвица, многими грѣхми обремененна, *блудному дѣлу* и *малакии* всякой *повинна* (Авв., 198).

подручныи:

не прегордые ли царства разорили и *подручныхъ* во всемъ тобѣ сотворили? (Курб., Эп. 1, 2).

послушенъ, послушливъ, ослушенъ:

снѣ быхъ *оцю послушливъ* (Б. и Г., 9); поиди вборзѣ, оцѣ ты зоветь, ... Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ с малою дружиною поиде, бѣ бо *послушливъ оцю* (Лавр., 1015 г., 46 об.); и аще будеши имѣлъ мудрѣишихъ близу себя, по нужде будеши *послушенъ имъ* (Курб., Ист. 212); *послушливъ* былъ... *повелѣнью* царя моего (Курб., Ист., 248); тогда бѣ они брату своему *царю* ни въ чемъ *не послушны* были (Кот., 27 об.); *указу ослушны* не будут (Пос., 36 об.), — и др.

(не)прекословенъ:

...во всем бы еси Ивану сыну *непрекословен* был (Дог., № 104).

причастенъ («участвующий в чем-либо; прикоснувшийся к чему-либо»):

азъ вашимъ *винамъ* и *грѣху не причастенъ* (Дом., 6 об.); азъ твоему *грѣху не причастенъ* (Дом., 122); и самъ я грѣшной, волею и неволею *причастенъ* кобылымъ и мертвечымъ звѣринымъ и птичьимъ *мясамъ* (Авв., 218).

противенъ, супротивенъ («противодействующий, выступающий против кого-либо»):

... не дасть имъ Козаромъ дани платити, рекъ: азъ *имъ противенъ* (Лавр., 884 г.); аще не обрящется кто завтра на рѣцѣ, .. *противенъ мнѣ* да будетъ (Лавр., 988 г., 40 об.); аще ли азъ буду *вамъ супротивенъ*, кромѣ бжѣственныхъ правилъ вашему согласию, вы о семъ не умлѣкнете (Стогл., 30); не будете *противѣнни* Московъскому *царю*, но и паче умолите его, велии бо милостивъ, ничемъ же не вредить васъ... (Каз. лет., 74 об.); и въ той винѣ ихъ *воленъ богъ* да государь, а в иномъ ни въ чомъ *государю* они не *противны* (Д. д., 245), — и др.

ратенъ (антоним к «миренъ»):

самого тебе не зовемъ, занеже царь *ти ратенъ*, но пусти намъ помочь (Ип., 1151 г.); оже есте мои мирници, срѣтѣте мя, а кто не срѣтитъ мене, тый *ратный мнѣ* (Ип., 1261 г.); ты уже не братъ еси брату своему, но *ратный* есь *ему* (Ип., 1261 г.); кто *мнѣ ратный*, с тимъ ся самъ вѣдаю (Н. гр. № 30, 1266—72 гг.).

силенъ («противящийся чему-либо»):

... архимарит Феодосей ... государева *указу не послушел* и учинился государеву *указу силен* (Пам. соц.-эк., 1614 г., 192); ... учинились государеву *указу силны* (там же, 193), — и нек. подобн.

служилыи («находящийся на службе у кого-либо»):

въ лѣто 6976-г(о) посылалъ князь великий Иванъ Василье-

вичь подѣ Казань, за бесчестие и срамоту отца своего, великаго князя Василия Васильевича, *служилого ему* царевича Кайсыма (Каз. лет., 22 об.).

(долго)терпеливъ:

бѣ бо благовѣрныи царь . . . благу и кротокъ, и щедръ, и милостивъ, и *долготерпеливъ согрѣшающимъ* (Каз. лет., 159).

2) Дательный падеж при некоторых именах прилагательных, обозначающих подобие и соответствие; имя в дательном падеже обозначает предмет, которому подобен, равен, соответствует другой предмет.

достойнъ («заслуживающий чего-либо, соответствующий чему-либо»):

не бѣше ли многымъ *казнемъ достоинъ сей?* (Сим. лет., 1392 г.); великому *похвалѣнию достоинъ* есть царь Шихалѣи (Каз. лет., 25); а людеи у собѣ добрыхъ дворовыхъ держати, чтобы были рукоделны, кто *чему достоинъ* и какому рукоделию учень (Дом., 31); дворы княжати ихъ и вельможенъ зѣло прекрасны и воистинну *удивлению достойни* (Курб., Ист., 190).

подобенъ, подобесущенъ, подобносущенъ («подобный, похожий; заслуживающий чего-либо»):

естьствомъ бо земнымъ *подобенъ* есть всякому *члѣву цѣрь* (Лавр., 1175 г., 125); обновлена быс(ть) цѣркы сѣя Бѣа в: Суждали . . . и покрыта быс(ть) оловомъ от верху до комаръ и до притворовъ, и то *чюду подобно* (Лавр. 1194 г.); . . . безаконный лихый Семьюнько, *подобный лисици* черьмности ради . . . (Ип., 1229 г.); бѣ бо конь под нимъ дивлению подобенъ (Ип., 1252 г.); сѣнъ *подобесущенъ оцѣю* (Радз. сп. лет., 988 г.; в Н. I К.: *подобносущенъ*); нанмоваху злыхъ тѣхъ смердовъ, . . . иже *скотомъ подобни* суть, ничтоже разума имущихъ . . . (Сим. лет., 1471 г.); введоша ю въ уготовлены еи во царский стругъ, въ немъ же когда царь на потѣху ездяше, борзъ хоженію и *подобенъ летанію* птичну (Каз. лет., 85); много градъ же Казанъ твердъ бѣше, паче мѣры, *подобенъ* каменной *горѣ* (там же, 150 об.); а что писалъ еси о брате своемъ Ирике королѣ, будто намъ его для было съ тобою война почать, и то *смѣху подобно* (Д. Т. Пр., 2, 39); презвитеру подобаетъ быть *подобну апостолом* христовымъ (Пос., 10 об.), — и др.

равенъ («равный, одинаковый; соответствующий»):

а пища бы была в трапезѣ *всемъ равна* (Стогл., 195); . . . не надѣялись, иже такъ малымъ людомъ дерзнетъ ударити на такъ *неравное собѣ* войско (Курб., Ист., 252); а ваша вѣра бусорманская татарская *ровна бѣшеной собаке* (Пов., Аз., 142); нѣсть *ему* никоу *ровна* или подобна ему величествомъ и силамъ его на свете (Пов., Аз., 102); тѣмъ добро, что *всѣмъ ровно* (П. XVII в., 370 об.), — и др.

тѣчьнѣ («равен»):

ты отсеселѣ (так!) велии еси и нѣсть ти никто же тѣчьнѣ на земли (Жит. Ниф., 46); *точенѣ* бо есть *тобѣ* онѣ всемѣ, и богатствомѣ, и силою (Каз. лет., 90); тщитесь древним *отцем* святым *точни* быти (Сим. По., 10).

К случаям этого рода примыкают и случаи дательного падежа при именах прилагательных, обозначающих тот или иной вид общности какого-либо предмета. Ср.:

нѣси бо умерлѣ, но спиши до *общаго всѣмѣ* вѣстанія (Сл. Ил., 75); буди намѣ гробѣ твои *единѣ тебѣ* и *мнѣ*, царская наша ложница и свѣтлая полата (Каз. лет., 82); ... былѣ сѣ роду княжатѣ Литовскихѣ, *единоколѣненѣ* *кролеви* Польскому Ягаилу ... (Курб., Ист., 167); *тезоименита* *лопата Ипату*, а Вавиле могила (П. XVII в., 371), — и под.

3) Может быть выделена небольшая, но своеобразная группа случаев с приаждективным дательным падежом предмета, являющегося содержанием знания или опытности какого-либо лица.

гораздѣ, горазденѣ:

многие училища бывали грамоте, и писати, и пѣти, и чѣсти учили, и потому тогда *грамоте* и писати и пѣти и чести *гораздных* много было (Стогл., 141); самѣ себѣ не радѣ, что *грамотѣ* *гораздѣ* (П. XVII в., 368 об.), — и др. (с дат. п. грамоте).

искусенѣ:

дѣво прѣстая, *неискусна* *браку* (Лавр., 85); божественному *писанию* *искусенѣ* еси (Посл. Ионы, 611); ... *тому* *неискусные* ... (Курб., Ист., 229); былѣ сѣ нами толмачѣ мудрой *человѣкъ, искусенѣ* *грамоте* философѣ (Д. Т. Пр., 2, 73).

навыченѣ:

лекарѣ Алексѣи Ивановѣ *лекарскому дѣлу* *гораздо* *навыченѣ* и всякие раны лечить (М. ист. мед. №, 1311, 1676 г.).

разумивѣ:

суть у него сѣве, *разумиви* *языку* *Словѣнску* (Лавр., 898 г., 9).

хытрѣ:

... бѣше бо и *книгамѣ* *хытрѣ* *писати* (Ф. Печ., 44 об.); быс(ть) же Иоанѣ мужѣ *хытрѣ* *книгамѣ* и *ученью* (Лавр., 1089 г.); Кирилѣ Гръчинѣ ... *учителенѣ* зѣло и *хытрѣ* *ученью* *божественныхъ* *книгъ* (Лавр., 1124 г.); бѣ же Василко ... *всѣму* *хытрѣ* и *гораздо* *умѣя* (Лавр., 1237 г.).

4) Можно выделить дательный падеж при имени прилагательном *радѣ*; в дательном падеже при *радѣ* усматривается оттенок причинного значения.

... *тому* *есмѣ* *радѣ*, оже *вины* *моеи* *нѣту* (Н. I, 1219 г.); Изяславѣ же *радѣ* *бысть* *крѣстному* *цѣлованью* ... (Лавр., 1149 г., 108 об.); *убогаи* *рад* *киселю*, а *богату* и *золото* в *горло* не *идеть* (П. XVII в., 372), — и др.

Обращаясь к рассмотренной группе адъективных словосочетаний в целом, можно отметить использование в древнерусском языке в соответствии с беспредложным дательным падежом довольно разнообразных синонимических предложно-падежных средств.

При ряде имен прилагательных, управляющих беспредложным дательным падежом, в памятниках древнерусского языка встречается также дательный падеж с предлогом *къ*. В основе синонимического употребления предложного сочетания «*къ + дат. п.*» лежит его способность обозначать предмет, к которому имеет отношение то или иное действие, состояние, свойство другого предмета (ср. др.-русс. *лѣннѣтисѣ къ чему* «лениться в отношении чего-либо» в сфере глагольных словосочетаний). Возможно, что в древнерусском языке не было полной равнозначности беспредложного дательного падежа и дательного с предлогом при именах прилагательных: дательным с предлогом мог обозначаться предмет, к которому то или иное свойство или качество имело менее непосредственное отношение. Однако вносимый предлогом оттенок значения ощущается слабо. Приведем примеры:

добрѣ:

Ловчиковѣ весма к нему обходился *добрѣ* и милостив (Фр. Ск., 65).

милостивѣ:

быс(ть) же съ мужь молчаливѣ, *мѣстивѣ къ убогымъ* и *вдовицам* (Лавр., 1185 г., 132 об.); сиротами *добрѣ* пекыся, *мѣствѣ (зѣло) къ убогим* и *вдовицам* (Лавр., 1216 г.); ... *не милостиви ко крестьяном* (Каз. лет., 33); как ты, оканыйный, надо мною тогда не умилился и *не милостив ко мне* явился? (Пам. сат. лит., 223. — Это не случай приглагольного дательного падежа с предлогом: конструкцию следует понимать в смысле «оказался немилостивым в отношении меня»).

подрученѣ:

обещаетеся быти *подручни къ нему* (Каз. лет., 65 об.).

послушенѣ:

к *бошимъ* быти *послушну* и *покорну* (Дом., 30).

Ср. такое же управление близких по значению прилагательных *покоривѣ*, (*не*)*покорливѣ* (с беспредложным дательным падежом в обследованном материале не встретились):

бѣ же *сѣмѣренѣ срдцьмъ* и *покоривѣ къ всѣмъ* (Ф. Печ., 30); ... *къ всѣмъ покориву* быти (Ф. Печ., 43 об.); ино зло племѣ челоувѣческо ... к *своеи матери непокорливо* (Г.-Зл., 2).

Предложное сочетание «*къ + дат. п.*» встречается также в зависимости от прилагательного *подобенѣ*, однако живому древнерусскому языку такое управление едва ли было свойственно. Примеры:

нѣси подобенъ къ мнѣ (Алекс., 314); неподобенъ быше образомъ къ Филиппу (там же); къ чему убо совѣтъ твой подобенъ будетъ, паче кала смердяи? (И. Гр. Посл. К., 29).

В дальнейшей истории русского языка некоторые прилагательные закрепили за собой дополнение в беспредложном дательном падеже (подобен, послушен), другие — в дательном падеже с предлогом к (добр, милостив), или же какую-либо иную форму. Оба вида дополнения при одном и том же прилагательном в современном языке уже не встречаются.

Из других грамматических средств, находящихся в синонимических отношениях с приаждективным дательным падежом, следует отметить родительный падеж с предлогом до. Ср.:

добръ:

добръ волкъ *до овецъ*, да пасти ему не дадутъ (П. XVII в., 338 об.); тотъ мнѣ и свой, кто *до меня добръ* (П. XVII в., 370 об.); опослѣ учинились *добры до меня* (Авв., 200 об.); человекѣ всѣ *до меня добры* (Авв., 239); тутъ келарь Никодимъ сперва *добръ до меня* былъ (Авв., 249 об.), — и нек. др.

лихъ:

да и нынѣ онѣ не *лихи до меня*: дьяволъ *лихъ до меня*, а человекѣ всѣ до меня добры (Авв., 239).

милостивъ:

такое же и *до нас милостив* буди (Пов. о пр. Ст. Б., 16).

В живом русском языке XVII в. предложное сочетание «до + род. п.» при имени прилагательном *добръ* было, по-видимому, употребительнее, чем беспредложный дательный или дательный с предлогом *къ*. В современном литературном русском языке родительный с предлогом *до* уже не играет роли синтаксического синонима приаждективного дательного падежа.

Прилагательное *виноватъ* теряет управление дательным падежом лица (совр.: виноват перед кем-либо) и дательным падежом вещи (совр.: виноват в чем-либо); в значении «должен» оно вообще перестает употребляться, хотя встречалось еще в памятниках XVII в.

В соответствии с дательным падежом лица при *виноватъ* в древнерусском языке довольно часто выступает творительный падеж с предлогом *передъ*. Ср.:

язъ въ всемъ *виноватъ передъ богомъ* и передъ нимъ (Ип., язъ ... *предъ* своимъ *государемъ виноватъ* (Льв. лет., 1536 г.); послы били челомъ, что король ихъ *передъ царемъ* и великимъ княземъ *виноватъ* (Льв. лет., 1557 г.); она *предъ нимъ* ... *виновата* (Ин. ск., 85); а что поѣхалъ онъ съ Москвы вскорѣ, не извѣстя великому государю, и въ томъ *передъ* великимъ *государемъ виноватъ* (Д. п. Н., № 7).

Что касается дательного падежа вещи при этом прилагательном, то уже в древнейших памятниках вместо него обык-

новенно используется местный падеж с предлогом **въ**; ср. выше-приведенный материал, а также следующие примеры:

азъ *во всемъ виноватъ* (Лавр., 1176 г.); Рижане суть *в томъ не виновати* (Риж. гр. 1281—97 гг.).

Местный падеж с предлогом **въ** сменяет собой также дательный падеж предмета, являющегося содержанием знания или опытности лица. Некоторые случаи такого нового управления можно отметить в памятниках XVI—XVII вв.:

... не токмо бывъ мужественъ, но и въ разумъ многъ и въ священныхъ *писаниихъ* въ некоторыхъ *искусенъ* (Курб., Ист., 167); самъ себѣ не рад, что *в грамотѣ гораздѣ* (П. П. вр., 14 об.).

Ср. также единичный случай управления винительным падежом с предлогом **въ**:

кто *во што гораздѣ*, тотъ тѣмъ и промышляетъ (П. XVII в., 374 об.).

В языке И. Посошкова прилагательные *искусен*, *навычен* употребляются с дополнением в родительном падеже; такое управление в русском языке не закрепилось. Ср.:

книжнаго *разумения искусны* (14), в совершенные школы послать учителей иноческого чина и мирского, кии грамматического *учения искусны* (14), ... церковнаго *круга навычни* (14).

В одном случае беспредложный родительный падеж встретился в зависимости от прилагательного *радъ*:

пастухъ *радъ лѣта*, а тѣло *цвѣта* (П. П. вр., 12 об.).

Беспредложный родительный падеж с течением времени стал нормальным видом дополнения лишь при имени прилагательном *достойнъ*, вытеснив в этой позиции более распространенный в древнерусском языке приаждективный дательный падеж. Ср. единичный случай родительного падежа в нашем материале:

достойнъ есть *того* (Н. I, 1229 г.).

Из синтаксических синонимов следует отметить еще творительный падеж с предлогами **съ** и **надъ**. Предложное сочетание «съ + твор. п.» выступает параллельно с беспредложным дательным при именах прилагательных (*не*)миренъ, *ратенъ*, *равенъ*, (*не*)ровенъ:

в то же время Черниговскому князю *немирну съ Олгомъ* Сѣославичем (Лавр., 1175 г., 123 об.); *с кѣмъ онъ немирен*, и *яз с тѣм немирен* (Дог. № 26, 1430 г.); *ратенъ есмъ съ царемъ* (Ип., 1149 г., 277); *мнишися быти выше челоуѣка, со ангелы равенъ* (И. Гр., Посл. К., 25); по породе ... *они зъ другими неровны* (Кот., 38), — и под.

При имени прилагательном *милостивъ* встретился творительный падеж с предлогом **надъ**:

буди *милостивъ надъ* рускимъ *царемъ* благовѣрнымъ вели-

кимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русии и *надѣ царствомъ* его (Пер., I чел., 141).

Таким образом, с приаждективным дательным падежом первого типа в древнерусском языке вступали в синонимические отношения довольно разнообразные предложно-падежные средства. Круг синтаксических синонимов приаждективного дательного падежа постепенно сужался; обращаясь к материалу современного литературного русского языка, можно отметить, что прилагательные рассмотренной группы, в том случае, если они вообще сохранились до наших дней и сохранили также способность управления, обычно имеют при себе лишь совершенно определенный вид дополнения (дательный падеж, дательный с предлогом *к*, родительный падеж, различные предложные сочетания).

2. Дательный падеж лица, получающего известное впечатление от другого лица (предмета), так или иначе воспринимающего другое лицо (предмет).

1) Дательный падеж при некоторых именах прилагательных, характеризующих предмет с точки зрения его известности или знакомства лицу, название которого стоит в дательном падеже.

вѣдомъ, свѣдомъ («известный»):

ныне то есть *мнѣ ведомо*, аже Рижане суть в томъ невиновати (Риж. гр. 1281—97 гг.); пути *имѣ вѣдоми* (Сл., 211); воеводы у нас уставлены, дружина *нам свѣдома* (Зад., 219); али *тебѣ*, молодець, *невѣдома* нагота и босота безмѣрна, легота, безпроторица великая? (Г.-Зл., 9), — и др.

вѣстенъ, извѣстенъ, вестимъ:

хоти мне, холопу, и умерети случитца, ино бы *тебе*, государю, *известно* было в правду (В. Гр., I); а то, государь, яз, холоп твой, писал для того, кое бы *тебе*, государю, было *вестно* цареву умышление (В. Гр., I); я де твое дела знаю, как ты приезжал на житной двор, и то дело *вестимо* *Воину Мишевскому* (Хоз. Мор. II, 134).

знаемъ, знакомъ, знатенъ:

призываетъ къ собѣ... стараго царя Шихальлѣя, ...веля ему итти со всѣми его служилыми варвары хъ Казани, яко уже гораздо *ему знаема* есть Казань и обычаи весь Казанцевъ *вѣдомъ* (Каз. лет., 60); ...моляся, яко отпущенъ будетъ, пронырникъ, на царствие свое Казань, видити родителя своя и друзи и вся *знаемыи ему*, живы ли есть (Каз. лет., 94 об.); *знакомы* уж вы *нам* (Пов. Аз., 105); уже бо и самому *царю знатенъ* учинился (С. Гр. 33); ...наложить ему на лоб хер или иной какой знак, чтобы он *всякому знатен* был, что он беглец (Пос., 44).

явныи («известный»):

сею нашою грамотою *явное* дело чинимъ *всякому*, хто на:

него узрѣть, или чѣмъ услышити, што ся вчинило (Дог. № 54, 1449 г.).

2) Приаѣктивный дательный падеж пользы и вреда. Дательным падежом обозначается лицо, которое воспринимает какое-либо другое лицо (предмет) как полезное и приятное или, наоборот, вредное и неприятное для себя.

возненавидѣнъ («ненавистен»):

да не *возненавидѣнъ* буду *миру* со многю бесѣдою (Сл. Д. 3., 258 об.).

дорогъ, драгъ:

аще ми за него и умерети случится, воистину *драга ми* сия смерть будетъ и прелюбезна (Курб., Ист., 257); *ваша ему не дорога* кровь разбойничя (Пов. Аз., 102); *не дорого* их нам серебро и злато, *дорога намъ* слава вѣчная (Пов. Аз., 147).

досаденъ:

шолкъ *досаденъ вшамъ*, а сусло гузну (П. XVII в., 380).

любимъ («приятный, любимый»):

башеть бо в ты дни Григорей игумень *стаг(о) Андрѣя*, иже *бѣ любим Володимеру* (Лавр., 1127 г.); *цареви жъ* тои Алексѣй въ то время *зѣло любимъ* былъ (Курб., Ист., 170).

любовенъ, любезенъ:

бракъ без дракъ *рѣткимъ любовенъ* (П. П. вр., 3); таковых ради строений всенародныхъ *всѣмъ любезенъ* бысть (Авр. П., 478).

любъ:

люба быс(ть) *рѣчь* си *дружинѣ* (Лавр., 971 г., 22); *вдам ти* которой *ти* городъ *любъ* (Лавр., 1097 г., 89 об.); оже бы пришелъ самъ толико з дѣтми, то которая бы *ему* волость *люба*, ту же бы взялъ (Лавр., 1149 г., 107); а си грамота аже будетъ князю великому Олгѣрду *не любя*, инъ отошлетъ (Дог., № 5, 1371 г); *самолюбъ* *всякому не любъ* (П. XVII в., 369 об.), — и др.

милъ:

язъ есмь не ратью пришелъ къ вамъ, зане есте людие *милии* *отцю* моему... (Ип., 1157 г.); жена говорлива *мужу не мила* (П. XVII в., 343 об.); *милу волку* теля, да гдѣ ево взять (П. XVII в., 356); *всякому* свое *милу*, хотя на полы згнило (П. П. вр., 3 об.), — и др.

приятенъ:

ино то и *богу приятно*, и души полезно (Дом., 34 об.); от таковых *неприятна богу* милостыня (Дом., 41 об.).

Впрочем, в одном случае прилагательное *приятенъ* встретилось, кажется, в более первоначальном значении, в тесной связи с глаголом *приятн* «выражать приязнь, оказывать услуги».

князь же великий, слышевъ отъ своихъ пословъ, да и отъ тамошнихъ посадникъ, которые *приятны ему*, а разбѣгоша

- же ся вси, что таковое злое влѣнение вѣста въ нихъ по первому ихъ преступлению ... (Сим. лет., 1477 г.).
- прямъ* («приятен, угоден»):
- ... даруетъ имъ отъ царя государя писание и дары, занеже православному царю *прямо* служение ихъ (Каз. лет., 121).
- страшенъ*:
- бѣ *страшенъ* поганымъ (Ип., 1126 г.); былъ еси храбрым, мужественнымъ подвижникомъ и *врагомъ* твоимъ *страшенъ* (Курб., Отв., 147); таковые люди в военномъ деле будутъ не споры и *неприятелю не страшны* (Пос., 33).
- угоденъ* («приятен, мил»):
- не угоденъ* бысть *Кияномъ* Игорь (Ип., 1146 г.); *угодна* бы *бесу* душа его (Пам. сат. лит., 70), — и нек. под.
- 3) При некоторыхъ именахъ прилагательныхъ дательнымъ падежомъ обозначается лицо (предмет), которому нечто соответствует, нечто пригодно или потребно, нечто свойственно и под. Здесь имеется некоторая связь с конструкциями, рассмотренными в I группе приафективного дательного падежа; однако имеется и существенное различие, которое заключается в том, что характеристика предмета, даваемая именемъ прилагательнымъ, предлагается с учетомъ определенныхъ ощущений или определенного восприятия или, наконецъ, определенного свойства, субъектомъ или носителемъ которыхъ является лицо, обозначенное именемъ в дательномъ падеже.
- доволенъ* («достаточный»):
- створимъ миръ со црмъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди *доволю* намъ (Лавр., 971 г., 22).
- надобенъ*:
- а *братѣ* моеи, ни моеи *княгинѣ*, тѣ люди *не надобны* (Дог. № 3, 1353 г.); тѣхъ всѣхъ пушаю на слободу и с женами и с дѣтми, *не надобны* моему сыну и моеи *княгинѣ* (Дог. № 20, 1406—1407 г.); *ненадобна* имъ моя дань (Стр., XXXII, 1455 г.); коли *царю надобен* Дивей, и царь о немъ о чомъ самъ не пишетъ? (В. Гр. I п.); да какъ они бывають отпущены на срокъ и прежь сроку для какого дѣла *царю* будутъ *надобны*, и по нихъ посылають грамоты съ людьми ихъ (Кот., 46 об.), — и нек. др.
- нуженъ*:
- братъ твой Ирикъ *намъ не нуженъ* (Д. Т. Пр. 2, 39); царь же Борисъ о всякомъ благочестии и о исправлении всѣхъ *нужныхъ царьству* вещей зѣло печашеся (Авр. П., 477).
- подобенъ* («подходящий»):
- Довмонтъ же бяшетъ с ними пошелъ на войну, и усмотри время *подобно собѣ*, и воротися назадъ (Ип., 1263 г.); немилостивыи же они юноши, ихъ же прежде изъявихомъ, оттолѣ искаше *подобна имъ* времени, да смерти предаять... царевича (Ин. ск., 8).

пригоденъ:

а что взхочет сынъ мой ... вымѣнити что, села ли, мѣста ли какие, гдѣ будет *ему* что *пригодно*, и онъ у него вымѣнит, а без обиды (Дог. № 57, 1451 г.).

приискренни («свойственный»):

есть и другое аттикомъ свойство, *славяномъ приискренное* (См. Грам., 293 об.).

страненъ («чуждый, несвойственный»):

есть аттикомъ свойство, *славеньску языку* всяко *странно* (См. Грам., 292 об.).

(не)ребенъ:

рухла отъ смиреннишихъ ничтоже взираю, но вся вмѣтаху во огонь и зжигаху, яко *нетребна имъ* (Каз. лет., 67).

4) К данной группе адъективных словосочетаний примыкают словосочетания с дательным падежом, зависящим от слова *свой* (с оттенками значения «близкий, родной, собственный»). Некоторые примеры:

принесше положиша и в цркви *своеи ему* (Лавр., 1091 г., 70 об.); язъ *вамъ свой* княжичъ (Ип., 1157 г.); постиже и вѣсть изъ Чернигова отъ *своихъ ему* приятель... (Ип., 1160 г.); убиенъ бысть въ Римьстѣи цркви свѣтомъ *своея ему* жены (Г. Амарт., 185); волень князь местерь, гдѣ хочеть, ту собѣ живеть, княжение держить, городъ *ему свой* (Пск. 1 лет., 1471 г.) тотъ *мнѣ и свой*, кто до меня добръ (П. XVII в., 370 об.), — и т. п.

Обращаясь к рассмотренной второй группе адъективных словосочетаний с дательным падежом в целом, следует отметить, что в древнерусском языке XII—XVII вв. в составе этих словосочетаний в соответствии с беспредложным дательным не использовалось в сущности никаких синонимических средств предложно-падежного синтаксиса. При отсутствии синонимии естественно, что в историческом плане в этой группе не наблюдается почти никаких изменений (если не касаться чисто лексических сдвигов). Впрочем, в дальнейшей истории русского языка с приадъективным дательным падежом этого типа в синонимических отношения вступил родительный падеж с предлогом *для*; ср. в современном литературном русском языке: *приятный, нужный кому или для кого*.¹¹

3. Приадъективный дательный падеж лица, по отношению к которому имеет значение то или иное качество или свойство другого лица (предмета). Имена прилагательные, при которых в древнерусском языке встречается дательный падеж этого типа, обыкновенно употребляются без дополнения, дательный падеж при них факультативен и должен рассматриваться как

¹¹ Грамматика русского языка, т. II, ч. I. Изд-во АН СССР. М., 1960, стр. 304.

слабоуправляемая форма. Во всяком случае, лексическое значение господствующего слова в рассматриваемых адъективных конструкциях само по себе выявляется достаточно ясно, не требуя дальнейшего уточнения. Любое имя прилагательное в древнерусском языке может иметь при себе дательный падеж лица (редко — предмета), если желательно показать, что то или иное качество имеет для этого лица значение или существует именно с точки зрения этого лица. Четкой грани между приадъективным дательным падежом рассматриваемого типа и другими типами не существует. Можно, впрочем, отметить, что в современном русском языке (или, по крайней мере, в литературном русском языке) вполне четкие случаи приадъективного дательного падежа свободной связи управления отсутствуют: на его месте в адъективных словосочетаниях выступает родительный падеж с предлогом *для*.

Мы приведем лишь наиболее показательные примеры, группируя материал не по отдельным именам прилагательным (такой принцип группировки в данном случае не имеет никакого значения), но в зависимости от того, находится ли господствующее слово — имя прилагательное — в форме положительной степени или же в формах сравнительной и превосходной степеней.

1) Дательный падеж при различных именах прилагательных в форме положительной степени. Дательным падежом обозначается лицо, для которого имеет значение то или иное качество или свойство другого лица (предмета).

рѣка бо непроходима быше *всѣмъ члѣкомъ* (Алекс., 328 об.); *тѣмъ нетвердъ ему бѣ* бродъ, зане не бышетъ ту князя, а боярина не вси слушаютъ (Ип., 1151 г.); *ци мала ть, рци*, своя земля, оже Берестья хочешь, а самъ держа княжения три (Ип., 1288 г.); *сладка* словеса твоя паче меда *устомъ* моимъ (Сл. Д. 3., 255); *велможамъ* своимъ *тихоувѣтливъ* въ нарядѣ бываше (Жит. Дм. Ив., 177); князь же Юрьи *видѣвъ*, яко не прочно ему великое княжение (Сим. лет., 1433 г.); сквернословная... яже *бѣу мерзска* (П. XVII в., 322); конецъ смертныи *всякому горекъ* (П. XVII в., 351); онъ же и судно у меня отнимаетъ и съестъ хочетъ, — *сладка ему бысть вода!* (Авв., 271).

2) Дательный падеж при именах прилагательных в сравнительной и превосходной степенях. Дательным падежом обозначается лицо, для которого имеет значение определенная степень качества другого лица (предмета).

лѣплѣ ми того смерть... нежели Курьское княженъе (Лавр., 1139 г.); таковому государю годится держати дватцать тысящъ юнаковъ храбрыхъ со огненою стрѣльбою, гораздо учиненою, ... ино та *ему* дватцатъ тысящъ *лутши* будутъ ста тысящъ (Пер. 1 чел., 137 об.); наипаче жъ *смерт-*

ному ничесо жъ быти можетъ *благословеннѣишаго* (Курб., Отв., 138) (в данном случае перевод латинск. *quo beatius esse mortali nihil potest*); аще и жив, но *богу* скарედными своими дѣлы паче мертвеца *смарднейший* и гнуснейший... (Дог., № 104).

Отметим, что и в этой группе адъективных словосочетаний дательный падеж в древнерусском языке не имеет синонимов и таким образом может считаться устойчивой формой. Синонимические отношения с предложом *для* и родительным падежом у приадъективного дательного устанавливаются лишь в литературном языке XVIII в.¹² В дальнейшем различия в оттенке значения совершенно стираются, что и привело в конце концов к вытеснению беспредложного дательного падежа предложным сочетанием, способным выражать требуемое значение с большей определенностью.

* *
 *

Подведем некоторые итоги.

Из трех выделенных нами основных групп случаев приадъективного употребления дательного падежа наиболее устойчивой оказалась вторая группа (дательный падеж лица, получающего известное впечатление от другого лица, так или иначе воспринимающего это другое лицо или предмет; сближается с приглагольным дательным падежом косвенного субъекта или ощущающего лица). В древнерусском языке здесь нет никакой синтаксической синонимии, и в историческом плане не обнаружено почти никаких изменений.

Применительно к древнерусскому периоду (до XVIII в.) дательный падеж третьей группы (обозначает лицо, для которого имеет значение какое-либо качество или состояние другого лица; сближается с приглагольным дательным падежом предназначения) также представляется вполне устойчивым. Однако в дальнейшем развитии русского литературного языка этот тип дательного падежа совершенно вытесняется получающим все более широкое распространение предложом *для* с родительным падежом.

Весьма богатой синонимикой обладал приадъективный дательный падеж первой группы (наш материал позволил выявить восемь синонимических средств). В дальнейшем в составе этой группы утратилась небольшая подгруппа дательного падежа со значением предмета, который является содержанием знания или опыта лица; в словосочетаниях с близкими по значению прилагательными в настоящее время дательный падеж

¹² Ср.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. II. Киев, 1953, стр. 274.

заменен местным с предлогом **в** (в качестве синонима встречался и в языке XVI—XVII вв.). Остальные подгруппы в общем представлены и в современном русском языке, однако приадъективный дательный падеж уже не имеет почти никаких синонимов. Система управления имен прилагательных заметно упорядочилась. Прилагательные, утратившие с течением времени способность управлять дательным падежом, имеют при себе все же какой-либо определенный вид дополнения; многообразия в этом отношении уже не наблюдается.

Некоторые сокращения в указании источников *

- Вас. Гр. — Переписка Ивана Грозного с Василием Грязным. — С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. I. М., 1952.
- Верт. — Книга, глаголемая прохладный вертоград. — В. М. Флоринский. Русские престолярные травники и лечебники. Казань, 1880.
- Г. Амарт. — В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия мниха. Т. I. Петр., 1920.
- Г.-Зл. — Повесть о горе-злосчасти. — Русские повести XVII—XVIII вв. под редакцией и предисловием В. В. Сиповского. СПб., 1906.
- Д. Т. Пр. — Дела тайного Приказа. — РИБ, тт. XXI—XXIII. СПб., 1904—1908.
- М. ист. мед. — Материалы для истории медицины в России. СПб., 1881—1885.
- Пам. соц.-эк. — Памятники социально-экономической истории Московского государстве XIV—XVII вв. Т. I. М., 1929.
- Посл. Ионы — Послание митрополита Ионы полоцкого епископу Симеону ок. 1456 г. — РИБ, т. VI. СПб., 1908.

* См. также списки сокращений в других наших работах, помещенных в серии «Труды по русской и славянской филологии».

ИМПЕРФЕКТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ II КЛАССА В ДРЕВНЕ- РУССКОМ ЯЗЫКЕ

П. С. Сигалов

Исследователи старославянского языка уже давно обратили внимание на то, что в наиболее древних текстах почти не отмечены имперфективные глаголы II класса. Анализируя наиболее древние переводы Евангелия на старославянский язык, А. Мейе пришел к выводу, что «тип перфективных презенсов на -пѣ- представлен в глаголах, не снабженных приставками, очень немногими примерами; тип имперфективных и инхоативных презенсов на -пѣ-, который играет важную роль в развитии славянских диалектов, не существует в имперфективном состоянии в Евангелии и появляется в других старославянских текстах лишь в виде отдельных исключений. В старославянском языке глаголы с суффиксом -пѣ- были, следовательно, главным образом перфективными» (подчеркнуто автором)¹. Лишь с оговоркой он относит к имперфективам в старославянском языке *вѣснущи* (Клоц.) и *сѣхнѣаше* (Супрасл.)². А Мазон, вслед за Майе, считал почти все глаголы с суффиксом -ну- в старославянском языке перфективными³. Однако уже в 1904 г. Э. Бёме внес поправку в утверждение Мейе, считая спорным распространение перфективного признака на весь глагольный класс с суффиксом -пѣ-⁴. А. Достал в своей книге, которая является поистине энциклопедией старославянского глагола, отмечает в наиболее древних старославянских памятниках пять имперфективных глаголов II класса, встретившихся в беспрефиксной форме: *вѣснущи*, *вы-*

¹ A. Meillet, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. Paris, 1902, стр. 25.

² В примерах из старославянских и древнерусских памятников **ѣ** заменяется буквой **я**, **ѡ** — буквой **у**, **ѣ** — буквой **ю**, **ѥ** — **е**; титла раскрыты, надстрочные знаки вынесены в строку.

³ A. Mazon, *Morphologie des aspects du verbe russe*. Paris, 1908, стр. 13.

⁴ E. Boehme, *Die Aktionen der Verba simplicia in den altbulgarischen Sprachdenkmälern*. Leipzig, 1904, стр. 34.

кнути, съхнути, гибнути и, ошибочно, *канути* ⁵. В последнем случае, исходя из единственного примера в Синайской псалтыри — *землѣ потрясе ся ибо небеса кануша*, Достал предполагает несовершенный вид. Мнение Достала неубедительно: 1) он сам говорит о возможности употребления глагола любого вида в данной фразе; 2) в отличие от других случаев, он не ссылается на иные славянские языки, а в них *канути* — перфектив (ср. русск.). Перфективом этот глагол считали Мейе и Бёме.

В церковнославянских памятниках русского извода и в собственно древнерусских произведениях XI—XII вв. имперфективы II класса представлены несколько большим числом глаголов, чем в старославянском языке, но все же очень незначительным; можно указать такие инхоативы ⁶ (т. е. глаголы со значением перехода в какое-либо состояние):

ВЫКНУТИ: *жена да выкнеть въ всякомъ повиновении; иже бо оучити не вѣсть, то да выкнеть* (Изборник 1073 г., — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, М., 1958, дальше — СМ, т. I, 444).

ГЫБНУТИ: *азъ же съде гладѣмъ гибну: брашьно гибнущее* (Остромирово евангелие, СМ, I, 618).

МОКНУТИ: *страньна въведи въ домъ свои, (бескровьнааго въ храмъ свои), даждь мокноуштюмоу соухоту* (Изборник 1076 г. ДРС).

МЪРКНУТИ: *дълго ночь мркнеть...* (Слово о полку Игореве, СМ, II, 231—232).

МЯКНУТИ: *такъ же и божиемъ многотръпѣниемъ ови в чьловѣцѣхъ мякнуть, ови же жесточають* (Изборник 1073 г., СМ, II, 255).

НИКНУТИ: *в роукоу бо недѣля тръние ничеть (вместо — никнеть) и путѣ нетяжъ настѣлани трънья* (Пандекты Антиоха, XI в. СМ, II, 450).

Кроме этих глаголов, засвидетельствованы два имперфектива без инхоативного значения:

ДРЯЗГНУТИ: *Яждѣ, яко и чьловѣкъ, прѣдлежащая ти, а не дрязгни, да не възненавидѣтъ боудеши* (Пандекты Антиоха, XI в.) Значение — жрать, жевать (СМ, I, 737).

ТУТНУТИ: *Земля тутнеть, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають* (Слово о полку Игореве, СМ, III, 1040). Значение — греметь, гудеть.

В более позднее время (XIII—XV вв.) отмечены и имперфективы *вязнути, грязнути, киснути, мързнати, съхнути, сякну-*

⁵ A. Dostal, Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954, стр. 166.

⁶ В работе использованы различные словари и материалы Картотеки словаря древнерусского языка (ДРС).

ти, тонути, тянут. А глаголы *вянуть, гаснуть, глохнуть, слепнуть* засвидетельствованы лишь в XVII—XVIII вв.: *вянуть* в словаре Памвы Берынды (XVII в.), три остальных — в «Лексиконе трезычном» Ф. Поликарпова (1704 г.). В связном тексте глагол *вянуть* встречается лишь в произведениях XVIII в.: *волосы, государь мой, ажно вянуть! как посмотришь иногда на ихъ дѣла* (Болотов, Сельский житель, 1778, ДРС). Тогда же и *гаснуть: сіяніе и слава сего ордіна начали тогда мрачітися, та-кожь мало по малу гаснути*» (Шхонбек, «История о ординах», 1710, ДРС).

Но и в старославянском и в древнерусском языках часто встречаются уже в самый ранний период приставочные глаголы, бесприставочные параллели к которым отмечены значительно позже (для древнерусского языка). Так, в древнерусском языке XI—XII вв. можно указать 22 глагольные основы имперфективной базы, которых нет в бесприставочной форме. Приставочные формы от глаголов, которые указаны выше, засвидетельствованы в древнерусском языке ранней поры чаще, чем формы бесприставочные. В «Повести временных лет» (Лаврентьевский список) глагол *погы(б)нути* употреблен 22 раза, *гы(б)нути* не отмечен ни разу, 2 раза употреблены формы с *-сѣхнути*, 3 раза с *-никнути*, 8 раз с *-тягнути*, 4 раза употреблена форма *въскрьснути*, по 1 разу глаголы *погрязнути, увянути, разгнути, навикнути*; беспрефиксных инхоативов, соответствующих этим глаголам, в тексте нет. И лишь к единственному глаголу с приставкой мы находим имперфектив: рядом с (*по, ис(тонути)* 4 раза) дважды употреблен глагол *тонути*. Можно сказать, что уже в раннюю историческую эпоху древнерусского языка отмечено большинство инхоативных глаголов II класса, но отмечено, главным образом, в приставочной форме. То же соотношение приставочных и бесприставочных инхоативов и в старославянском языке.

Чем объяснить такое несоответствие? Тем ли, что имперфективы II класса — новый глагольный тип, который только начинал складываться в эпоху первых памятников? А. Достал считает, что в ряде случаев отсутствие того или иного глагола (в том числе и имперфектива II класса) объясняется тематической узостью памятников, дошедших до нас. И действительно, многие имперфективные глаголы II класса относятся к бытовой лексике: *киснуть, мокнуть, вязнуть, сохнуть* и т. д., но объяснить их отсутствие тематикой первых памятников, конечно, нельзя: в этих же памятниках часто встречаются приставочные глаголы от инхоативных основ. А. Достал, очень наблюдательный и осторожный в выводах исследователь, считает, что отсутствие того или иного глагола (в данном случае — имперфектива II класса) в памятниках старославянского языка еще не говорит о его отсутствии в старославянском языке: «Если

мы находим, что данный простой глагол не обозначен в старославянских текстах, но имеется в текстах церковнославянских, равно как и в текстах древнечешских, древнерусских и т. д., то очень правдоподобно, что этот глагол имелся также в старославянском языке и не был употреблен в текстах лишь случайно. При этом важнее свидетельства древнечешского, древнерусского и т. д., чем свидетельства церковнославянских текстов»⁷. И вывод: если глагол был в двух славянских языках в наиболее древний период, значит он был и в старославянском языке. Лишь случайно, считает Достал, в старославянских текстах не были отмечены такие глаголы: *чезнути*, *грязнути*, *кыснути*, *льнути*, *мякнути*, *никнути*, *сякнути*, *тягнути*, *тонути*, *вянути*, *вязнути*, *збнути*, *жаснути*, которые, по его мнению, были в историческую эпоху в старославянском языке. Некоторые глаголы, существовавшие как простые в доисторическую эпоху, ко времени первых переводов уже исчезли и употреблялись только в сложениях: *-гаснути* (?), *-кръснути*, *-млькнути* (?), *-мрѣзнути* (?), *-сль(п)нути*. Этот вывод Достал делает на основании того, что эти глаголы в их бесприставочной форме не засвидетельствованы в ранний период развития отдельных славянских языков. Он считает, что некоторые глаголы могли быть вторичными, образованными путем разложения (депрефиксации, декомпозиции, депревербации) приставочного глагола. Но характерно именно то, что, по мнению Достала, эти глаголы существовали как простые в доисторическую эпоху, затем, в силу каких-то причин, они исчезали, а в историческую эпоху восстанавливались путем декомпозиции, путем отбрасывания приставки. Вот что он пишет, например, о глаголе *выкнути*: «...предполагаю, что *выкнути* как простой глагол исчез, когда глаголы II класса стали главным образом перфективными, и был возобновлен депревербацией из *навыкнути*, разумеется, сравнительно поздно, примеры простого глагола есть лишь в Супрасльской рукописи»⁸. Таким же путем, считает он, был возобновлен и глагол *кръснути*, отмеченный Миклошичем в сербском памятнике XVII в. Как видим, выводы Достала о роли декомпозиции в образовании бесприставочных глаголов рассматриваемого типа очень умеренны: они касаются только двух глаголов, причем и эти глаголы, считает Достал, существовали в доисторическую эпоху, но потом исчезли. Мысль о том, что имперфективы II класса могли быть образованы путем декомпозиции приставочных глаголов, высказывалась и до Достала, причем высказывалась в более категорической форме. Так, Ренгнелль считает, что имперфективы с *-н-* возникли путем «вычитания префикса» у приставочных глаголов. «Этот процесс был возможен лишь там,

⁷ A. Dostal, ук. раб., стр. 439.

⁸ A. Dostal, ук. раб., стр. 305.

где префикс не придавал глагольному корню существенно различного значения, он происходил, следовательно, главным образом у сложений с приставками, значение которых ослаблено»⁹.

В последнее время теория декомпозиции как единственного способа образования имперфективов II класса была выдвинута чешским ученым Игорем Немцем¹⁰. «Несовершенный тип *sъхнѣти* возник лишь при позднейшем развитии вида, когда самый старший тип видовой пары *усъхнѣти* — *usyxati* начинает утрачивать свою продуктивность по фонетическим причинам (ср. *utonѣти* — *utapati*)»¹¹. Немец указывает, кроме этой, еще одну причину: двусмысленность суффикса -а-, который мог обозначать «просто имперфективность и итеративность». По этим причинам видовая пара *utonѣти* — *utapati* стала заменяться новой видовой парой *utonѣти* — *tonѣти*, т. е. инхоатив образуется путем разложения (декомпозиции) старого приставочного глагола (*усъхнѣти*, *utonѣти*)¹². Таким образом, по Немцу, глаголы образовались в такой последовательности: *uto(p)нѣти* — *utapati* — *tonѣти*. Как же образовался первый член этого ряда? Немец так определяет происхождение глаголов II класса: «Определенные (детерминированные) основы являются морфологическим, а также, повидимому, и историческим производным с помощью суффикса -п- детерминированных претеритальных корневых основ: ср. *mrъk-* и *mrъkne*, *въz-bъd-* и *въz-bъ(d)ne*, *гъb-* и *гъ(b)ne-*, *o-slъp-* и *o-slъ(p)ne*»¹³. В другом месте он указывает, что такого типа инхоатив может образоваться от приставочного каузатива. Некоторые каузативы, типа *pri-lъpiti*, *u-sušiti*, в простом виде в древнюю эпоху не встречались. Эти приставочные каузативы были образованы от именных основ с помощью приставок, которые не придавали никакого нового значения этой основе, а лишь глубже вскрывали ее смысл (т. н. плеонастические приставки)¹⁴. От такого каузатива и образовался приставочный инхоатив (*usušiti* — *усъхнѣти*)¹⁵.

По нашему мнению, теория декомпозиции, изложенная И. Немцем, не может удовлетворительно объяснить возникновение на славянской почве имперфективов II класса.

И. Немец считает более древней видовую пару *utonѣти* — *utapati*, на смену которой пришла новая видовая пара *utonѣти* —

⁹ Carl Göran Regnell, Über den Ursprung des slavischen Verbalaspekten. Lund, 1944, стр. 79.

¹⁰ Igor Němec, Kategorie determinativnosti a indeterminativnosti jako základ slovanské kategorie vidu (Slavia, ročník XXV, sešit 4, Praha, 1956); Genese slovanského systému vidového (Rozpravy československé akademie věd, ročník 68, sešit 7), Praha, 1958.

¹¹ I. Němec, Kategorie D—ID..., стр. 528.

¹² I. Němec, Genese..., стр. 81—82 и след.

¹³ I. Němec, Kategorie D—ID..., стр. 521.

¹⁴ I. Němec, Genese..., стр. 59.

¹⁵ I. Němec, Genese..., стр. 82.

tonęti. Отношение между типом *тонуть*, *вянуть* и типом *утопать*, *увядать* представляется точно таким же, как и между *есть* и *съедать*, *драть* и *сдирать*, т. е. это результат действия имперфективации. Действительно, в древнюю эпоху формы типа *увядать* засвидетельствованы чаще, чем формы типа *вянуть*, но это совсем не объясняется большей давностью типа *увядать*. Немец считает, что тип *вянуть* вместо типа *увядать* появился 1) по фонетическим причинам, 2) из-за двусмысленности суффикса -а-. Но обе эти причины, по нашему мнению, несостоятельны. Случаи фонетического несоответствия основ типа *utonęti* — *utapati* единичны, для русского языка, например, можно указать лишь: *увянути* — *увядати*, *утонути* — *утapati*, *съгънути* — *съгьбати*, *погынути* — *погыбати*, *осльнути* — *осльпати*. Вряд ли эти немногочисленные случаи могли стать причиной декомпозиции целого глагольного типа. Фонетические изменения (т. е. выпадение согласных b, d, t) представляются явлением более поздним, чем образование глаголов типа *увядать* (*uvędati*). Глагол *uvędati* есть результат имперфективации глагола *ivędti*. Очевидно, имперфектив *uvędati* был образован тогда, когда d входил еще в состав слова *ivędti* (*ivędnęti*).

Вторая причина, по Немцу, — двузначность суффикса -а-, который были признаком имперфективности и итеративности. В типе *ivędati*, *utapati* значение итеративности не ощущается. Но если даже допустить существование оттенка итеративности в типе *увядать*, то нужно сказать, что итеративность, которая выражается теми же суффиксами, что и имперфективность, -а-
-ia -ва- — вторичное, более позднее значение этих суффиксов, которые вначале выражали только имперфективность, что убедительно показал Достал¹⁶. Во-вторых, существование такого типа глаголов, например, в русском языке совсем не требует их замены, хотя двузначность суффикса -а- в них выражена более отчетливо: мы говорим о типе *съедать* и т. д. Глагольный тип *увядать* по своей структуре и по времени и причинам своего образования сходен с глаголами типа *съедать*, с той лишь разницей, что значение итеративности в типе *увядать* совсем не содержится, что обусловлено лексическим значением основы.

И. Немец говорит, что тип *вянуть* пришел на смену типу *увядать*. Нам неизвестно соотношение этих двух типов в древнепольском, древнеболгарском языках, ибо работ, посвященных этому вопросу, нет. Но для современного польского языка более характерен тип *więdnąć* — *iwiędnąć*, для болгарского же — тип *постървам* — *постърна*, *загълъхам* — *загълъхна*. В русском языке сохраняются обе видовые пары *увянуть* — *вянуть* и *увянуть* — *увядать*. Лишь в двух случаях можно говорить о вытеснении форм типа *увядать*. В современном русском языке не употреб-

¹⁶ А. Dostal, ук. раб., стр. 480.

ляется глагол *оутьрпати* — в значении «ослабевать» —, отмеченный в СМ (III, 1323), напр. *и яко оуслыша (Борис), начатъ тѣломъ оутерпати* (Житие Бориса и Глеба, XIV в.), сейчас употребляется глагол *терпнуть* — в ином значении. Срезневский приводит (II, 727) глагол *осльпати* и объясняет его — ослепнуть: *око ему десное ослипаа да ослеплетъ* (Толкования на книгу пророка Захарии, конец XV в.), хотя глагол имеет значение несовершенного вида. В четырех случаях произошло обратное явление — тип *увядать* вытеснил тип *вянуть*: *(ис)чезать, -выкать, (ис)сякать, (вос)кресать* вместо отмеченных в прошлом, но ныне не существующих *чезнути, выкнути, сякнути* и не отмеченного *-кръснути*. Значительное число инхоативов в современном языке не имеет параллельных приставочных форм на -а-: *блещуть, брюзгнуть, волгнуть, глохнуть, горкнуть, грубнуть, густнуть, дрябнуть, дряхнуть, ёлкнуть, жёлкнуть, жёсткннуть, жухнуть, крепнуть, мозгнуть, мякнуть, сипнуть, слизнуть, слепнуть, хрипнуть, чахнуть*. Из этих глаголов в бесприставочной форме в древний период отмечены только глагол *мякнуть* (XI в.), в приставочной — *глохнуть, крепнуть, слепнуть* (XI в.). В современном языке приставочные формы на -а- имеют такие глаголы: *бухнуть, -выкннуть, вязнуть, вянуть, гаснуть, гибнуть, грузнуть, дохнуть, зябнуть, киснуть, -креснуть, липнуть, мерзнуть, меркннуть, мокнуть, молкнуть, никнуть, пухнуть, сохнуть, сякнуть, тихнуть, тонуть, тухнуть (гаснуть), -снуть*. Из этих глаголов *выкннуть, вязнуть, гибнуть, зябнуть, меркннуть, мокнуть, никнуть, сохнуть, тонуть* отмечены без приставки в XI—XIV вв. Все остальные, кроме *бухнуть, грузнуть, тихнуть*, засвидетельствованы в этот же период в приставочной форме. Таким образом, можно сделать вывод, что приставочные глаголы на -а- образовались от глаголов типа *увянуть, утонуть* в тот период, когда был продуктивен суффикс -а- как средство образования вторичных глаголов несовершенного вида. В более позднее время, по-видимому, уже на почве диалектов русского языка, когда от именных основ возникали новые инхоативные глаголы (*горкннуть, дрябннуть, желкннуть*), от них уже не образовались приставочные формы на -а-, ибо этот путь образования глаголов был уже непродуктивен¹⁷. Возможность такого объяснения подтверждает история глагола *слепнуть*: с приставкой он отмечен еще в XI в., в древнюю же эпоху от этого инхоатива был образован глагол *ослипати*, впоследствии исчезнувший.

Говоря о глаголе *sъхнѣти*, И. Немец предполагает, что первичный (по сравнению с *sъхнѣти*) глагол *usъхнѣти* образован от каузатива *usušiti*, который, в свою очередь, был образован «на

¹⁷ «Суффикс -а- после твердых согласных непродуктивен и не дает новообразований в современном языке, хотя и сохраняется в широком круге более старых образований несовершенного вида» (Грамматика русского языка, изд. АН СССР, М., 1960, т. 1, стр. 447).

именной основе локальной приставкой -и»¹⁸. О взаимоотношении приставочной и бесприставочной форм говорилось выше. Неизвестно, насколько характерным для приставочных инхоативов, по мнению Немца, является их образование от каузативов. Однако даже для отдельных инхоативов объяснение Немца представляется недоказанным. Правильнее считать, что инхоативы образуются непосредственно от именной основы (от основы компаратива, как можно предполагать)¹⁹.

Но чем все-таки объяснить более частое употребление типа *увядать* по сравнению с типом *вянуть* в древних текстах? Объяснить употребление таких форм их семантическим различием нельзя: для древнерусского языка (как и для современного) эти глаголы синонимичны. Ср. в «Повести временных лет»: ... *и нача утапати Ростиславъ предѣ очима Володимерима* (стр. 144) и «... *и овии бѣгающе тоняху въ Сѣгомли* (стр. 102)²⁰ В старославянском языке видовая пара типа *увянуть* — *увядать* представлена чаще, чем в древнерусском языке, так как в памятниках старославянского языка почти не употребляются бесприставочные инхоативы.

В преимущественном употреблении пар типа *увядать* — *увянуть* нужно видеть, по нашему мнению, особенность болгарского языка, легшего в основу языка старославянского. Для болгарского языка характерной как раз является и сейчас видовая пара типа *навивкам* — *навивкна*, *накисвам* — *накисна*. «... одной из ярких специфических особенностей болгарского языка, по сравнению, например, с русским является максимально широкая, почти ничем не ограниченная способность создавать производные имперфективные основы...»²¹. Под влиянием старославянских текстов и русские авторы, в случае надобности, употребляли преимущественно формы типа *увядать*, считая их более пристойными, чем формы типа *вянуть*, которые, возможно, ощущались как просторечные. И в современном русском языке формы типа *увядать* представляются книжными по сравнению с формами типа *вянуть*. Характерно, что А. Мейе, который считал II глагольный класс в старославянском языке «главным образом перфективным», не отрицал наличия в нем бесприставочных имперфективов на -и-. По его мнению, переводчик евангелия просто не использовал их: «Не может быть, чтобы этот тип не существовал, но переводчик его не употребил в простой форме; он пользуется, например, *rogybŋa*, как перфективом, но для имперфектива он обращается или к *gybati*, *gybliŋa*, или к *rogybati*,

¹⁸ I. Немес, *Genese...*, стр. 82.

¹⁹ См. об этом нашу статью «Две группы русских инхоативных глаголов» (Филологические науки, № 4, 1962).

²⁰ Повесть временных лет, под ред. Д. Н. Лихачева. М—Л., 1950.

²¹ Ю. С. Маслов, Морфология глагольного вида в современном бол-

pogyblja, или также, может быть, к *pogybati*, *pogybaja* ...»²². Ф. Кейпер пишет о бесприставочных инхоативах: «Это такие же древние глаголы, как и перфективы на *-pōti*, они восходят непосредственно к более старым детерминативам»²³. Правильным представляется мнение Ю. С. Маслова: «... скорее следует предположить, что все типы мутативных основ уже существовали (по крайней мере, в зародыше) в эпоху до широкого развития глагольной префиксации ...»²⁴.

Как известно, в своем словаре Памва Берында объясняет непонятные слова — старославянские и иностранные, переводя их на украинский язык с примесью слов русских, белорусских, польских. Старославянское слово *присвѣдаю* он переводит — *вяну*, а не словом *увядаю*, которое было бы ближе по форме к *присвѣдаю*²⁵.

В древнерусские памятники из живой народной речи проникали и инхоативы. Этим можно объяснить большую употребительность инхоативов в древнерусском языке по сравнению со старославянским языком.

Предлагаемое объяснение не является исчерпывающим, так как оно относится только к древнерусскому языку, вопрос же о причинах отсутствия имперфективных глаголов II класса в старославянском языке остается открытым.

гарском литературном языке. М., 1963, стр. 16.

²² A. Meillet, ук. раб., стр. 24.

²³ F. B. J. Kuiper, *Die indogermanischen Nasalpräsentia*. Amsterdam, 1937, стр. 205.

²⁴ Ю. С. Маслов, Роль т. н. перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида (Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961), стр. 21.

²⁵ П. Берында, *Лексикон славеноросский*. Киев, 1627 (в книге И. Сахарова «Сказания русского народа», т. II, СПб., 1849, стр. 83).

АССУФФИКАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

А. К. Рейцак

Лицо, которое первым включает в свою речь иноязычное слово в его исконном или несколько видоизмененном значении, приспособливает фонетическую оболочку этого слова к своей родной фонетической системе и одновременно придает ему основные грамматические категории того лексико-морфологического разряда, к которому оно приобщает это слово. Т. о., первичное появление иноязычного слова в языке есть результат акта индивидуального, а не коллективного, и поэтому на первичном приспособлении чужого к своему лежит отпечаток субъективного в пределах, допустимых закономерностями языка. У следующего лица, которое обратится к этому иноязычному слову, это приспособление может произойти по-иному. Так в течение некоторого времени после первичного появления в речи иноязычного слова возникают его фонетико-морфологические дублиеты, созданные отдельными лицами, пока на известном этапе уже коллективное языковое чутье по тем или иным причинам не окажет предпочтения одному из этих дублиетов и не возведет его в норму, обрекая остальные на исчезновение. При этом под нормой следует понимать не только нормированный литературный язык, но и норматив в языке доисторической эпохи, так как у нас нет основания полагать, чтобы, например, в общеславянском языке фонетико-морфологическое приспособление иноязычного элемента к нормативным моделям совершалось, так сказать, «молниеносно», в виде единовременного акта. «Забракованные» дублиеты¹ также исчезали не сразу, а лишь со временем, в зависимости от конкретных исторических условий.

Если в период накопления первоначальных вариантов поддерживался контакт с языком — источником заимствования, то это содействовало максимально возможному сближению его фо-

¹ Появление вариантов нельзя считать чем-то обязательным, подчас заимствованию придана вполне удачная фонетико-морфологическая форма уже при первичном включении в речевую практику.

нетической оболочки со звучанием этимона и подчас даже появлению в заимствующем языке новых для него фонем (ср. звук «f» в древнерусском языке в период до падения редуцированных) или иных языковых элементов (например, новых для него аффиксов, вычлененных из ряда однотипных заимствований), а это в свою очередь облегчало освоение новых иноязычных слов, содержащих такого рода звуки и структуры.

С точки зрения морфологического оформления заимствованных имен существительных представляет наибольший интерес фонетическое освоение конца слова, ибо, как известно, все названия неодушевленных предметов и абстрактных понятий входят в родовые группы и, соответственно, в тот или иной тип склонения² по признакам формальным, в то время как названия лица включаются в наши группы мужского и женского рода по значению пола³.

Наблюдения над фонетико-морфологическим освоением группы имен существительных, заимствованных в русскую лексику в период XV—XVII вв. из германских языков⁴, а также факты, относящиеся к более позднему заимствованию, засвидетельствованные в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера⁵, позволили выявить следующие основные линии в фонетическом освоении исхода имен существительных:

1. Редукция конечных гласных.

Как правило, в исходе слова подвергались редукции гласный звук переднего ряда «i» и — реже — звук «e» как не свойственные фонетико-морфологической модели русских существительных. Редукция всегда происходила в заударном слоге и чаще всего сопровождалась палатализацией согласного звука, ставшего теперь конечным.

В результате в русском языке появились существительные — названия лиц, вошедшие в тип склонения бывших jо-основ, и названия предметов, изменяющиеся по типу существительных бывших i-основ (ж. р.) или jо-основ (м. р.).

а) Редукция i > ь наблюдается в лексемах «бекарь» < ср.-н.-н. *beker* (i), «скирбь-кербь» < сканд. **skirfi*, *kerf*, *kerfi*, шв. *kärfe* и «сельдь» < сканд. *sild*, -i. Отнесение их к существительным ж. р. бывших i-основ подтверждается показаниями памят-

² Вопрос о несклоняемых именах существительных в настоящей статье не рассматривается.

³ А. В. Миртов, К вопросу о грамматическом усвоении русским языком заимствованных слов. УЗ Горьковского ГУ, 1954, вып. XXVI, стр. 213.

⁴ А. К. Рейцак, Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV—XVII веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1963.

⁵ M. Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I—III. Heidelberg, 1950—56. (Сокращенно: МФ).

ников. Так, в Ревельских актах⁶ № 23 (около 1530 г.) читаем: «... положили въ его бусу товару четьре ласты, ... да пол-третья ласту селди» ... ; «Купиль 2 кирби лну новгородского, даль 5 ал.» — 1558 г., Книга расходная Кирилловского монастыря № 2, л. 90 об.; лишь единственный пример, имеющийся на лексему «бекарь», является несколько «безликим»: «... трое куровъ, сито заспы, два сыра, бѣкаръ соли» (грамота 1437—1462 гг.)⁷.

Все эти лексемы — заимствования старые, вероятно, — XV века; они именуют понятия из сферы повседневной жизни и скорее всего проникли в русский язык устным путем. Из них «бекарь» — 'сосуд' вышла из употребления (в словарях XVIII века уже не значится), а лексема «кербъ» снабжена в академическом словаре 1847 г.⁸ пометой «старинное».

б) С редукцией е > ь представлен целый ряд заимствований XV—XVII вв.

С XV века свидетельствуется заимствование «кумендерь» (куньдорь) < ср.-в.-н. *kommendur(e)*: «... ажь бы какое стало нелюбые межи местеря ... любо куньдоревь, любо риделевь» ... , 1405 г.⁹; эта лексема, именующая должностное лицо Ливонского ордена, исчезает из употребления вместе с обозначаемой реалией.

В XVI веке появляются «шкипарь», «имбирь», «касть», «противень», в XVII в. — «шкиль» и «шкаль».

Так, «шкипарь» < сканд. *skipari*, шв. *skerpape* встречается впервые в Ревельских актах № 78 1566 г. и употребляется в такой дублетной форме в XVII веке («... а написал шкипарем меня ...») ¹⁰, сохраняясь в таком облике в северных говорах еще в конце XIX века.¹¹ Лексема «имбирь» < ср.-н.-н. *ingibere*, ср.-в.-н. *ingewer*, *ingeber(e)* свидетельствуется нашими материалами с 1596 г. («... а пряныхъ зелей давали въ Прагѣ на недѣлю ... по 3 гривенки инбирю толченого» ...) ¹². Лексема «шкиль», уступившая впоследствии место варианту «шил-

⁶ Русские акты Ревельского городского архива, изд. Археографическою Комиссиею под редакцией А. Барсукова. СПб., 1894.

⁷ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 216—217.

⁸ Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук, тт. I—IV. СПб., 1847.

⁹ Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Изд. Археографическою Комиссиею. СПб., 1868. (= РЛА).

¹⁰ Русско-Шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. АН СССР. М.—Л., 1960 (= РШЭО); Акт № 211, 1673 г.

¹¹ Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Собрал на месте и составил Г. Куликовский. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1898, стр. 137.

¹² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, тт. I—X. СПб., 1851—1871. (= ПДС). См. т. II, ст. 372, 1596 г.

линг», восходит к шв. *skile(mynt)*; она представлена на протяжении XVII века многочисленными примерами главным образом в документах, относящихся к экономическим сношениям России с Швецией и собранных в РШЭО. Заимствование «шкаль», выступающее в современном языке в форме «шкалик», появилось еще в XVI в. в Ревельских актах (грамота № 54) и обнаруживает двоякую родовую принадлежность — («три шкали», «три шкаля»). Начальное звуко сочетание *шк-* объясняется, по-видимому, влиянием голл. формы (*schaal*) на нижненемецкую (*schale*).

В XVI веке появились также «касть» и «противень». Первая из них, восходящая к ср.-н.-н. *kaste, kast* «место или камера хранения чего-нибудь; тюрьма, темница»¹³, встречается лишь в Ревельских актах (№ 35, ок. 1530 г.) — «... и покастное бы естя велѣли взять на виноватыхъ на Володиныхъ душегубцехъ, кои у васъ в касти сидятъ» ... , в словарях не засвидетельствована в значении «темница», однако значится в Картоке Словарного сектора Института русского языка АН СССР в примере из книги 1954 г. издания в другом значении, которое семантически связано с указанными выше («Камни, украшающие ювелирную галантерею, вставляются в держатель камня, называемый кастом» ... — Товароведение промтоваров, т. II стр. 540), а также с иной родовой характеристикой.

Лексема «противень» < н.-в.-н. *Bratpianne* встречается в XVI веке, по свидетельству Е. Борисовой¹⁴, в многочисленных памятниках; основа этой лексемы была подвергнута народно-этимологическому сближению с лексемой «против».

XVII веком датируются восходящие к шведскому «руль» < *gulle*, -а 'перечень'¹⁵, засвидетельствованное немногочисленными примерами в значении «реестр» в РШЭО, и «бисюкаръ» < *besökare* в значении «таможенный смотритель» (также РШЭО). Ни в одном из позднейших словарей эти лексемы не обнаружены.

К н.-в.-н. могут быть возведены заимствования XVII в. «пистоль» < *Pistole* («... 2 пистоли да пищаль» ... , РШЭО № 73, 1637 г.), «поташъ» < *Pottasche* («У Архангельского города торговля ... пенкою, поташью» ...) ¹⁶ и «латунь» < н.-в.-н. *Latun(e)*, ср.-н.-н. *lattone* («... 19 ластов меди латуни зеленой» — РШЭО № 270, 1684 г.). Все перечисленные три лексемы выступают еще в XVII веке в дублетных формах — «пистол» (ПДС

¹³ K. Schiller, A. Lübben, *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*. Bd. I—VI. Bremen, 1875—1881.

¹⁴ Е. Борисова, Из истории бытовой лексики Рязанских памятников XVI—XVII в. Диссертация. Рязань, 1956, стр. 186.

¹⁵ E. Hellqvist, *Svensk etymologisk ordbok*. Lund, 1957; III 851.

¹⁶ Г. К. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. третье. СПб., 1884, стр. 164.

II 1379, 1621 г.), «пистолет» (РШЭО № 40, 1631 г.), «поташ» < голл. *potasch* (Ревельские акты № 119, 1653 г.), «латуня» (РШЭО № 200, 1672 г.).

Сопоставление с современным состоянием показывает нам, что из двух названий лиц, первоначально входивших в тип склонения бывших *j*o-основ, одно исчезло, а второе уступило свое место твердому варианту; из 12 названий неодушевленных предметов две лексемы (руль, бекарь) утратились, три лексемы (пистоль, шкиль, шкаль) уступили место суффиксальным образованиям мужского рода, две лексемы с самого начала входили в палатальный тип мужского рода (противень, имбирь), две лексемы (касть, поташь) перешли из типа *i*-основ ж. р. в тип *o*-основ, и только три лексемы (кирбь, сельдь, латунь) продолжают принадлежать к *i*-основам. Это свидетельствует о тенденции к росту типа склонения бывших *o*-основ.

в) Редукция *e* > *θ* без палатализации конечного согласного наблюдается преимущественно в заимствованиях XVII века, восходящих, по-видимому, к н.-в.-н. этимонам: гаубиц < *Hau-bitze* («...единъ гаубицъ въ 2750 фунтовъ вѣсомъ»... — ПДС VIII 1174, 1698 г.), пик < *Pike* («... и солдаты съ мушкеты ... и съ пики»... — ПДС IV 513, 1663 г.), юнк < *Junge* («... что онъ челобитчикъ ездилъ 1664 году на карабѣль ... изъ Амстердама за юнка»... ПДС IX 947, 1698 г.), картуз < н.-н. *kartûse* («163 картуза накладныхъ с пулями свинцовыми»... — ДАИ¹⁷ X 198, 1682 г.), клуп < *Kluppe*¹⁸, пресс < *Presse* («... два прес-са»... — Опись Моск. Печ. двора, л. 13, 1649 г.), штыб < *Stübbe*¹⁹, интерес < *Interesse* («и сей интересъ они господа послы держать и крѣпко при немъ стоять»... — ПДС IX 296, 1698 г.).

Редукция конечного гласного звука без палатализации предшествующего согласного могла быть поддержана или удвоенностью этого последнего в этимоне (клуп, штыб, интерес, пресс), или ограниченной способностью этого согласного к палатализации (пик, юнк), или его отвердением (гаубиц). В силу такой редукции эти имена существительные вошли в тип склонения бывших *o*-основ. Лексема «юнк», сохранив м. р., впоследствии уступила место дублету «юнга», названия неодушевленных предметов «гаубиц» и «пик» изменили тип склонения и, соответственно, грамматический род, вероятно, не без воздействия семантически близких лексем, соответственно лексем «пушка» и «спица». На возможность воздействия грамматиче-

¹⁷ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссіею.

¹⁸ L. Trebbin, *Die deutschen Lehnwörter in der russischen Bergmannsprache*. Veröffentl. der Abt. für slav. Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin, Bd. XII. Berlin, 1957, S. 63.

¹⁹ *Op. cit.*, S. 78.

ского рода семантически близких лексем указывается в литературе предмета²⁰.

2. Изменение конечного гласного.

В подавляющем большинстве случаев заимствования, германский этимон которых имеет в своем исходе гласный -е, субституируют этот звук в русском языке звуком -а, что переводит все названия неодушевленных предметов в женский род и, соответственно, в тип склонения а-основ. Такова была судьба лексем «аптека» < прибалт.-нем. aptheke, ср.-н.-н. abteke, «балка» < Balke, «крица» < Krite, «кухва» < Kufe, «канна» < Kappe, «фурма» < Furme и множества других. Некоторые названия лица, как, например, «юнга», выступают в мужском роде, но склоняются по типу а-основ.

На основании многочисленных примеров не только XV—XVII вв., но и более позднего периода такой способ освоения германских заимствований с исходом -е можно считать закономерностью.

3. Появление конечного гласного в русском при его отсутствии у этимона

В некоторых случаях при освоении заимствованного из германских языков слова в его исходе появляется гласный звук (чаще всего «а» или «о»), хотя германский этимон оканчивается на согласный.

а) Подчас звук -а присоединяется в посредствующем звене — «вахта» < польск. wachta < н.-в.-н. Wacht или же поддерживается наличием этого «-а» в польском («квартира» при польск. kwatera и н.-в.-н. Quartier).

В большинстве случаев остается лишь предположить, что присоединение -а имело место в силу того, что к а-основам принадлежал ряд семантически близких лексем, ввиду чего осваиваемые языком заимствования примкнули к ним:

- а) ратуша < польск. ratusz < ср.-в.-н. rāthūs, контора < н.-в.-н. Kontor, голл. kontoor, польск. kantor испытали, вероятно, воздействие со стороны лексем «казенная палата», «съезжая изба»;
- б) мортира < голл. mortier, гаубица < н.-в.-н. Haubitze примкнули к «пушке»;
- в) рапира < н.-в.-н. Rapier присоединилась к «шпаге»;
- г) пика < н.-в.-н. Pike, списа < н.-в.-н. Spiess

²⁰ А. В. Миртов, указ. соч., стр. 214.

S. Gardiner, Russisch клеймо, клейнот и клейноды. Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. 28, Hf. 1. Heidelberg, 1959, S. 150—153.

- объединились со «спицей»;
- д) яхта < голл. *jacht*,
шхута < голл. *schuit*
поддались влиянию «бусы, лодки»;
 - е) стопа < голл. *stoop*
подчинилась в роде «кружке»;
 - ж) кипа < ср.-н.-н., голл. *kîp*
уподобилась «связке»;
 - з) линт — линта — лента < ср.-н.-н., голл. *lint*
получила грамматический род по примеру «тесьмы»;
 - и) ланцуга < н.-в.-н. диал. *lannzug*
примкнула к «цепочке», и т. д.

Некоторые из перечисленных заимствований имели дублетный вариант. Так, лексема «гаубица» фиксируется в этой форме впервые в словаре Нордстета²¹, где вместе с тем в последний раз приводится дублетный вариант лексемы «рапира» без -а. Следовательно, на протяжении почти всего XVIII века эти заимствования выступали в форме «гаубиц» и «рапир». Дублетный вариант «мортир» в последний раз приводится в лексиконе Поликарпова²².

Своеобразна судьба лексемы «лента». Первые фиксации этого заимствования свидетельствуют о его принадлежности к мужскому роду: «По росписи иноземца Юрья Гипнера надобно ко 6 комидиямъ 10 штукъ линтовъ шолковыхъ красныхъ по рублю штука»...²³; «...80 аршинъ линтовъ алыхъ, добрыхъ же»...²⁴. В то же время еще с XI века в языке существовало в значении «полотенце» восходящее к греческому слово «лентий»²⁵. В результате в конце XVII века появляется в значении «завязка» форма «лент»: «...взять на завяску лентовъ широкихъ добрыхъ»... (ПДС VII 1322, 1695 г.). Ни «линт», ни «лент» в словарях литературного языка не засвидетельствованы: уже в Вейсманнове лексиконе²⁶ (стр. 270, 273) приводятся «лента» и «линта». Только контаминативную форму «лента» одну дает впервые Российский Целляриус 1762 г. Тем не менее дублет «линта» еще долго сохраняется в говорах.²⁷

²¹ Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. Иваном Нордстетом. СПб., 1780—1782.

²² Ф. Поликарпов, Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, еллино-греческих и латинских сокровище. М., 1704.

²³ Документы Московского театра. М.—Л., 1949. См. стр. 49, 1675 г.

²⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. XII, стр. 317, 1687 г.

²⁵ И. И. Срезневский, Материалы ..., т. II, стр. 17.

²⁶ Вейсманн, Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.

²⁷ Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Собрал на месте и составил Александр Подвысоцкий. СПб., 1885.

Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Составил Е. Якушкин. Ярославль, 1896.

Судьба лексемы «шкута» несколько иная. В этой форме она выступает и в памятниках («...рухлядь свою всякую...положилъ х тому... Юрью на шкуту»... — Ревельские акты, № 136, 1651 г.; «...как ехали на море, ...шкуту разбило»... — РШЭО № 207, 1673 г. и т. д.), и в говорах²⁸. Некоторые словари XIX века²⁹ приводят форму «шкют». В XX веке это слово в словарях литературного языка³⁰ не включалось.

Займствование «яхты» засвидетельствовано без конечного «а» лишь в примерах XVI века: «...И вы бы яхти... и пищали намъ подавали»... — Ревельские акты, № 21, 1527 г.; в XVII века в памятниках обнаружена только форма с конечным -а: «...посланы они (судовые снасти) на корабль и на яхту»... — ДАИ V 265, 1667—1670 гг.

В единственном обнаруженном примере XVI в. заимствование «ланцуга» выступает в этой форме («И подали... Царю... отъ Максимилиана Цесаря поминки: ланцугу золоту съ каменьемъ»... — ПДС I 513, 1576 г.), примерами XVII в. мы не располагаем. В форме «ланцухъ» это слово засвидетельствовано в словаре Памвы Беринды 1627 г., который приводит также уменьшительную форму «ланцушокъ». Мужской род этой лексемы объясняется в юго-западных говорах, по-видимому, влиянием польской формы *łancuch*. В словари литературного языка это заимствование не включалось, но значится в словаре Даля, в «Смоленском областном словаре» и в некоторых других в форме «ланцуг», а в Картотеке Словарного сектора Института русского языка — также и в форме «ланцуга».

Займствование «стопа» появилось в языке сразу с ок. -а, в современном языке оно известно лишь с суффиксом -к-, который впервые засвидетельствован в исследованных материалах в 1601 г.: «...stopka серебряна золочена съ покрышкою»... — ПДС II 783. Бессуффиксальная форма встречается во множестве примеров на протяжении всего XVII века и даже позже (из писателей у Одоевского³¹).

б) В некоторых случаях заимствованные названия предме-

²⁸ Словарь областного олонецкого наречия... Смоленский областной словарь. Составил В. Н. Добровольский. Смоленск, 1914.

²⁹ Н. Яновский, Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, ч. I—III. СПб., 1803—1804.

Словарь Церковнославянского и русского языка, сост. II отд. Академии наук, т. I—IV. СПб., 1847.

В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880—1883.

³⁰ См. Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1934—1940.

Словарь русского языка в четырех томах. АН СССР. М., 1957—1961.

³¹ Словарь современного русского литературного языка, т. XII, ст. 946. М.—Л., 1963.

тов, в своем языке-источнике оканчивающиеся на согласный звук, присоединяют при освоении гласный -о.

В четырех случаях из пяти конечным согласным является звук «l», ввиду чего эти лексемы, вероятно, уподоблялись исконным названиям орудия действия с суффиксом -л-о: дышло < польск. *dyszal* < ср.-в.-н. *dihsel*; стуло³² < голл. *stoel*, н.-н. *stuhl*; зало; седло (седель < шв. *sedel*, «род таможенной квитанции» — РШЭО № 184, 1666 г.). Ввиду омонического отталкивания форма «седло» уступила место форме «седел», которая, однако, не обнаружена ни в одном из словарей XVIII—XX вв. Примеров на дублетный вариант «стуло» в нашем распоряжении нет. Дублет «зало», правда, с пометой «просторечие», вошло в большой академический словарь современного языка. Заимствование «дышло» дублетных вариантов не имеет.

Пятой лексемой, присоединившей при освоении к конечному согласному звук -о, была лексема «клеймо», выступавшая в XVI веке также и в форме «клейно» (Ревельские акты, № 78, 1566 г.). В данном случае основанием присоединения -о было, как полагает исследовавший этот вопрос С. Гардинер³³, семантическое сближение со словом «пятно».

4. Освоение с ложным суффиксом.

Во многих случаях необычное с т. зр. русских фонетических моделей конечное звуко сочетание этимона субституируется при освоении заимствования звуко сочетанием, которое совпадает с тем или иным исконным суффиксом. В группе заимствований, проникших в XV—XVII веках из германских языков в русскую лексику, в качестве таких ложных суффиксов выступают суффиксы -ок, -к-а, -ец, -ень, -уга, -ыш : иш, -ун, -яг-а, -ик, -ух-а, -ань, -ан, -ина. Чаще всего встречаются суффиксы -ок, -к-а, -ец.

а) Суффиксом -ок оформлены заимствования, германские этимоны которых содержат в своем исходе консонантное сочетание «сонорный + заднеязычный (глухой) взрывной», т. е. сочетание, не удовлетворяющее исконному принципу построения консонантного сочетания по восходящей звучности в пределах одного слога.

В некоторых случаях такое переоформление исхода этимона могло иметь место под влиянием польского, как, например, в слове «рынок» (*grynek*). Однако в лексеме «рисунок» польское влияние вряд ли правдоподобно ввиду отсутствия и >ы (ср. рынок, рымарь, рыцарь и т. д.), эта лексема вошла в русский язык скорее непосредственно из тех нижненемецких диалектов,

³² С. Thörnqvist, Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Труды по славянской филологии, изд. Русским институтом при Стокгольмском университете, т. 2. Stockholm-Uppsala, 1948.

³³ S. Gardiner, op. cit.

в которых дифтонгизация *i* произошла позже, чем в верхненемецких (ср. *gîzen* — *geîßen*).

Ряд лексем, восходящих к указанному типу германских этимонов, в польском суффикса *-ек* не имеет. Это — шинок < польск. *szynek* < ср.-н.-н. *schenk(e)*; рубанок < ср.-н.-н. *rûhbank*; фольварок < польск. *folwark* < ср.-в.-н. *vorwerk*.

Все это наводит на мысль о том, что русский «суффикс» появился у них по аналогии с исконными словами, оформленными древним суффиксом *-ѣк-ѣ* (им. пад.): *ѣк-а* (род. пад.) — рубанка: рубанок и т. д.

Из более поздних заимствований, судя по словарю М. Фасмера, также целый ряд переоформил свой этимологический исход указанного выше типа при помощи ложного суффикса *-ок*. Так, мы имеем «ерунок» < *Gehrung*, клинок < голл. *kling*, каламенок < голл. *kallemink*, фуганок < н.-н. *foogbank* и т. д. Подчас суффикс *-ок* субституировал и другие исходные сочетания, как, например, в лексеме «щёлок» < н.-н. *schöllôge*, или просто присоединялся к этимону, как, например, в лексемах «габелок» < н.-в.-н. *Kalbfell*, «сниток» < шв. *stint*.

б) Суффиксом *-к-а* оформлено наибольшее количество заимствований XV—XVII вв. и более позднего периода.

Этимоны лексем, оформленных этим суффиксом, представляют собой более пеструю картину, чем предыдущая группа, где суффикс *-ок* чаще всего появляется в том случае, когда мы имеем в исходе этимона стечение *-нк-*, причем в русском, в отличие от германских языков, звук «*п*» отсутствует.

Из заимствований XV—XVII вв. сочетание носового с заднеязычным взрывным имеется только в лексеме «лядунка» при польск. *ladunek* и н.-в.-н. *Ladung*. На выбор суффикса *-к-а* оказала влияние, по-видимому, семантическая близость с словом «сумка».

Далее суффикс *-к-а* появляется в лексеме «ярмарка» (ср. польск. *jarmarkt* и н.-в.-н. *Jahrgmarkt*), представленной 31 примером в исследованных материалах XVII в. Только в двух случаях мы имеем форму «ярмарка», в остальных же случаях — форму «ярманка». Эта последняя фиксируется в лексиконах Поликарпова и Вейсмана, в словаре Нордстета, в академическом словаре 1806—1822 гг., в словаре Даля, в ряде областных словарей³⁴ и в Картотеке Словарного сектора по современным говорам. Тем временем форма «ярмарка» появляется, наряду с дублетом «ярманка», из словарей впервые лишь в академи-

³⁴ Кашинский словарь. Составил И. Т. Смирнов. СПб., 1901.

Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н. М. Васнецова. Вятка, 1908.

А. В. Миртов, Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Труды Северо-Кавказской Ассоциации научно-исследовательских институтов № 58, вып. 6. Ростов-на-Дону, 1929.

ческом словаре 1847 г. Такая живучесть формы «ярманка» наводит на мысль о том, что в данном случае мы имеем дело не просто с присоединением суффикса с целью ликвидации необычного звукосочетания. В виде гипотезы выдвигается следующее объяснение: перед нами факт народно-этимологического переосмысления всей лексемы в целом. Так, поскольку первые ярмарки устраивались в Архангельске, где торговый сезон длился с весны до осени, то это могло послужить основанием для восприятия первого компонента немецкого композитума как корня лексемы «яра» (ср. «яровой хлеб» — «растущий с весны до осени») и для переоформления второго компонента *-маркт > -ман-к-а (ср. при-ман-к-а). Такого рода ассоциация вполне правдоподобна ввиду того, что ярмарка своим обилием товаров, безусловно, приманивала народ.

Далее суффикс -к-а появляется также у заимствований XVII века «рюмка» < голл. goemerke (субституция -ке > -ка) и «коринка» < н.-в.-н. Korinthe (субституция -- te > -ка).

Из более поздних заимствований, зафиксированных в словаре М. Фасмера, субституируют необычное исходное сочетание русским суффиксом -к-а следующие лексемы: басаринка < польск. basarynek < ср.-в.-н. bezzerunge, ганка < польск. ganek — н.-в.-н. Gang, донка < англ. donkey, клецка < н.-в.-н. Klötzchen, каболка < голл. kabelgaren, нанка < Nanking, талька < голл. talliche, филенка < н.-в.-н. Füllung, форсунка < англ. force pump, циклинка < н.-в.-н. Ziehklinge и т. д.

Особую группу заимствований, оформленных в русском суффиксом -к-а, составляют такие, у которых этот суффикс присоединился к этимологическому исходу, а не субституировал то или иное исходное звукосочетание.

Нередко суффикс -к-а появляется в исходе односложных этимонов. Таковы заимствование XVII века «малка» — 'угломер плотника' < голл. mal (здесь возможно и омонимическое оттапливание) и целый ряд более поздних заимствований: байка < голл. baai, гузка < н.-в.-н. Guss, илька < н.-в.-н. Ilk, клямка < голл. klam, кнопка < голл. кпоор, койка < голл. kooi, пробка < голл. prор и т. д. Однако во многих случаях суффикс -к-а присоединяется и к двух- и трехсложному этимону: бузурунка < голл. boezergoen, вагранка < австрийск. Wagrain, верейка < англ. wherry, выбленка < н.-в.-н. Webeleinen, камфорка < голл. kamfoor, плошка < н.-в.-н. Plötze, фэфка < н.-в.-н. Feife, фортка < н.-в.-н. Pforte и т. д.

Лишь в отдельных случаях можно допустить, что присоединение суффикса -к-а было связано с идеей уменьшительности. С этой идеей связывался этот суффикс, по-видимому, в лексемах «юбка» и «салфетка».

Первое из этих заимствований появляется еще в XVI веке в форме «юпа» и именует мужскую одежду, вероятно, «кафтан»:

«А цесарь лежить на постелѣ на кровати; а на немъ юпа» — ПДС I 701, 1577 г. Значение «мужской кафтан» подтверждается также многочисленными примерами XVII века: «...переводчикъ... дѣлалъ Нѣмецкое платье на Москвѣ... пляшь суконное, штаны суконное да юпу»... — ПДС II 1378, 1621 г.; «Да у него жъ посланного взято на них В. Г-рей волосы накладные, да платье нѣмецкое, епанча исподняя, юпка, штаны, все то байберское, черное, съ круживы шелковыми черными»... — ПДС VII 888, 1691 г. Отсутствие исторического словаря русского языка не позволяет определить, когда лексема «юбка» стала употребляться в значении «женская одежда от талии книзу»; впервые это значение фиксируется в Словаре Академии Российской 1789—1794 гг. В то же время форма «юпа» со значением «крестьянская шубная одежда» сохранялась еще в середине XIX века³⁵. Попутно следует заметить, что возведение лексемы «юбка» в польск. *jurka*³⁶ представляется неправомерным, т. к. форма «юпка» появилась на столетие позже (вероятно, на первых порах в значении «куртка»), чем «юпа». Этимоном «юпы» является, по-видимому, ср.-в.-н. форма *jorpe*, *jurre*³⁷, сохранившаяся по отдельным немецким говорам. К этой же форме восходит эст. *jorp* — «мужской полушубок».

Лексема «салфетка» появляется в языке в конце XVII века (ПДС IX 1020, 1698 г.) сразу же с суффиксом -к-а (из н.-в.-н. *Salvette*), будучи воспринята как «маленькая скатерть».

Некоторого внимания заслуживает лексема «тарелка», которая в «Кратком этимологическом словаре» возводится к нем. *Teller*, а в словаре М. Фасмера — через польск. *talerz* к ср.-в.-н. *talier*, тогда как словарь Клуге указывает, что ср.-н.-н. формой была форма *talier*, а ср.-в.-н. формой — форма *teller*.

Наиболее древний из имеющихся в нашем распоряжении примеров датируется 1509 годом и фиксирует форму «тарѣль»; наличие звука «ѣ» указывает на то, что в этимоне должен был быть звук дифтонгического качества, а он был лишь в нижне-немецкой форме, но не в польском и не в верхне-немецком. Следовательно, заимствование произошло непосредственно.

На протяжении двух столетий (XVI—XVII в.) лексема «тарелка» выступает в двоякой форме — с суффиксом -к-а и без него, причем обе формы сосуществуют в одном и том же памятнике. Так, в РШЭО № 288 (1689 г.) встречается «тарелка», а в РШЭО № 299 (1690 г.) — «тарель». То же самое наблюдается

³⁵ Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением импер. Академии наук. СПб., 1852.

³⁶ Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

³⁷ F. Kluge, A. Götz, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1951.

в ПДС. Следовательно, мнение некоторых лингвистов³⁸ о том, что вариант «тарелка» заменил в XVII веке бессуффиксальный вариант XVI века, нуждается в уточнении. Единственный из наших 45 примеров, запечатлевший эту лексему без метатезы плавных, но с суффиксом -ка-, датируется 1697 годом (ПДС IX 577).

Вместе с тем, с 1583 года в изученных памятниках встречается в 15 случаях лексема «талер» — 'денежная единица'. Она представлена графическими дублетами «тарѣль» (4 случая), «талярь» (1 случай), «тарель» (5 случаев), «талер» (5 случаев).

Отсюда вытекает, что на протяжении XVI и XVII веков обе лексемы — «тарелка» и «талер» — бытовали в языке в виде дублетов с метатезой плавных и без нее. Гипотетически можно допустить, что суффикс -к-а присоединялся к названию сосуда теми лицами, кто уже перестал различать звуки «ѣ» и «е» и для кого — в случае метатезы плавных — название сосуда и название денежной единицы звучали одинаково. При таком допущении суффикс -к-а срастался с названием сосуда все прочнее по мере того, как стиралось различие между звуками «ѣ» и «е». Одновременно это должно было вести к ликвидации метатезы в названии денежной единицы и, наоборот, к ее закреплению в названии сосуда.

в) Суффикс -ец появляется в исходе заимствований XVII века, этимон которых оформлен звуко сочетанием -pze, -pz: шанец < н.-в.-н. Schanze, померанец < н.-в.-н. Pomeranze, танец < н.-в.-н. Tanz. Однако материалы словаря М. Фасмера свидетельствуют о том, что в целом ряде случаев этот суффикс субституирует и иные исходные звуко сочетания этимона. Так, бимец < англ. beams, винтранец < англ. wingtransom, диленцы < англ. deal-ends, карбец < н.-в.-н. Kerbholz, мамеринец < голл. mamierings, марганец < н.-в.-н. Manganerz, пурганец < н.-в.-н. Purganz, ранец < н.-в.-н. Ranzen, ситец < голл. sits, фланец < н.-в.-н. Flansch и т. д. И в этих случаях суффикс -ец чаще всего появляется в таких лексемах, в исходе которых этимологически содержался один из сонорных звуков в сочетании со звуком «s» или «с».

* * *

Поскольку переоформление этимологического исхода описывается на чисто внешнее звуковое сходство, то подчас конечное звуко сочетание этимона субституируется таким суффиксом, который по своему основному значению к данному случаю никак не подходит. Именно в силу такого звукового сближения экспрессивный суффикс лица -ан появился в заимствовании

³⁸ Е. Борисова, указ. дисс., стр. 175 и след.

XVII века «клапан» < н.-в.-н. мн. ч. Klappen и в более поздних заимствованиях «розан» < н.-в.-н. мн. ч. Rosen, «тюльпан» < н.-в.-н. мн. ч. Tulpen, «лацкан» < н.-в.-н. уменьш. Lätzchen и т. д., а суффикс уменьшительности -ик — в заимствованиях Петровской и послепетровской эпохи «зонтик» < голл. zonne-dek, «парик» < н.-в.-н. Perücke, «кубрик» < голл. koebrug, «ластик» < англ. lasting и т. д.

По существу описанного типа звуковые изменения в исходной части осваиваемых заимствований, приводящие к замене конечного звуко сочетания этимона исконным суффиксом заимствующего языка, представляют собой разновидность народной этимологии, опирающуюся на необычность конечного звуко сочетания этимона и на его некоторое звуковое сходство с исконными словообразовательными суффиксами.

Исследователями, рассматривающими явления народной этимологии³⁹, выделены следующие типы народно-этимологической ассимиляции заимствованной и деэтимологизировавшейся исконной лексики:

а) Ассонация (assonatio), т. е. лексическая ассимиляция, отражающаяся на звуковом облике слов, но не влияющая на их предметную отнесенность (например, «карасин < карась»).

б) Адыдеация (adideatio), т. е. лексическая ассимиляция, приводящая к звуковым изменениям на основе семантического сближения («бульвар > гульвар»).

в) Десемантизация, т. е. лексическая ассимиляция, влияющая только на семантику слов, но не на их звуковой состав («павильон» — это «тот, кто всеми повелевает»).

Мы предлагаем выделить еще один тип народно-этимологического переосмысления как разновидность ассонации — т. наз. ассуффиксацию (assuffixatio), рассмотренную в настоящей статье (раздел «Освоение с ложным суффиксом»).

Если ассонативные переделки заимствований, как и их десемантизированные толкования, укореняются в языке очень редко, то адыдеативные варианты имеют значительно больше шансов на укоренение в языке, так как опираются на нечто общее в значении тех явлений, наименования которых сближаются, несмотря на то, что это сближение с лингвистической точки зрения произвольно. Так, из заимствований XVII века укоренились в форме, созданной в результате адыдеации, лексемы «бумазая», «попугай» и «прохвост», в говорах широко пустили глубокие корни адыдеативные варианты «конобой» (конвой), «смолчуга» (смалчуга), «ярманка» и некоторые другие.

Все же и адыдеативные переделки заимствований, прочно

³⁹ А. Александров, Литовские этюды I. Народная этимология. РФВ, 1888, № 2, Варшава, стр. 133—157.

Р. Гельгардт, О лексической ассимиляции в связи с ложной («народной») этимологией. — РЯШ, 1956, № 3, стр. 36—42.

вошедшие в литературный язык или в народные говоры, составляют в общей массе заимствований ничтожный процент. В то же время т. наз. ассуфигированные заимствования насчитываются сотнями. Причина такого различия заключается, по-видимому, в следующем.

И ассонативные, и адыдеативные звуковые изменения происходят в корневой части слова, они обусловлены стремлением говорящего или говорящих сцепить иноязычное слово на основании звукового сходства с хорошо известными словами родного языка. В таком переоформлении заимствования проявляется со всей отчетливостью тенденция найти мотивировку слова. В то же время в языке существует огромное количество исконных слов, которые уже полностью деэтимологизировались, т. е. для которых уже невозможно установить тот образ, который послужил отправной точкой при их создании. Следовательно, в языке имеется огромное количество исконных слов, которые являются лишь звуковыми комплексами, несущими в себе определенное значение. Принципиально они ничем не отличаются от заимствований, также не имеющих внутренней формы в заимствующем языке, и заимствования как бы примыкают в этом отношении к деэтимологизировавшимся исконным словам. В силу этого даже у адыдеативных переделок заимствований нет благоприятной почвы для укоренения.

В то же время язык постоянно пополняется суффиксальными новообразованиями от исконных корней и основ, как этимологизируемых, так и деэтимологизировавшихся. Это создает благоприятные предпосылки для прочного укоренения ассуфигированных заимствований, которые тесно смыкаются с суффиксальными неологизмами от деэтимологизировавшихся исконных корней: и у тех, и у других «этимологизируется» лишь суффиксальная часть, по которой они включаются в один из типов склонения.

На основании сказанного предлагается включить ассуффиксацию в перечень разновидностей народно-этимологических переосмыслений заимствованных и деэтимологизировавшихся исконных слов и признать за ней существенную роль при фонетико-морфологическом освоении заимствованной лексики. По предварительным наблюдениям представляется, что ассуфигированных заимствований германского происхождения или прошедших через посредство германских языков в русском языке значительно больше, чем прочих заимствований, претерпевших, например, редукцию исходного гласного. Далее представляется, что ассуффиксация наблюдается исключительно при устном заимствовании и чаще всего обнаруживается в лексемах, имеющих широкое распространение в общенародном языке или среди представителей той или иной профессии.

Все это, на наш взгляд, должно бы привлечь к описанному явлению внимание со стороны исследователей, занимающихся заимствованной лексикой.

Принятые сокращения

англ. — английский
герм. — германский
голл. — голландский
н.-в.-н. — нововерхненемецкий
нем. — немецкий
н.-н. — нижненемецкий

польск. — польский
русск. — русский
сканд. — скандинавский
ср.-в.-н. — средневёрхненемецкий
ср.-н.-н. — средненижненемецкий
шв. — шведский
эст. — эстонский

ПРИНЦИПЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ СИЛЬНОГО И СЛАБОГО ТИПОВ УПРАВЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ)

М. Д. Лесник

Способы выражения синтаксической связи слов в словосочетании и предложении привлекают в последние годы все большее внимание исследователей. Особенно спорным и трудным является вопрос об управлении.

В лингвистической литературе наметились три основные точки зрения на этот вид выражения зависимости существительного от господствующего слова.

1. Традиционным является следующее определение управления как особого типа подчинительной связи между словами: употребление определенной формы косвенного падежа существительного (или любого субстантивного слова) обусловлено грамматическим или лексико-грамматическим значением господствующего слова.

Такое понимание управления идет еще от А. Х. Востокова, закреплено А. М. Пешковским и встречается с небольшими нюансами во всех грамматиках современного русского языка¹.

Однако, если данная падежная форма не определяется лексико-грамматическим значением другого слова, а зависит от общего смысла высказывания, способ выражения синтаксической связи слов также признается управлением. (Ср. *«Из-под платка смотрели на него тревожные, строгие глаза»*, К. Паустовский, *Дождливый рассвет*; *«Семен стал мыть руки на дворе под висячим рукомойником»*, А. Н. Толстой, *Хождение по мукам*).

В противоречии с общим определением управления любой косвенный падеж считается управляемым; обусловленность, «требование» господствующим словом определенной формы зависимого слова фактически не принимается во внимание.

¹ Грамматика русского языка, изд. АН СССР, т. II, ч. I. М., 1960; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык, Синтаксис. М., 1958;

Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цапкевич, Современный русский язык. М., 1961, и др.

Таким образом, теоретическое обоснование синтаксической связи управления и его практическое восприятие расходятся. При этом становится неясной, нечеткой сама сущность этого грамматического явления. В чем состоит специфика подчинения падежной формы господствующему слову и можно ли относить к управлению те случаи, когда постановка имени в определенном косвенном падеже не зависит от другого слова в словосочетании, — эти вопросы не находят разрешения.

Значительно упрощена формулировка в «Синтаксисе» МГУ². Здесь управлением называется такой вид подчинительной связи, при котором в качестве зависимого слова употребляется форма косвенного падежа имени существительного или другого субстантивного слова. Зависимость косвенного падежа понимается очень широко: и от лексико-грамматического значения главного слова и от общего смысла речи. Эта «широта», однако, не способствует выяснению характера подчинительной связи слов. Зависимость от смысла речи на деле означает независимое от другого слова употребление падежной формы в словосочетании, показывает, что падеж употреблен в соответствии с выражаемым им грамматическим значением.

В литературе очень подробно выяснялись, классифицировались значения падежей, те отношения, которые выражает каждая падежная форма, но эти очень важные для выявления падежных значений исследования прямого отношения к способам выражения синтаксической связи слов не имели.

И действительно, для понимания управления важно указание не на соответствующее, выражаемое падежом отношение к главному слову словосочетания (напр. в *пишу пером* — *пером* выражает отношение орудия к действию), важно, вызывается ли постановка имени в данном падеже стержневым словом словосочетания, или мы употребляем данную падежную форму только в зависимости от падежа, от того, что мы хотим выразить в предложении. Другими словами, можно ли говорить, что управление является таким способом синтаксической связи слов, при котором падежная форма зависит, вызывается господствующим словом, или «каждое слово имеет ту форму, какой требует смысл, а не форму, зависящую от другого слова в предложении»³. В последнем случае мы должны или признать отсутствие управления в современном русском языке⁴, или отказать от традиционной формулировки управления.

Такую попытку изменить установившуюся формулировку, а вместе с ней и понимание управления, мы находим в работе

² Современный русский язык, Синтаксис, изд. МГУ, 1957, стр. 28.

³ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 362—363.

⁴ Сравн. В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, стр. 222.

Е. В. Кротевича «О связях слов». Он вводит новое определение этой синтаксической связи слов: «Под управлением нужно понимать такой способ подчинительной связи между членами словосочетания, при котором подчиненное слово (существительное или его эквивалент), обслуживая господствующее, принимает в зависимости от выражаемого им отношения форму того или иного косвенного падежа (без предлога или с предлогом)»⁵.

На первый взгляд кажется, что нам предлагается совершенно новое решение вопроса, но в действительности оказывается, что и здесь каждая форма субстантивного слова в косвенном падеже признается управляемой. Е. В. Кротевич стремится снять противоречие, возникшее при традиционном подходе к этой синтаксической связи слов, но в его трактовке управления не вскрывается сущность отношений между главным и зависимым членом словосочетания.

Устранив «обусловленность косвенного падежа лексико-грамматическим значением господствующего слова», автор не объясняет, в чем же состоит зависимость падежной формы от стержневого слова словосочетания. Слова «подчиненное слово, обслуживая господствующее» звучат очень неопределенно и не дают представления, в чем же это обслуживание заключается. «В зависимости от выражаемого им отношения» подчиненное слово принимает «форму того или иного косвенного падежа» — указывает только на то, что каждая падежная форма может быть использована для выражения определенных грамматических значений, одно из которых реализуется в данном словосочетании. Такое понимание управления не дает нам ничего нового. Сущность подчинительной связи между управляющим и управляемым словом, характер зависимости подчиненного слова остаются невыясненными.

Правильность своей трактовки управления Е. В. Кротевич подтверждает тем, что «изменение падежной формы зависимого слова при одном и том же господствующем члене всегда указывает на изменение отношений между ними»⁶.

Да, это, безусловно, так: *читаю книгу, читаю с друзьями* — в этих словосочетаниях винительный падеж указывает на отношение объекта к действию, а с+ творит. п. — на отношение совместности.

Но при чем же здесь синтаксические связи слов? Е. В. Кротевич смешивает логические и грамматические категории. Употребление падежной формы в словосочетании всегда указывает на наличие логических отношений между словами, отражающих объективные отношения реальной действительности. Так, напр., в предложении *Он подошел к ней в сумерки* оба косвенных па-

⁵ Е. В. Кротевич, О связях слов. Львов, 1959, стр. 12.

⁶ Е. В. Кротевич, О связях слов. Львов, 1959, стр. 20.

дежа выражают логические отношения к действию: направленность действия к объекту и время совершения действия. Но синтаксические связи слов определяются не логикой: сочетание *к ней* (к + дат. падеж) вызвано лексическим значением и словообразовательной формой глагола *подошел* (управление), тогда как *сумерки* не является необходимым для глагола, не подчинено ему лексически и грамматически (не управление).

Тот факт, что изменение падежа влечет за собой изменение отношений между словами, еще раз доказывает, что каждая падежная форма обладает своим грамматическим значением.

Кроме того, Е. В. Кротевич совершенно игнорирует то обстоятельство, что одни и те же отношения реальной действительности могут оформляться в языке различно. Задача исследователя и заключается в том, чтобы установить причины и характер употребления разнородных грамматических форм при однородности лексико-семантических отношений между словами.

Так, например, глаголы движения с приставкой *до* всегда требуют предложно-падежной конструкции *до + род. пад.* (*добежать до реки, дойти до сада*), а глаголы с приставкой *при* управляют конструкцией *к + дат. пад.* (*прибежать к реке, прийти к саду*).

Смысловое содержание этих словосочетаний очень близко, синонимично: движение распространяется до какого-то предела. Но вместе с тем не существует в литературном языке сочетаний: *дойти к реке, прибежать до сада*. Таким образом, несмотря на однородность, близость отношений, выражаемых в этих словосочетаниях, их предложно-падежные конструкции не одинаковы, что объясняется различной морфологической структурой глагола, требующей в каждом случае определенного предлога и падежа (сравн. *бежать до реки, бежать к реке*).

Давно выявлены грамматистами глаголы с «косвенной переходностью», в которых управление творит. падежом противоречит лексико-грамматическому пониманию переходности (*владеть чем, управлять чем*), и наоборот, глаголы, управляющие винительн. пад. без предлога вдруг оказываются по своей семантике и по тем отношениям, которыми они связаны с винит. пад. существительного, непереходными, напр., *«всю дорогу он шел молча»*.

Следовательно, указание на то, что косвенный падеж при управлении ставится в зависимости от выражаемых им отношений, отнюдь не объясняет сущности этого типа синтаксической связи слов. Е. В. Кротевич стремится доказать, что само «понятие «требование постановки зависимого слова в определенном падеже» является неверным, совершенно несостоятельным». Но если отвергнуть в понимании управления зависимость падежной формы от лексико-грамматических свойств господствующего слова, нужно дать другое обоснование этой подчини-

тельной связи. По мнению Е. В. Кротевича, специфика управления как синтаксического явления определяется тем, что «падежные формы всегда являются выражением тех или иных объективных отношений между самостоятельными членами предложения»⁷.

Трудно согласиться с таким утверждением автора. В любом, логически построенном словосочетании можно найти отражение объективных отношений между предметами и явлениями реальной действительности (ср. *долго молчать, нести с трудом, уронить перчатки*), но при таком неграмматическом подходе к синтаксическим связям слов невозможно выявить специфику каждого ее типа. Ссылка на то, что любой косвенный падеж зависим, ничего не дает для выявления особенностей управления. В чем выражается зависимость косвенного падежа, реагирует ли падежная форма на свое подчиненное положение, в чем заключаются формальные признаки управления, — все эти вопросы, столь важные для обоснования грамматической стороны управления, остаются без ответа.

Вторую, резко противоположную двум названным, позицию занимает А. Б. Шапиро. «Управлением я называю употребление определяющего члена словосочетания, выраженного субстантивом, в такой падежной форме, которая неизбежно требуется формой определяемого члена»⁸. А. Б. Шапиро считает, что выбор падежа управляемого слова не может находиться в зависимости ни от лексического, ни от лексико-грамматического значения управляющего слова, но только от его формы. «Если бы выбор падежа зависел только от лексического значения «управляющего» глагола, — пишет А. Б. Шапиро, — то нельзя было бы объяснить, почему возможны словосочетания типа *пишу записку, пишу карандашом, пишу сестре*, в которых лексическое значение глагола *пишу* совершенно одинаково»⁹. В этих словосочетаниях А. Б. Шапиро находит примыкание.

Против указанного положения говорят сами факты языка. Именно лексическое значение глагола *писать* допускает употребление при нем различных падежных форм. От значения глагола *писать* зависит то, что писать можно что, чем, кому (ср. глагол *знать*: вряд ли можно знать чем или кому. Значение этого глагола не допускает постановки при нем творительного или дательного падежа). Другое дело, что не все эти падежные формы являются одинаково необходимыми при глаголе *писать* и, следовательно, не все они будут сильноуправляемыми.

⁷ Е. В. Кротевич, О связях слов, стр. 21—22.

⁸ А. Б. Шапиро, Простое предложение как проблема описательной грамматики. «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР». Уфа, 1958, стр. 58.

⁹ Там же, стр. 20.

Но А. Б. Шапиро, заняв узко-формальную позицию, отбрасывает возможность глагола управлять несколькими падежами и не признает вообще существования различных типов управления. К словосочетаниям, в которых слова связаны синтаксической связью управления, А. Б. Шапиро относит:

1) Словосочетания, в которых падежная форма субстантива, являющегося определяющим членом, зависит от предлога, обязательно следующего за определяемым членом словосочетания и составляющего с ним одно лексико-грамматическое целое (без данного предлога слово неполноценно и неупотребительно). В составе сочетания с предшествующим словом предлог выполняет вместе с ним и роль формального показателя, так как указывает на необходимость определенного падежа субстантива. Например: *дело заключается в необходимости, работа состоит из трех глав, проект сводится к изменению конструкции* и т. п.¹⁰.

Совершенно справедливо, что глагол вместе с предлогом может составлять единую лексическую единицу. Но нельзя согласиться с автором, что падежная форма зависит в этих случаях от предлога, выполняющего роль формального показателя. В том-то и дело, что употребление падежа зависит от того лексического значения, которое употребляет глагол в сочетании с предлогом. Напр. *заклучаться во что* в значении «помещаться, ставиться»: *«Прямая речь заключается в кавычки»; заключаться в чем* — «быть где-либо, находиться, содержаться»: *«Другая причина естественности изображения в песнях Кольцова заключается в самых свойствах природного ума поэта»* (Н. А. Добролюбов); *заклучаться* — «заканчиваться, завершаться»: *«А заключилось оно (плавание) грандиозной катастрофой, именно землетрясением в Японии и гибелью фрегата «Дианы»* (И. А. Гончаров). Глагол *заклучаться в* может иметь различное лексическое значение и в зависимости от него требовать то винительного, то творительного падежа, а в последнем случае от семантики глагола *заклучаться* зависит употребление творительного без предлога.

2) Словосочетания, в которых родительный падеж зависит от сравнительной степени прилагательного или наречия: *дерево выше дома, ягоды созревают быстрее фруктов*¹¹. Здесь косвенный падеж существительного не зависит от лексического значения слов *выше, быстрее*, но только от их формы сравнительной степени.

Да, в этом А. Б. Шапиро прав. Но сведение синтаксической связи управления только к зависимости от формы главного

¹⁰ А. Б. Шапиро, Словосочетание в русском языке. «Славянское языкознание». М., 1959, стр. 202.

¹¹ Там же.

слова очень ограниченно и неправомерно сужает рамки этой синтаксической связи слов.

В современном русском языке многие грамматические категории еще не абстрагировались полностью от лексического значения слов, в которых они проявляются (ср., например, категорию рода, числа у имен существительных). Об этом нельзя забывать. А. Б. Шапиро под понятие управления подводит идеальный случай сильного управления, когда косвенный падеж существительного вызван, употребляется только в зависимости от формы господствующего слова. Таким образом, он считает управлением только его наиболее грамматикализированный вид. Это, если можно так выразиться, самая сильная степень сильного управления.

Но вместе с тем было бы неправильным исключить из понятия управления такой вид синтаксической связи слов, при которой постановка косвенного падежа зависит от лексического или лексико-грамматического значения господствующего слова.

В современном языке способность сочетания глагола с другими словами, а также возможность существительного выступать в той или иной падежной форме в большинстве случаев зависит от лексического значения глагола. *Рассказать историю, войти в комнату* — для А. Б. Шапиро в этих словосочетаниях примыкание, хотя совершенно очевидно, что употребление определенной формы зависимого слова здесь непосредственно связано с лексико-грамматическим значением господствующего слова. Отнесение подобного типа зависимости косвенного падежа к примыканию идет в разрез с тем определением этой синтаксической связи, какую дает ей и сам А. Б. Шапиро. Примыканием Шапиро считает такой вид синтаксических отношений, при которых не используется какой-либо аффикс в качестве их показателя. А здесь и флексия, и предлог служат показателями зависимости от стержневого слова в словосочетании.

3) Словосочетания с формой творительного падежа без предлога при возвратных глаголах со «страдательным» значением и при соответствующих им страдательных причастиях (*семена разносятся ветром*)¹².

По мнению А. Б. Шапиро, управляемым является творительный падеж. Но какая же форма слова в данных конструкциях требует творительного падежа? Глаголы на -ся сами по себе не являются показателями пассивного оборота и, следовательно, не могут требовать при себе творительного действующего лица. Только от всей конструкции, выражающей страдательный залог, может зависеть употребление творительного падежа. Поэтому мы не видим оснований считать творительный при страдательном обороте управляемым грамматической формой глагола.

¹² Там же, стр. 202—203.

В последние годы наметилась новая тенденция в подходе к синтаксической связи управления: стремление отделить, обособить от управления различные виды зависимости падежных форм. Наиболее ярко это проявляется в работах Н. М. Александрова¹³. Автор анализирует четыре типа зависимости падежной формы от главного слова: управление, «сцепление», «косвенное управление» и примыкание.

Управление понимается автором традиционно, как требование глаголом другого слова в определенной падежной форме; без него глагол оказывается семантически незаконченным, неполным. От управления Н. М. Александров отличает «сцепление» — такую синтаксическую связь, при которой глагол также требует дополнительного слова, но не в единственно возможной форме. Зависимое слово может принимать различные формы и даже относиться к различным частям речи, но должно обязательно обладать определенной семантикой. Так, например, глагол *отправляться* может иметь различную форму: ср. *отправляться в деревню, за границу, к знакомым, домой, туда* и т. п. И при «сцеплении» зависимая форма раскрывает лексическое значение глагола, без нее глагол не может выражать полной мысли.

Таким образом, характер зависимости подчиненного слова и при управлении, и при «сцеплении» одинаков, существенным для управляемых и «сцепляемых» слов является — с нашей точки зрения — то, что они «требуются» господствующим словом. При «сцеплении» это «требование», правда, несколько ослаблено, так как лексическое значение глагола допускает варианты падежных форм, но это не изменяет принципа синтаксической связи компонентов словосочетания.

К «сцеплению» Н. М. Александров относит также употребление наречия по «требованию» глагола. Этим он ставит в один ряд зависимость от господствующего слова и падежной формы, и наречия, т. е. совершенно пренебрегает формой слова. С этим нельзя согласиться. Нельзя признать, что возможность вариантного употребления падежных форм обозначает полное безразличие глагола к форме субстантива. Так, например, глаголы *стоять* или *сидеть*, как правило, обуславливаются пространственными уточнителями, но ограничиваются падежными формами, отвечающими на вопрос «где?»; возможность употребления нескольких предложно-падежных конструкций определяется этим семантическим заданием глагола, следовательно, их форма (и предлог, и падеж) небезразличны для главного слова (ср. *сидеть в комнате, перед деревом, у берега* при невозможно-

¹³ Н. М. Александров, К вопросу о членах предложения. Ученые записки Ленинградского пед. института, т. XXVIII, факультет иностранных языков, 1957; Проблема второстепенных членов предложения в русском языке. Ученые записки Ленинградского пед. института, т. 236, 1963.

сти сидеть под дерево, в лужу, хотя в последнем случае падежные формы сами по себе также означают пространственный уточнитель глагола). О зависимом положении формы слова при «сцеплении» Н. М. Александров говорит очень туманно: «При «сцеплении» характер зависимого слова и его форма зависят от семантики глагола, а его форма — отчасти от его собственной семантики и прежде всего от задач коммуникации¹⁴. Как понимать здесь «характер зависимого слова» и о какой форме идет речь (в «сцеплении» входят и наречия) и, наконец, в чем же проявляется зависимость падежной формы от семантики глагола — предоставляется решать самому читателю.

Ставить в один грамматический ряд зависимость падежной формы и зависимость наречия от глагола нам представляется неправильным. Заняв такую позицию, не обращая внимания на возможность или невозможность изменения формы слова по «требованию» глагола, мы отказались бы от рассмотрения формальных (грамматических) признаков, ограничиваясь одними семантическими связями слов. Если согласиться с положением Н. М. Александрова, то, рассуждая последовательно, случай «сильного примыкания» (*поступить плохо, живется хорошо*), когда наречие связано с глаголом тесной, необходимой связью¹⁵, нужно было бы признать управлением, что для нас неприемлемо.

Таким образом, признав однородным характер зависимости падежной формы от глагола и при «требовании» одной определенной формы субстантива и при «требовании» вариантных форм, — мы считаем нецелесообразным вводить новый термин «сцепление», оставляя за последним случаем уже утвердившийся в литературе термин «слабое управление». Слабое управление, по нашему мнению, отличается от сильного управления степенью, силой лексической и грамматической зависимости падежных форм от глагола. В определении управления вообще мы также придерживаемся традиционной точки зрения.

Кроме «сцепления», Н. М. Александров вводит понятие «косвенного управления». «Косвенное управление» — это такой вид синтаксической связи, когда форма зависимого слова обуславливается отношением между предметом, обозначенным последним, и тем, что обозначается главным словом, причем, однако, по своему значению зависимое слово не соответствует (не эквивалентно) наречию»¹⁶.

Определение «косвенного управления» у Н. М. Александрова

¹⁴ Н. М. Александров, Проблема второстепенных членов ..., стр. 315.

¹⁵ Современный русский язык, Синтаксис, изд. МГУ, 1958, стр. 31.

¹⁶ Н. М. Александров, Проблема второстепенных членов ..., стр. 318.

рова целиком совпадает с трактовкой синтаксической связи управления у Е. В. Кротевича. Различие заключается лишь в том, что, не принимая определения, данного проф. Кротевичем управлению целиком, Н. М. Александров считает его частным, особым случаем управления.

Не считая нужным повторять те критические замечания, которые нами сделаны в адрес Е. В. Кротевича, остановимся только на анализе тех словосочетаний, которые подводятся Н. М. Александровым под понятие «косвенного управления».

Автором различаются следующие случаи «косвенного управления»:

1) обозначение материала, из которого что-либо делается, например, *делать что-либо из дерева, шить что-либо из сатина*;

2) обозначение орудия действия, например, *писать пером, рисовать карандашом, шить иголкой*;

3) обозначение действующего лица при глаголе в пассивной форме, например, *этот дом построен знаменитым архитектором Стасовым*¹⁷.

Нетрудно убедиться, что приведенные случаи зависимости падежной формы разнохарактерны.

Действующее лицо при глаголе (третий случай), как известно, зависит от общей «страдательной» конструкции предложения, а не от пассивной формы глагола (такой, отдельно взятой, не существует для спрягаемых глагольных форм). Если Н. М. Александров подразумевает под глаголом в пассивной форме только страдательные причастия, то в этом случае зависимость творительного действующего лица определяется самой формой главного слова: форма слова, именно то, что оно является страдательным причастием, вызывает постановку зависимого слова в творительном падеже. Между тем, Н. М. Александров подчеркивает, что при «косвенном управлении» «глагол непосредственно не управляет словом, не «требует» его»¹⁸.

Второй случай «косвенного управления» — обозначение орудия действия. По мнению автора, в русском языке не существует глаголов, обязательно требующих — в качестве дополнения — творительного орудийного, глагол непосредственно не управляет им, не требует его¹⁹. Но так ли это? Совершенно очевидно, что употребление творительного орудийного связано с глаголами определенной семантики. Это доказывается тем, что такие глаголы очень часто обозначают действие, которое в нашем пред-

¹⁷ Н. М. Александров, Проблема второстепенных членов ..., стр. 326—327.

¹⁸ Н. М. Александров, Проблема второстепенных членов ..., стр. 325.

¹⁹ Н. М. Александров, Проблема второстепенных членов ..., стр. 325.

ставлении вызывает определенное орудие действия (копать — копают обычно лопатой, режут — обычно ножом или ножницами, бреют — обычно бритвой, рубят — обычно топором или шашкой, грызут, глодают только зубами, бодают только рогами и т. п.). Поэтому, в большинстве случаев, за глаголами подобного значения как бы закрепляется понимание определенного орудия, даже если они употребляются без творительного орудийного. Обычно контекст, общая ситуация повествования подсказывает употребление определенного орудия действия, и оно опускается (*«Василий начал резать хлеб длинными ломтями»*, А. Н. Толстой, *Детство Никиты*). В тех случаях, когда говорящий подразумевает орудие не совсем обычное для данного глагола, употребление его обязательно (ср. *«У подъезда стоял конь его (гостя), грызя удила, роя копытами землю, поминутно вздрагивая и дыбась от испуга»*, Достоевский, *Маленький герой*; *«Солнце, как золотым плугом, не спеша, но упорно роет лучами снег»*, Шишков, *Угрюм-река*). Следовательно, хотя творительный орудийный не обязателен при глаголе, очень часто опускается, но его форма вызывается определенным лексическим значением глагола (производить действие чем-либо). Поэтому творительный орудийный мы считаем управляемой падежной формой со степенью сильного управления, поскольку вариантность падежных форм здесь исключена. Однако в силу того, что творительный орудийный не является при глаголе необходимой формой, его связь с глаголом значительно слабее, чем у субстантивов, без которых употребление глагола не допускается (*ухаживать за больным*).

В отношении первого случая «косвенного управления» — *делать что-либо из дерева, строить дома из цельных плит* — мы считаем предложно-падежную конструкцию «из + родительный» в данных словосочетаниях неуправляемой, находящейся к глаголу в отношениях «падежного примыкания».

Таким образом, в современном синтаксисе мы видим либо отрыв теоретического понимания управления от его практического восприятия, отсюда стремление узаконить практическое понимание управления, создав новое теоретическое определение этой синтаксической связи слов, либо совершенно формальный, ничем не оправданный, подход к синтаксическим явлениям языка, или, наконец, попытку выделить из понятия управления иные связи падежной формы с глаголом.

* *
*

При рассмотрении синтаксической связи управления необходимо принимать во внимание и внутреннюю, смысловую взаи-

мообусловленность компонентов и внешнюю, формальную сторону выражения этого типа зависимости падежной формы от глагола. Мы знаем, что управляемым может быть только косвенный падеж существительного или любого субстантивного слова, другие грамматические формы, например, наречие, глагольные образования, управляемыми быть не могут. Но во всяком ли словосочетании с косвенным падежом можно говорить об отношениях подчинения падежной формы глаголу, всякая ли падежная форма управляема?

Чтобы решить этот вопрос, обратимся к семантическим и грамматическим взаимоотношениям слов в словосочетании.

Возьмем несколько типов словосочетаний:

1. *Смотреть за ребенком*
Судить о происшествии
Добежать до реки
Входить в комнату
Мириться с товарищем
Ухаживать за больным
2. *Лежать на дороге*
Стоять в саду
3. *Шить (платье) вторую неделю*
Уснуть под песню
Рубить с братом

В первом типе словосочетаний мы находим необходимую семантическую зависимость между их компонентами. Глаголы *смотреть*, *судить*, *добежать* и др. получают полное смысловое наполнение при наличии предложно-падежных конструкций. Тесная лексическая зависимость косвенного падежа от главного слова выражается и в крепкой грамматической спаянности слов в словосочетании. Лексическое значение глагола обуславливает постановку существительного в определенной падежной форме. Изменение значения глагола может влиять на изменение формы управляемого слова, сравните: *смотреть фильм* и *смотреть за ребенком*.

В словосочетаниях второго типа — *лежать на дороге*, *стоять в комнате* — также имеется семантическая зависимость подчиненного слова. Лексическое значение состояния, выражаемое глаголами *лежать*, *стоять* — быть, находиться в определенном положении (горизонтальном или вертикальном), — нуждается в пространственном уточнителе. Однако эта необходимость значительно слабее, чем для глаголов, образующих словосочетания первого типа.

Глаголы *лежать*, *стоять* сохраняют свое значение и без конкретизирующих, поясняющих их слов («*Одни книги стояли, другие лежали*» — Л. Н. Толстой, *Детство*). Ослабление лексической связи простирается и на грамматическую зависимость: при этих глаголах возможны любые предложно-падежные

конструкции, отвечающие на вопрос где? (*лежать, стоять в пыли, под столом, за углом* и т. п.).

В словосочетаниях третьего типа: а) *шить вторую неделю*, б) *рубить с братом*, в) *уснуть под песню* — нет внутренней необходимой связи между стержневым словом и косвенным падежом.

Глагол *шить* не имеет конструктивно обусловленного значения во временном плане. Винит. пад. со значением времени совсем не нужен для целостного выражения действия *шить*.

Подобным образом для глаголов *рубить* и *уснуть* нет необходимости в уточнении конструкциями с + творит. пад. и под + винит. пад.

Е. Курилович, а вслед за ним и А. В. Исаченко, анализируя употребление падежных форм группы а), приходят к выводу, что никакого управления косвенным падежом здесь нет. Падежные формы не находятся в подчиненной синтаксической связи с другими словами. «Падежные формы используются в таких случаях не в целях синтаксиса, не для выражения отношения между словами, а в целях лексики»²⁰.

Такое употребление косвенных падежей они называют адвербиальным, считая, что неуправляемые падежные формы выражают разные оттенки обстоятельств. Это не совсем правильно. В словосочетании *рубить с братом* — *с братом* не имеет обстоятельственного характера и все-таки под понятие управления не подходит.

Итак, только первые два типа связи можно назвать управлением. Третий тип к управлению не относится, так как глагол не оказывает никакого влияния на форму имени существительного.

Первый и второй тип управления неоднородны: существо различия между ними — в степени зависимости косвенного падежа от главного слова словосочетания. Первый — тип сильного управления, второй — слабого.

В подходе к различению сильного и слабого управления еще больше путаницы и противоречий, чем при определении самого понятия управления.

1. В. М. Никитин видит различие между дополнением и обстоятельством, выраженными косвенными падежами, в характере синтаксической связи падежа с глаголами. Косвенные падежи, выступающие в роли дополнения, принадлежат к сильному управлению, а функционирующие как обстоятельства имеют слабое, неустойчивое управление²¹. Такая точка зрения не нова. Еще представители логико-грамматического направления:

²⁰ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. 1. Братислава, 1954, стр. 135.

²¹ В. М. Никитин, Обстоятельство и дополнение как характеристики глагола, Ученые записки Пермского пед. института, вып. 25, 1960,

Н. Греч, И. Давыдов, Ф. Буслаев — отождествляли типы подчинительной связи слов с членами предложения, в частности — управление с дополнением. (Сравн. у А. А. Шахматова: косвенный падеж существительного является дополнением). Разница лишь в том, что В. М. Никитин наделяет дополнение признаком «обязательной сочетаемости» с глаголом, «позиция дополнения — это позиция сильного управления объектного содержания», дополнение синтаксически завершает транзитивные глаголы, т. е. глаголы обязательного управления. Но это утверждение автора ошибочно, поскольку в русском языке дополнение часто не служит для завершения конструкции, его употребление не мотивировано глаголом. Не всякое дополнение «раскрывает содержание действия, означает тот предмет, без которого не может быть действия, названного в глаголе»²².

В предложениях *Ольга во всем верила отцу, Я работал с товарищем, Партизаны должны были узнать о пойманном человеке правду слова во всем, с товарищем, о человеке* являются дополнениями. Однако они не относятся к тем словам, которые раскрывают содержание действия, обеспечивают употребление глагола. Одним словом, их нельзя отнести к словам необходимой сочетаемости и, следовательно, нельзя рассматривать как сильноуправляемые слова. Анализируя признаки, обязательные для обстоятельств, выраженных предложно-падежными конструкциями, В. М. Никитин на втором месте помещает «неустойчивое управление, заменяемое другим управлением или примыканием». «Глагол безразличен, безличен к косвенному падежу, если он обозначает обстоятельство»²³.

При таком взгляде на управление область синтаксических связей слова незаконно сужается, отождествляется с употреблением слов в качестве второстепенных членов.

Однако несомненно, что целый ряд глаголов находится в отношениях сильного управления к падежной форме имени, в предложении функционирующей как обстоятельство: *войти в комнату, выбежать из дому, слезть с дерева* и т. п.

Таким образом, сильный тип управления может передавать и объектные и обстоятельственные отношения, и считать одним из основных признаков обстоятельства якобы всегда присущий ему слабый тип управления — невозможно.

Точно так же и дополнение може быть не только сильноуправляемой, но и слабоуправляемой формой.

Приведем еще ряд примеров: *ужинать с товарищем, ужинать с аппетитом*; глагол *ужинать* безразличен и к дополнению *с товарищем* и к обстоятельству *с аппетитом*, обе формы не от-

²² В. М. Никитин, Об обстоятельстве в русском языке как грамматической категории слов. Ученые записки Томского пед. института. т. XVIII, Томск, 1959, стр. 251.

²³ Там же, стр. 252.

носятся к сильноуправляемым. Или: *лицо сморщилось от смущения, лист сморщился от огня. От смущения — обстоятельство причины и от огня — дополнение.* Обе формы не принадлежат к сильному типу управления.

Е. М. Галкина-Федорук также склонна слабое управление связывать с обстоятельственными словами, правда, она добавляет: «в которых нет необходимой внутренней связи с глаголом». Но такое пояснение вряд ли уместно, так как оно не соответствует данному ею общему определению управления: зависимое слово стоит «в той форме, какая требуется лексическим значением и грамматическими свойствами управляющего слова». Если под последним понимать «внутреннюю связь», то слабое управление совсем выпадает из синтаксической связи управления (кстати, Е. М. Галкина-Федорук и сама признает, что управление в таких случаях близко к примыканию)²⁴. И здесь в описании слабого типа управления отсутствует четкость, ясность.

2. В учебнике «Современный русский язык»²⁵ Д. Э. Розенталя, соглашаясь с традиционным пониманием управления, сильным типом считает наличие необходимой связи между господствующим и зависимым словом, выражающейся в том, что господствующее слово нуждается в распространении определенной падежной формой. При слабом управлении такая связь не обязательна, не обусловлена лексико-грамматическими особенностями господствующего слова.

Так возникает противоречие между общим определением управления и пониманием слабого типа управления. Если падежная форма не зависит от лексико-грамматического значения господствующего слова, если главное слово в словосочетании не требует постановки существительного в той или иной падежной форме, — то значит слабое управление не входит в общие рамки управления.

Это же несоответствие общего определения управления и его слабого типа повторяет и «Синтаксис» МГУ²⁶. Получается, что зависимое существительное употребляется в той или иной падежной форме независимо от лексико-грамматического характера главного слова. В чем заключается подчинительная связь между словами при независимости зависимого компонента, остается непонятным²⁷.

²⁴ Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык, Синтаксис. М., 1958, стр. 6.

²⁵ Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталя, М. И. Фомина, В. В. Чапукевич, Современный русский язык. М., 1961.

²⁶ Современный русский язык, Синтаксис, изд. МГУ, 1957.

²⁷ Ср. Э. В. Самосюк, Управление как вид синтаксической связи, Ученые записки Ростовского университета, т. 22, Труды историко-филологического факультета, вып. 4, 1954.

3. Некоторые авторы делают попытку дать другую градацию степеней управления. Так, В. И. Собинникова²⁸, кроме сильного (в традиционной трактовке) и слабого (которое понимается, как независимость от предложения в целом) типов управления, предлагает выделять факультативное управление. По словам В. И. Собинниковой, это такой вид управления, при котором «зависимое слово тесно связано с господствующим, но господствующее слово не требует обязательного присутствия зависимого слова». Чем же достигается тесная связь подчиненного компонента с господствующим при условии факультативного употребления зависимого слова — автор не объясняет. И иллюстрация факультативного управления: *Ногами от лома скорблю* — не проливает свет на этот новый, предложенный В. И. Собинниковой, вид управления.

Нельзя признать удачным деление управления по степени спаянности компонентов словосочетания и в статье М. Л. Вансловой «О связи слов в предложении»²⁹. Сильным управлением она называет «максимальную зависимость падежной формы существительного от глагола, особенно от глагола с переходным значением». Термина «слабое управление» она не употребляет, однако отмечает, что необходимая связь с определенной падежной формой или предлогом будет несколько слабее у глаголов, обозначающих различные состояния: *радуясь встрече, скупаю о сыне*.

Действительно, глаголы *радоваться, скупать* (в значении «тосковать без кого, чего-либо»), хотя и относятся к сильному типу управления, как глаголы, требующие только одной падежной формы (радоваться), или нескольких, но различающихся только стилистической окраской (*скупать о ком-, чем-либо* и — разговорное — *по ком, чем-либо, по кому-, чему-либо*), однако зависимость косвенного падежа от глагола здесь ослаблена тем, что эти глаголы могут употребляться и самостоятельно, падежная форма не является обязательной для полного раскрытия их семантики (ср. *жертвовать* — в значении «не щадить, пренебрегать» — без дополнения в творит. падеже не употребляется).

М. Л. Вансова совсем отказывает в синтаксической связи управления «глаголам с непереходным значением: *ехал в Москву, живет в городе, лежит на столе, остановился под Киевом*». Что вкладывается автором в понимание непереходности, не объяснено; остается непонятным, почему глаголы *радоваться* и *скупать* отнесены к переходным. У непереходных глаголов, по мне-

²⁸ В. И. Собинникова, Предложное управление в языке воронежских грамот конца XVII — начала XVIII вв. Совещание языковедов Юга России и Северного Кавказа по вопросу о связи слов в словосочетании и предложении (тезисы докладов), изд. Ростовского университета, 1961.

²⁹ Русский язык в школе, 1952, № 1.

нию М. Л. Вансловой, обычно отсутствует необходимая внутренняя связь с предлогом и определенным косвенным падежом существительных; в этих случаях падеж ставится в зависимости от смысла высказывания. М. Л. Ванслова значительно ограничивает рамки управления, принимая эту синтаксическую связь только для переходных глаголов. Если рассмотреть примеры, приведенные автором, становится очевидным, что в данных словосочетаниях косвенные падежи связаны с глаголами, зависят от них. *Ехал в Москву* — все глаголы движения нуждаются в слове, уточняющем направление этого движения; *живет в городе* — глагол *жить* в значении «находиться, иметь пребывание где-либо, проживать» требует предложно-падежной конструкции, отвечающей на вопрос где? То же самое можно сказать о сочетаниях: *лежит на столе, остановился под Киевом* — падежные формы в них управляемы.

Правда, все эти глаголы отличаются от сильноуправляющих тем, что при них возможны варианты конструкции, возможные различные предлоги и падежи. Это тип слабого управления.

Не трудно заметить, что сильное управление почти у всех авторов трактуется однородно и фактически отождествляется с общим определением управления. Понимание слабого типа, как правило, противоречит теории управления вообще. Отграничение сильного от слабого типа управления и слабого от независимых косвенных падежей недостаточно точно и ясно.

На принципиально иных положениях обосновывает отличие сильного и слабого типов управления В. П. Малащенко³⁰. С его точки зрения, большое значение имеет различная степень абстракции главного, стержневого слова. При слабом управлении значение слова в какой-то мере конкретно и формы самого слова достаточно для указания на это значение, но не достаточно для полного раскрытия, реализации его. В таких случаях появляется необходимость в зависимом слове с близкой ему семантикой. По мнению В. П. Малащенко, чем больше предметно-смысловая неполнота раскрытия значения в формах одного слова, тем необходимее для реализации этого значения только определенные формы зависимого слова, это тип сильного управления.

В. П. Малащенко неудачно связывает абстрактное и конкретное значение главного слова с определением сильного и слабого типов управления.

В системе синтаксических связей слов сильное и слабое управление являются фокусом, в котором преломляются, переплетаются в сложном взаимодействии лексические и грамматические факторы. Сильный тип управления возможен и при вполне

³⁰ В. П. Малащенко, О связи слов в словосочетании и предложении. Ученые записки Ростовского университета, т. 54, вып. 4, 1957.

конкретном значении глагола, когда на управление оказывает влияние и форма главного слова. Так, приставочные глаголы движения имеют более конкретное значение, чем бесприставочные, срвн. *прибежать, добежать, сбежать, вбежать* и *бежать*. Однако названные и им подобные приставочные глаголы имеют сильный тип управления. И наоборот, бесприставочные глаголы, обладающие таким широким и, сравнительно, абстрактным значением, сочетаются с падежной формой по законам слабого подчинения.

В указанной работе В. П. Малащенко выдвигает еще один критерий отграничения сильного и слабого управления — «зависимость от того, в какой степени проявляется основное значение предлогов». Взаимоотношение между типом управления и значением предлога В. П. Малащенко представляет так: чем отвлеченнее значение предлога, тем он формальнее, именно такова функция предлога при сильном управлении. Опираясь на высказывание В. В. Виноградова о том, что предлог может становиться «формальным привеском глагола, послелога»³¹, В. П. Малащенко приходит к неоправданному выводу. Употребление предлога может быть лексически мотивировано, предлог может сохранять свое реальное значение и при сильном типе управления. И хотя В. В. Виноградов прямо об этом не говорит, но приведенные им примеры трудно истолковать иначе. «Глагольная приставка как бы требует употребления предлога — омонима или синонима для обозначения объектных отношений (*добраться до ... , исходить из ... , присоединиться к ... , отказать от ... и т. п.*)»³².

Не всегда, как считает В. П. Малащенко, при сильном управлении предлог выполняет наименьшую нагрузку; здесь «он формален и больше связан с управляющим словом». Такое обобщение нельзя распространять на все случаи сильного управления. Его можно признать справедливым для формального управления (*выйти из рамок приличия, дойти до безумия*), а также для ряда глаголов, значение которых тесно связано с предлогом (*смотреть за ребенком, принимать в школу, приходите в движение и т. п.*).

Но предлог может быть тесно связан с управляемым словом и при сильном управлении (срвн. *въехать во двор, въехать под навес, въехать за крепостную стену*).

И хотя В. П. Малащенко считает, что самостоятельное значение предлога и его связь с управляемым словом более отчетливо проявляется в словосочетаниях со слабым управлением — приведенные выше примеры сильного управления противоречат такому утверждению.

³¹ В. В. Виноградов, Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 644.

³² В. В. Виноградов, Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 643.

Итак, в лингвистической литературе мы не находим четких границ между слабым и сильным типом управления, с одной стороны, и слабым типом и «свободным», неуправляемым употреблением падежных форм, с другой стороны. Это не случайно. Трудность разграничения этих форм связана с тем, что управление (в отличие от согласования, например) касается не только формальной стороны словосочетания, но в большой степени его смысловой стороны. В управлении огромную роль играет семантический фактор, лексическое значение господствующего и даже подчиненного слова. Необходимо найти внешнее проявление степени смысловой связи слов, чтобы нащупать грань между сильным и слабым управлением.

Кроме того, различие типов управления представляет большую сложность еще потому, что и сильный и слабый вид неоднородны, каждый из них подразделяется на ряд групп в зависимости от силы подчинения косвенного падежа глаголу, от необходимости распространения глагола падежной формой, нередко и переходные случаи от слабого управления к примыканию.

Управляемый падеж может зависеть от лексического значения глагола, от словообразовательной структуры глагола и от лексического значения зависимого слова.

В соответствии с этим каждой группе (особенно сильного типа управления) свойственны свои закономерности в сочетании с зависимым словом.

Прежде всего постараемся отделить то употребление падежных форм, которое не зависит от глагола и выходит за пределы управления вообще.

Управление от падежного примыкания, как мы называем этот тип связи слов, отличается тем, что при управлении употребление определенной формы косвенного падежа существительного (или его эквивалента) обусловлено лексическим или лексико-грамматическим значением господствующего слова; для реализации, полного раскрытия своего значения управляющее слово нуждается в другом, зависимом слове.

При падежном примыкании косвенный падеж в словосочетании употребляется самостоятельно, в зависимости от мысли, которую говорящий стремится выразить в предложении, от общего смысла речи и не зависит от значения или словообразовательной формы глагола. Например, *делать для дочери, разбойничать в лесах, отдать по доброй воле, явиться в скромном платье, проезжать тихим вечером, жить коммуной, писать с гордостью, вернуться после курорта*.

Во всех словосочетаниях не значение определяет употребление именно данной падежной формы, а только тот общий смысл, который мы вкладываем в словосочетание.

Однако назвать употребление косвенного падежа в подоб-

ных случаях «свободным присоединением», как это делают некоторые грамматики³³, было бы не совсем верно. При падежном примыкании мы находим и семантическую связанность слов и грамматическое подчинение косвенного падежа глаголу.

Несмотря на то, что падеж существительного не обусловлен глаголом, не вызван им, семантическое соотношение глагола и падежной формы должно быть сохранено. Так, при возможности, хотя и не обязательности, сочетания «плакать в подушку», нельзя употребить сочетания «думать в подушку», так как такое сочетание бессмысленно.

Аналогичное явление наблюдается при синтаксической связи примыкания, при, казалось бы, свободной сочетаемости неизменяемых слов с глаголом. Сравн. *бежать быстро* при невозможности *сидеть быстро*.

Но было бы ошибочным считать, что при установлении связи примыкания нужно руководствоваться «исключительно смысловыми отношениями между словами», что «единственным признаком и формой таких словосочетаний, как *быстро пишет, хорошо говорит, любит читать, шел покуривая*, оказываются внутренние признаки семантической связанности, поскольку ни аффиксы, ни служебные слова, ни словопорядок и интонация здесь не используются как внешние показатели отношений между словами, не функционируют как их обязательные приметы»³⁴. По нашему мнению, и при примыкании зависимые отношения между словами должны быть выражены формально, иначе примыкание нельзя относить к грамматическим отношениям языка.

Действительно, грамматическая зависимость подчиненного слова при примыкании не выражается в изменении формы (форма измениться не может), однако она выявляется в том, что наречие³⁵ может употребляться только в сочетании с господствующим словом. Наречие не употребляется самостоятельно, вне словосочетания, и всегда занимает в нем подчиненное положение. Такое зависимое положение объясняется формой наречия, лексическое значение того или иного наречия или глагола не оказывает влияния на грамматический характер их взаимоотношений. Таким образом, признавая в синтаксической связи примыкания не только наличие семантической взаимообусловленности слов, но и зависимость, вызванную формой неизменяемого слова, можно говорить о примыкании как о грамматическом явлении, как о синтаксической подчинительной связи слов.

При падежном примыкании синтаксическая связь слов также

³³ Грамматика русского языка, изд. АН СССР, т. II, ч. I, стр. 27.

³⁴ В. П. Сухотин, Проблема словосочетания в современном языке. Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 158.

³⁵ Считаю примыкание наречий типичным для синтаксической связи примыкания.

не находит выражения в изменении зависимого слова. Падежная форма не зависит от значения стержневого слова в словосочетании. Однако и здесь грамматическое значение состоит в том, что любой косвенный падеж не может употребляться без господствующего слова, самостоятельно, и в каждом сочетании с глаголом он будет занимать подчиненное положение.

При примыкании семантика глагола допускает, а иногда и требует то или иное неизменяемое слово. В зависимости от этого намечается тенденция различать слабое и сильное примыкание, напр., *спуститься втроем*, *спуститься вниз*. Падежное примыкание приближается к слабой разновидности примыкания.

*
* *

Сбивчивое и неопределенное толкование слабого управления, теоретическое объединение управления вообще с его сильным типом вызывается, как нам кажется, крайней пестротой, неоднородностью отношений между главным и зависимым словом. Зависимое слово может быть подчинено глаголу в лексическом плане, в лексико-структурном (*входить в дом*, *наехать на камень*, *добежать до забора*) и в формальном, когда падежная форма употребляется только в соответствии с словообразовательной структурой глагола (*дойти до бешенства*).

Кроме того, сила подчинения падежной формы глаголу многостепенна, с большим количеством переходных видов. Если учесть также и то, что формой проявления и сильного и слабого типа управления и даже падежного примыкания остается все тот же косвенный падеж субстантивного слова, то становится понятным, почему так трудно провести прямую и четкую границу между этими видами синтаксической связи.

Признаки, отделяющие сильный тип управления от слабого, могут быть общими для всех подгрупп сильного управления или характеризующими одну из подгрупп сильного управления.

К основным признакам сильного управления относятся: 1. Замкнутость конструкции.

а) Употребление падежной формы может быть обусловлено лексическим значением глагола; косвенный падеж субстантивного слова необходим для полного выражения лексического значения глагола, наличие его обеспечивает относительную самостоятельность, полноту и семантическую целостность, замкнутость словосочетания (*требовать почета*, *стыдиться товарищей*, *тянуть воз*; *ухаживать за больным*, *участвовать в работе*, *жаловаться на боль* и т. п.).

Конструкция может быть трехчленной, если глаголом в порядке сильного управления обусловлены две падежные формы

(*вдеть нитку в иголку, вложить меч в ножны, превратить день в ночь, отдать книжку брату, рубить дрова топором и т. п.*).

При отсутствии сильноуправляемой падежной формы конструкция остается незамкнутой и недостающей член или подра- зумеваются, или подсказывается контекстом.

б) Глагол употреблен в переносном значении. Словосочета- ние построено по известной модели. В этом случае наблюда- ется наибольшая спаянность компонентов словосочетания. Падежная форма необходима для правильного восприятия всего словосочетания, переходящего во фразеологизм (*дать от- чет, залезть в долги, дойти до безумия, входить в ярость, до- вести до слез* и т. п.).

2. Распространение конструкции возможно словами, не на- ходящимися в сильном подчинении или сильноуправляемыми второстепенными членами предложения, если они стоят при глаголе как однородные или уточняющие члены предложения (Крутицкий: *«Нынче и хлеб-то дорог ..., а вы чаю да тря- пок на купили* (А. Островский, *Не было ни гроша ...*)).

3. Падежная форма является обязательной для глагола: она раскрывает его лексическое значение или обусловливается морфологической структурой глагола (*«Однажды ... Виктор собрал курсантов не в школе, а на площади»,* Бабаев- ский, Кавалер Золотой Звезды; *«Сильные руки извлекли ее из колонны»,* Фадеев, *Молодая гвардия*³⁶).

4. Глагол вместе с предлогом представляет лексическую единицу. При изменении или устранении предлога глагол из- меняет свое значение (*смотреть за ребенком — смот- реть на вершины гор, заговаривать со всеми — заго- варивать всех, ходить на шлюпке — ходить по тротуару*).

Чем уже лексическое значение глагола, тем теснее лекси- ческая связь между глаголом и управляемым словом, тем силь- нее грамматическая зависимость конструкции, подчиненность падежной формы.

Этот признак не является общим для всех групп сильного управления.

Признаками слабого управления являются:

1. Употребление падежной формы вызывается лексиче- ским значением глагола, но является факультативным, необя- зательным. При глаголе может находиться несколько падеж- ных форм, отвечающих на различные вопросы. Например, *вдох- новлять* — воодушевлять, приводить кого-либо в состояние твор- ческого умственного подъема: *«Победы, одержанные нами, бле- стящие итоги наших работ вдохновляют на борьбу ра-*

³⁶ Об этих трех признаках сильного управления см. в нашей статье «Сильное управление глаголов с приставкой *в-*» (Ученые записки ЛГУ, Ис- следования по русской грамматике, IV, 1963).

бочих всех стран», С. М. Киров, Статьи и речи, 1934; *(Чапаяев ... «вдохновлял её (дивизию) героическим духом и страстным рвением вперед, вдохновлял ее на победы, развивая и укрепляя среди бойцов героические традиции»*, Д. Фурманов; *«Греческая революция вдохновила Байрона»*.

Сюда относятся также глаголы, требующие пространственной характеристики: *идти* — менять место в пространстве в том или ином направлении: *«Воинский поезд идет быстро и стоит на станциях сравнительно недолго»*, Чехов, Холодная кровь; *«И с той поры, когда случалось идти той площадью ему, в его лице изображалось смятение»*, Пушкин, Медный всадник; *«Отряд шел на площадь Маяковского»*, *«Низко над морем шли два морских разведчика»*, Первенцев, Честь смолodu.

2. При одном глаголе возможны варианты падежных форм. Глагол, в зависимости от своего лексического значения, требует управляемого слова, отвечающего на определенный вопрос, но предложно-падежная конструкция употреблена в соответствии со смыслом всего высказывания. Например, *копошиться* — шевелиться, суетливо двигаться в разных направлениях: *«В зеленоватой лужной воде копошатся карасики, вьюнки, мальки ...»* Чехов, В Москве на Трубной площади; *«По обе стороны полотна копошились люди»*, А. Н. Толстой, Хлеб; *копошиться на дороге, у подъезда, под телегой* и т. п. *Гадать* — предсказывать, узнавать что-либо по каким-либо признакам: *«На столе стоял букет полевых цветов. Она (Мадо) спросила Сергея: — У вас (русских) гадают по ромашкам?»*, Эренбург, Буря; ... *(обломовцы) «гадают на червонного короля да на трефовую даму»*, Гончаров, Обломов.

3. Отсутствие замкнутой конструкции. Возможность употребления при глаголе второстепенных членов предложения, находящихся в одном плане, т. е. отвечающих на один вопрос, не в качестве однородных или уточняющих (*лежать на столе под стеклом*).

«По ту сторону старого русла на высоком берегу шла наезженная дорога: «На острове как раз против переправы проходила грязная колея, полная воды».

В данной работе мы не рассматривали степеней сильного и слабого управления, каждая из которых имеет свои закономерности в управлении падежной формой. Это особая тема исследования.

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

П. С. Сигалов

В статье анализируются способы образования приставочных форм и вторичных имперфективов¹ от инхоативных глаголов (глаголы со значением перехода в какое-либо состояние: тип *вянуть* и тип *белеть*).

В ряде недавно вышедших работ, которые посвящены славянскому глагольному виду², перфективация рассматривается как средство образования новых слов. Видовые пары, по мнению авторов этих работ, образуются только при помощи имперфективации. Образование вторичных имперфективов и является доказательством того, что приставочный глагол совершенного вида в семантическом плане как-то отличается от исходного глагола несовершенного вида.

Так, Ю. С. Маслов исходит из положения С. Карцевского, что любая приставка привносит какое-либо лексическое значе-

¹ Для обозначения приставочных глаголов несовершенного вида мы будем употреблять термин «вторичный имперфектив». А. Н. Тихонов (Заметки о вторичной имперфективации глаголов с чисто видовыми приставками, Славянский сборник, Труды Узбекского госуниверситета, новая серия, № 92, Самарканд, 1958) предлагает термин «вторичный имперфект». Термин неудачен, так как обычно «имперфектом» называют глагольное время. Г. К. Венедиктов (О морфологических средствах имперфективации в русском языке, Вопросы языкознания, № 2, 1961), справедливо выступая против термина А. Н. Тихонова «вторичная имперфективация», предлагает для обозначения продукта имперфективации термин «имперфектив». Термин неудачен вот по каким причинам. Одинаково используются выражения «глагол совершенного вида» — «перфективный глагол», «глагол несовершенного вида» — «имперфективный глагол». Слова «перфектив», «имперфектив» есть не что иное, как сокращение выражений «перфективный глагол», «имперфективный глагол». Термин «имперфектив» нужно употреблять применительно к непроизводному глаголу несовершенного вида. Для обозначения же приставочного глагола несовершенного вида, продукта имперфективации, удобен термин «вторичный имперфектив», который и используется в этой статье.

² Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском языке (Вопросы грамматики современного болгарского языка. М.—Л., 1959).

Ю. С. Маслов, Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М., 1963.

А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. II. Братислава, 1960.

ние, т. е. в результате перфективации образуется новое слово. Поэтому понятно, что как бы ни были близки по значению приставочный и бесприставочный глаголы (например, *ослабеть* — *слабеть*), между ними существует какое-то лексическое различие, иначе чем можно объяснить существование глагола *ослабевать*? Ю. С. Маслов считает, что наличие глаголов типа *ослабевать*, *онемевать* говорит о том, что «пустота» приставки ограничена, ибо каждая приставка сужает значение первичного глагола и тем самым создает новый глагол. Он думает, что полной синонимии между первичным и вторичным имперфективами не бывает: «... но можно ли все-таки говорить всегда о полной синонимии, о том, что все оттенки значения бесприставочной основы повторяются в основе с приставкой и суффиксом имперфективации?»³ И в недавно вышедшей «Морфологии глагольного вида в современном болгарском литературном языке» Ю. С. Маслов рассматривает пары типа *темнеть* — *потемнеть*, *читать* — *прочитать* не «как составляющие формы одного слова, а лишь как очень близкие, но не тождественные синонимы, в ряде контекстов вполне эквивалентные друг другу, но в других контекстах даже не соотносительные»⁴. Словацкий лингвист Горецкий считает, что глаголы типа *zmrznúť*, *zblednúť*, которые обозначают, что изменение состояния закончено, не образуют видовую пару с глаголами *mrznúť*, *blednúť*⁵. На сходных позициях стоит и А. В. Исаченко⁶.

Мы ставим своей задачей анализ приставочных перфективных образований лишь небольшой группы глаголов — инхотивов. И в отношении этой группы, как представляется, можно говорить о видовых парах типа *слепнуть* — *ослепить*, *глохнуть* — *оглохнуть*, *тонуть* — *утонуть*.

Марк Вэ в работе, посвященной т. н. «пустым», чисто видовым приставкам в современном чешском языке, пустой считает такую приставку, собственное абстрагированное значение которой совпадает с собственным значением глагола или достаточно близко приближается к нему⁷. По нашему мнению, Вэ правильно решает этот вопрос. Нет резкой границы между приставками лексическими, полными и видовыми, грамматическими, пустыми. Если есть приставки лексические, обязательно изменяющие лексическое значение глагола (например, *пред-*), то приставок, которые выступают только как видообразующий

³ Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском языке, стр. 175.

⁴ Ю. С. Маслов, Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке, стр. 5.

⁵ J. Horecký. O tvorení slovies predponami (Slovenska reč, ročník XXII, číslo 3, Bratislava, 1957), стр. 149.

⁶ А. В. Исаченко, укр. раб., стр. 166.

⁷ Marc Vey, Les préverbes «vides» en tchèque moderne (Révue des études slaves, tome XXIX, fasc. 1—4, Paris, 1952), стр. 82, 85.

формант, нет. Одна и та же приставка может быть в одних случаях пустой (ср. *делать* — *сделать*), т. е. не привносить добавочного значения в глагол, в других — полной (ср. *писать* — *списать*, *бежать* — *сбежать*), т. е. привносить добавочное значение в глагол. В качестве лексических такого рода приставки выступают тогда, когда их значение отличается от значения глагола, к которому присоединяется приставка: *сохнуть* — *отсохнуть*, чисто видовой она бывает тогда, когда значение глагола и значение приставки совпадают; естественно поэтому, что приставка не привносит в этот глагол никакого дополнительного оттенка и поэтому создается впечатление о «пустой», чисто видовой приставке. Например, глагол *слепнуть* — делаться слепым, утрачивать зрение. Естественно, что приставка *о-*, которая, среди других значений, может иметь и значение результативности действия (собственно говоря, это значение результативности действия-состояния содержится уже в бесприставочном глаголе *слепнуть*, как и в любом другом инхоативном глаголе: мы понимаем результативность, как ее определил Ю. С. Маслов, — «направленность действия на результат»⁸), только переводит глагол в совершенный вид, не изменяя его лексического значения. Она является здесь пустой лишь в том смысле, что она только обозначила завершение того процесса, который называет глагол. Нам представляется правильной мысль Ф. Копечного, что каждый глагол имеет приставку, которая наиболее полно соответствует его лексическому значению. Эта приставка образует с глаголом наиболее характерный перфектив. Вот как об этом пишет Ф. Копечный: «... мы перфективируем глагол такой приставкой, лексическое значение которой находится в соответствии с данным глаголом; следовательно, в приставке вмещено более общее понятие, в которое можно включить значение соответствующего глагола. Например, с очень общим объемом приставки *roz-* находится в явном соответствии глагол *dělit*, поэтому есть чисто видовой глагол *rozdělit* ...»⁹ Определить такую приставку у глаголов многозначных трудно. Четче выделяется она у глаголов семантически ограниченных, к ним именно относятся инхоативные глаголы.

Не ставя своей целью рассмотрение основных приставок (т. е. таких приставок, лексическое значение которых наиболее полно соответствует лексическому значению глаголов и которые образуют с ними наиболее характерные перфективы) и вторичных имперфективов на материале всей глагольной системы русского языка, остановимся лишь на приставках и вторичных имперфективах у инхоативных глаголов.

⁸ Глагольный вид в современном болгарском языке, стр. 189.

⁹ Ф. Копечный, *Dvě nové práce o prostě vidových předponach v češtině* (Slovo a slovesnost, ročník XVII, číslo 1, Praha, 1956), стр. 28.

Среди инхоативных глаголов с суффиксом -н- немало таких, которые соединяются с несколькими приставками — лексическими и основными. Это глаголы *киснуть* (*про-, пере-, с-, рас-* и т. д.), *никнуть* (*в-, воз-, по-, при-, про-, с-* и т. д.), *сохнуть* (*за-, вы-, под-, от-*), *тихнуть* (*у-, за-, с-, при-*) и др. Глаголы, которые, кроме основной приставки, могут соединяться и с другими, лексическими приставками, образуют вторичные имперфективы с основной приставкой: *липнуть* — *прилипнуть* — *прилипать*, *мерзнуть* — *замерзнуть* — *замерзать*, *тихнуть* — *утихнуть* — *утихать* и *тихнуть* — *затихнуть* — *затихать* (две основные приставки), *молкнуть* — *умолкнуть* — *умолкать*, *молкнуть* — *замолкнуть* — *замолкать* (две основные приставки).

Значительная часть инхоативных глаголов ограничена в своих приставочных образованиях, эти глаголы соединяются с одной, двумя приставками. Это и есть те т. н. «пустые» приставки, которые имеют значение, совпадающее с лексическим значением глагола (результативность). Соединяясь с глаголом, они переводят его в совершенный вид, придавая глаголу значение завершения того процесса, который совершался. У инхоативных глаголов с суффиксом -н- к ним относятся приставки *по-* (*блекнуть, гибнуть, грязнуть*), *о-* (*брюзгнуть, глохнуть, слабнуть, крепнуть, сипнуть, дрябнуть, слепнуть, слизнуть*). Эти глаголы, за редким исключением, соединяются только с одной приставкой. В диалектах русского языка некоторые из этих глаголов могут образовать и иные приставочные соединения (ср. отмеченные Далем глаголы *изблекнуть, заблекнуть*, но в литературном языке — только *поблекнуть*). Возможно, что в отдельных случаях приставочные глаголы образовались непосредственно от именных основ, минуя бесприставочную форму. Так, Даль указывает глагол *окоркнуть* (II, 666) — «тверскозябнуть — вероятно, околеть от стужи». Этот глагол, по-видимому, образовался от именной основы *корк-а* по типу *ослепнуть, оглохнуть, осипнуть*, как, например, образуются иногда и инхоативные глаголы с суффиксом -еј-: *обалдеть* (глагола *балдеть* нет), *очуметь, осточертеть* — по типу *окаменеть, окоченеть, ослабеть*.

Глаголы, которые соединяются только с основной приставкой, а с другими (лексическими) образуют соединения лишь в редких случаях, как правило, не имеют вторичных имперфективов, однако здесь могут быть исключения.

Основная приставка *о-*. Глаголы, для которых основной является приставка *о-*, наиболее однородны в смысле образования вторичных имперфективов: если в древнерусском языке такие производные глаголы несовершенного вида иногда встречались, то в современном языке их нет. В древнерусском языке отмечен глагол *осльпати* (И. И. Срезневский, Материалы

для словаря древнерусского языка, II, 727), в современном языке существуют только пары *брюзгнуть* — *обрюзгнуть*, *глохнуть* — *оглохнуть*, *слепнуть* — *ослепнуть* и т. д., вторичных имперфективов эти глаголы не образуют. Приставка *о-* является основной и для многих инхоативных глаголов с суффиксом *-ej-*: *дряхлеть* — *одряхлеть*, *жиреть* — *ожиреть*, *леденеть* — *оледенеть*, *мертветь* — *омертветь* и т. д., причем, как видно, функции приставки *о-* в том и другом случае тождественны (ср. *слабеть* — *ослабеть* и *слабнуть* — *ослабнуть*, *дряхлеть* — *одряхлеть* и *дряхнуть* — *одряхнуть*, *криветь* — *окриветь* и *слепнуть* — *ослепнуть*). Между тем Академическая грамматика ошибочно разделяет эту функцию приставки *о-*, считая, что в случаях *наглеть* — *обнаглеть*, *смелеть* — *осмелеть*, *робеть* — *оробеть* приставка вносит значение результативности, а в случаях *глохнуть* — *оглохнуть*, *сипнуть* — *осипнуть*, *слепнуть* — *ослепнуть* приставка «сообщает только грамматическое значение совершенного вида»¹⁰. На самом деле здесь приставка привносит и в тот и в другой типы инхоативных глаголов лишь значение завершения процесса, который называет бесприставочный глагол. Инхоативные глаголы с суффиксом *-ej-* в большинстве случаев не имеют вторичных имперфективов: *звереть* — *озвереть*, *круглеть* — *округлеть*, но в отдельных случаях появляются и вторичные имперфективы: *костенеть* — *окостенеть* — *окостеневать*, *неметь* — *онеметь* — *онемевать*, *слабеть* — *ослабеть* — *ослабевать*. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского отмечено свыше 50 инхоативных глаголов с суффиксом *-ej-* и только 4 производных от них вторичных имперфектива: *оскудѣвати* (Пандекты Антиоха, XI в., СМ, II, 721), *охудѣвати* (Ипатский список летописи, СМ, II, 840), *оцѣпѣвати* (Евангелие XIV в., СМ, II, 842), *разботѣвати* — «разбухать» (Рукопись Диоптра Филиппа, XIV в., СМ, III, 23). Образование вторичных имперфективов от инхоативных глаголов на *-ej-* для современного языка — явление продуктивное. Производные глаголы несовершенного вида образуются именно от этих глаголов, которые являются продуктивным классом современного языка, и не образуются от древнего, непродуктивного в настоящее время класса инхоативных глаголов с суффиксом *-н-*.

Основная приставка *по-*. Одни глаголы, для которых основной является приставка *по-*, не образуют вторичных имперфективов: *блекнуть*, *желкнуть*, *тускнуть*, другие — образуют их: *гибнуть*, *грязнуть*. Причины этого явления были рассмотрены выше (см. стр. 27). Эта же приставка является основной и для глаголов с суффиксом *-ej-*, обозначающих приобретение новой окраски (*белеть* — *побелеть*, *синеть* — *посинеть*), эти глаголы вторичных имперфективов не образуют.

¹⁰ Грамматика русского языка, т. I. М., 1960, стр. 589—590.

Основная приставка за-. Глаголы с основной приставкой за- большей частью не образуют вторичных имперфективов (*жухнуть* — *зажухнуть*, *чахнуть* — *заचाхнуть*, *хряснуть* — *захряснуть*), хотя встречаются и исключения (*грузнуть* — *загрузнуть* — *загрузать*).

2. Вопрос о взаимоотношении бесприставочного и приставочного глаголов несовершенного вида (с основной приставкой — *тонуть* — *утопать*, *слабеть* — *ослабевать*) до сих пор дискутируется в научной литературе. Так, Ю. С. Маслов, как указывалось выше, считает, что полной синонимии между глаголами *слабеть* — *ослабеть* (а следовательно, и между глаголами *слабеть* — *ослабевать*) быть не может. А. Н. Тихонов¹² делит вторичные имперфективы, образованные от глаголов с видовой приставкой, на две группы: 1) глаголы, которые по своему лексическому значению отличаются от первичных форм и которые поэтому являются новыми словами; 2) глаголы, которые лексически близки бесприставочным глаголам несовершенного вида и вступают в синонимические отношения с ними. Примером первого типа являются глаголы *смотреть* — *посматривать*, вторичный имперфектив имеет здесь значение «многократности, нерегулярности действия», которое отсутствует в глаголе *смотреть*. Примеры второго типа: *молотить* — *смолотить* — *смолачивать*, *сверлить* — *просверлить* — *просверливать*, *скудеть* — *оскудеть* — *оскудевать*. Ошибочным является, по нашему мнению, тот оттенок «продолжительной длительности, постепенности», который усматривает А. Н. Тихонов в глаголах типа *ослабевать*. И глагол *слабеть* и глагол *ослабевать* имеют одинаковое значение постепенности, медленного перехода в другое состояние, как и единственный, без парного приставочного глагола, инхоатив *каменеть*. У инхоативных пар типа *слабеть* — *ослабевать* нередко случаи почти полного смыслового совпадения, и различие между ними проявляется лишь в переносных значениях глаголов, своеобразном стилистическом употреблении, а это явление вторичное. Это причина закрепления, узаконения вторичного имперфектива в языке, но не причина его появления. Это не означает, что в языке в данный момент не могут употребляться глаголы, тождественные в смысловом отношении (напр., *костенеть* — *окостеневать*). Ф. Копечный считает, что к перфективным глаголам с чисто видовой приставкой вторичный имперфектив образуется под нажимом, давлением имперфективации¹³. Происходит выравнивание системы. Мысль Ф. Копечного представляется правильной. По-видимому, в языке существует тенденция иметь к приставочному перфективу при-

¹² А. Н. Тихонов, Заметки о вторичной имперфективации ..., стр. 69 и сл.

¹³ F. Kopečný, Morfologické prostředky vidové v nynější češtině (Pocita Fr. Trávnickovi a F. Wollmanovi. Brno, 1948), стр. 242.

ставочный же имперфектив. У глаголов с лексической приставкой, по понятным причинам, почти всегда возникает вторичный имперфектив, у глаголов с основной приставкой это явление спорадическое, оно зависит и от продуктивности глагольного класса, и от продуктивности суффикса имперфективации. Возникнуть такой имперфектив может. Но право на жизнь он получает лишь в случае обособления от бесприставочного глагола несовершенного вида (обособления или в семантическом плане, или в стилистическом отношении). Если же этого не произойдет, то один из таких глаголов (первичный или вторичный имперфектив) исчезает.

Мы остановимся более подробно на взаимоотношении первичного и вторичного имперфективов у инхоативных глаголов с суффиксом -н-.

В тех случаях, когда глагол совершенного вида образуется с помощью приставки, реальное значение которой совпадает с значением глагола несовершенного вида, а от глагола совершенного вида образуется вторичный имперфектив (*вянуть* — *увянуть* — *увядать*), первичный и вторичный имперфективы могут совпадать в семантическом плане, можно говорить об их синонимии, например, о синонимии глаголов *вянуть* — *увядать*, *гибнуть* — *погибать*, *вязнуть* — *увязать* и т. д. Это находит отражение в словарях. Так, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова о глаголах *увядать*, *угасать*, *погибать* сказано, что их значение совпадает со значением глаголов *вянуть*, *гаснуть*, *гибнуть*. Очень близки значения глаголов, составляющих инхоативную пару, приводимые Малым и Большим Академическими словарями.

В нейтральном стилистическом пласте оба глагола (например, *гаснуть* и *угасать*) могут употребляться безразлично, и лишь тогда, когда они употреблены рядом, в одном и том же предложении, и сопоставляются (либо противопоставляются) один с другим, то в приставочном глаголе ощущается приближенность к завершению действия-состояния, тогда как глагол без приставки не имеет такого значения, он просто обозначает переход к состоянию, без ощущения предела. Ср. «Утрамбованный упругими ветрами снег держит человека. Но лошадь, своротившая с дороги, сразу же вязнет по брюхо, бьется передними ногами, ища твердой опоры, и увязает все глубже и глубже» (Солоухин, Рождение Зернограда, сб. «Золотое дно», 1956). По-видимому, здесь сказывается большая близость приставочного глагола к приставочному же глаголу совершенного вида, обозначающему завершение перехода к состоянию.

В плане стилистическом между вторичными и первичными имперфективами устанавливаются довольно сложные отношения. В нейтральном лексическом пласте оба глагола (например, *вянуть* и *увядать*) употребляются без какого-либо различия.

В таком употреблении глаголы могут заменять друг друга без всякого ущерба для смысла: «В теплой вечерней мгле, в скрипе нагруженных телег, в протяжном мычании сытых недоенных коров угасал (гас) мужичий маятный день» (Фадеев, Разгром); «Русские летчики в безысходные минуты гибли (погибали) так, что враг содрогался от ужаса в огне и дыму» (Тихонов, Богатыри русского неба); «Страшно ведь слышать, как другой человек погибает (гибнет)» (Лесков, Человек на часах); «Куда попадала эта струя (холодного воздуха — П. С.), там листья бледнели, съезживались и увядали (вяли)» (Гаршин, Attalea griseb). В одном и том же предложении могут употребляться и первичный имперфектив и вторичный имперфектив другого глагола: «Три молодые личности, не обиженные природой, измучиваются, вянут и погибают в этой атмосфере» (Писарев, Стоячая вода); «Увы, Татьяна увядает, бледнеет, гаснет и молчит» (Пушкин, Евгений Онегин). Но в других стилистических пластах между первичным и вторичным имперфективами намечается разграничение сфер употребления. Если установить в литературном языке три стилистических пласта: нейтральную лексику, книжную и разговорную, то первичные имперфективы следует отнести к нейтральному и разговорному слоям лексики, а вторичные имперфективы — к нейтральному и книжному слоям.

Первичные имперфективы (вянуть, сохнуть, гаснуть) более конкретны, чем вторичные имперфективы, поэтому, кроме нейтральной лексики, сфера их употребления — разговорный язык, просторечие. В разговорной речи употребление первичных имперфективов предпочтительнее, замена первичного имперфектива синонимичным ему приставочным глаголом несовершенного вида нарушает общий стиль повествования, ср. «Прогорел я, запутался в делах! Еще один урожай — и я бы выплыл! Теперь — тонущу! Тонущу, родимый! Банкрот не один я, но и ты вместе со мной!» (Скиталец, Кандалы). Особенно ощущается невозможность такой замены в просторечной фразе, ср. «Здесь лампада гаснет и так воняет, что мочи нет дышать, — проговорила Лиза» (Лесков, Некуда), вряд ли можно сказать «лампада угасает и так воняет»; «Рожь вянет» (Д. Бедный, Лиза). Первичные имперфективы образуют фразеологические обороты, народное происхождение которых не вызывает сомнения, замена их приставочными глаголами несовершенного вида невозможна: сохнуть по ком-нибудь, ср. «Сохнул я по тебе, пока не взял за себя» (А. Островский, Грех да беда на кого не живет), вянуть по ком-нибудь, липнуть к кому-нибудь.

Приставочные глаголы несовершенного вида более отвлеченны, чем бесприставочные глаголы, и тяготеют к книжному, торжественному слою лексики. Ср. «Но жажда мщения и любовь к родине не угасала в суровом сыне лесов, который

ждал только случая, чтобы отплатить римлянам» (Дружинин, Письма инородного подписчика); «В мире все более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей и воистину встречается мысль сия уже с насмешкой» (Достоевский, Братья Карамазовы), употребление глагола *гаснет* снизило бы подчеркнуто торжественный тон повествования; «Еще уверенный в своем громадном таланте, еще полный откровенного самообожания и безграничной артистической гордости, он уже смутно, почти не смея самому себе в этом сознаваться, чувствовал, как начинают увядать его лавры» (Куприн, Полубог); «Сколько я знаю горьких примеров того, как у молодого начинающего артиста, безусловно не лишенного способностей, опускались руки и он, не успев расцвести, увядал, а то и совсем уходил со сцены» (Яблочкина, Жизнь в театре); «Почему-то эта дымка, и увядающие сады, и побледневшее небо вызывали ощущение легкой печали» (Паустовский, Ленинградские парки). Глагол *угасать*, по-видимому, в силу своей большей отвлеченности, чаще употребляется в значении «умирать», чем глагол *гаснуть*, ср. «Он воображал отца, оставленного в глухой деревне, на руках глухой старухи и дворни, угрожая какому-то бедствием и угасающего без помощи» (Пушкин, Дубровский).

В отдельных случаях выбор между первичным и вторичным имперфективами обусловлен большей употребительностью того или иного глагола или грамматическими причинами:

1) Полная синонимия первичного и вторичного имперфективов приводит к тому, что бесприставочный глагол может исчезнуть (так, не употребляются сейчас глаголы *выкнуть*, *сякнуть*, *чезнуть*), более употребителен глагол *утихать* и редко встречается *тихнуть*.

2) Грамматическая неоформленность (отсутствие суффикса -л) и омонимия форм прошедшего времени (ср. напр., глагол *тих* и прилагательное *тих*) приводят к тому, что чаще употребляются формы приставочных глаголов. Так, совсем неупотребительны формы *гиб*, *тих*, вместо них используются формы *погибал*, *утихал*.

3) Бесприставочные глаголы несовершенного вида не образуют деепричастий на -а (-я), приставочные глаголы образуют такие деепричастия. Это и обуславливает употребление вторичного имперфектива в соответствующих случаях: например, «И в глубине ее души, взволнованной печалью ожидания, не сильно, но не угасая, теплилась надежда» (Горький, Мать); «Пошел по проулку, увязая с каждым шагом вершка на три в грязь» (Достоевский, Бесы).

ИНХОАТИВНЫЕ ДУБЛЕТЫ

П. С. Сигалов

В современном русском языке есть глаголы, обозначающие процесс перехода в какое-либо состояние, процесс приобретения или утраты какого-либо качества, это т. н. инхоативные глаголы. Сюда относится большинство глаголов несовершенного вида с суффиксом -н- в формах настоящего времени (*вянет, гаснет, сохнет*) и глаголы с суффиксом -еј- (после шипящих -ај- из -ёј-) в формах настоящего времени (*белеет, крепчает*). Новые инхоативные глаголы с суффиксом -н- не образуются. Вторая группа глаголов продуктивна, так как суффикс -еј- является главным средством образования новых инхоативных глаголов в современном языке.

В статье «Две группы русских инхоативных глаголов»¹ было высказано предположение, что инхоативные глаголы с суффиксом -н- образовались от односложных основ, которые в общеславянском языке имели нисходящую, циркумфлексную интонацию, а также от основ, в состав которых входили (может быть, вошли впоследствии) суффиксы -ък-, -ок-, -ьк-: др.-рус. *глѣхнути* (ср. серб. *гљућ*), др.-рус. *сѣхнути* (серб. *сѹћ*), др.-рус. *мякнути* (др.-рус. *мягѣкъ*), др.-рус. *крѣпнути* (др.-рус. *крѣпѣ*, *крѣпѣкъ*). Инхоативные глаголы с суффиксом -ёј- (впоследствии -еј-) образовались от односложных основ, которые в общеславянском языке имели восходящую, акутовую интонацию, а также от основ суффиксальных (кроме основ с суффиксами -ък-, -ок-, -ьк-): др.-рус. *старѣти* (ср. серб. *ста̑р*), др.-рус. *слабѣти* (ср. серб. *слаб*), др.-рус. *потъмнѣти* (др.-рус. *тъмнѣ*). Причины распределения инхоативов по типам образования оказались сходными с принципами распределения форм сравнительной степени прилагательных². Это дало возможность предположить, что в общеславянском языке инхоативные глаголы образовались от основ сравнительной степени прилагательных, т. е., что глаголы

¹ П. С. Сигалов, Две группы русских инхоативных глаголов (Филологические науки, № 4, 1962).

² A. Vaillant, Le comparatif slave en ěji (Révue des études slaves, v. XI, fasc. 1—2, Paris, 1931).

с суффиксом -н- (в общеславянском они имели суффикс -je-) были образованы от основ сравнительной степени с суффиксом -jes-, а инхоативные глаголы с суффиксом -ěj- — от основ сравнительной степени с суффиксом -ějes-. Благодаря этой гипотезе можно связать происхождение двух групп русских инхоативных глаголов.

2. Образование инхоативных глаголов от форм сравнительной степени было характерно для общеславянского языка. В древнерусском языке приемы образования инхоативов были утрачены, так как древнерусский язык не унаследовал интонационную систему общеславянского языка. В какой-то период развития русского языка суффикс -н- (суффикс инхоативности) утратил свою продуктивность. Новые инхоативы образовались с суффиксом -ej-, который абстрагировался из глаголов, восходящих непосредственно к формам сравнительной степени, и стал самостоятельным суффиксом инхоативности. С его помощью образовались новые инхоативные глаголы независимо от древней интонации основы и ее структуры. Новые глаголы могли возникнуть и от основы имени существительного (ср. *звереть*, *советь*) и от основы положительной степени прилагательного (ср. *молодеть*, *дешеветь*).

3. Большинство инхоативных значений выражается в славянских языках сходными формальными средствами, ср. рус. *тонуть*, укр. *тонути*, польск. *tonąć*, болг. *тъна*, чешск. *tonouti*, серб. *tõnuti*;
рус. *сохнуть*, укр. *сохнути*, польск. *schnąć*, болг. *съхна*, чешск. *schnouti*, серб. *sàхнути*;
рус. *гаснуть*, укр. *гаснути*, польск. *gasnąć*, болг. *гасна*, чешск. *hasnouti*, серб. *gàsнути*;
рус. *белеть*, укр. *bìliti*, польск. *bieleć*, чешск. *belati*, *běleti*, серб. *béleti*;
рус. *чернеть*, укр. *чорніти*, польск. *czernieć*, болг. *чернея*, серб. *црњети* (в чешском *černati*).

Значительно реже славянские языки используют различные суффиксы при образовании инхоативов, ср. рус. *бледнеть*, белор. *бледнец*, болг. *бледнея* и укр. *бліднути*, польск. *bladnąć*, чешск. *blednouti*; рус. *богатеть* — чешск. *bohatnouti* и т. д.

Способы выражения инхоативных значений в славянских языках могут стать темой самостоятельного исследования. Мы на этом остановились лишь для того, чтобы показать, что славянские языки для выражения одного и того же инхоативного значения могли использовать различные глагольные суффиксы. Даже в одном и том же языке могут появляться инхоативные глаголы, образованные от именной основы с помощью и того и другого суффикса инхоативности. Это приводит к появлению в языке инхоативных дублетов.

4. Затухание продуктивности суффикса -н- как средства об-

разования инхоативных глаголов и рост продуктивности суффикса -ěj- в этой же функции приводили к тому, что от основ, употребительных с суффиксом -н-, были образованы в древнерусском языке инхоативы с суффиксом -ěj-. Рассмотрим эти глагольные дублеты.

а) -крѣпнути — -крѣпѣти

Глагол *крѣпнути* в словарях древнерусского и старославянского языков не отмечен, зафиксированы только приставочные глаголы: *искрѣпнути* (в значении «окоченеть»), *окрѣпнути* («окрепнуть», «отвердеть»), *прѣкрѣпнути* («окрепнуть», «усилиться»). Отмечены также приставочные формы от корня *крѣп-* с суффиксом -ěj-: *искрѣпѣти*, *укрѣпѣти*, *раскрѣпѣти*, ср. *искрѣпѣет ми оумъ* (Шестоднев Иоанна Болгарского; И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка (далее — СМ), I, 1121); *како не искрѣпѣ язык его* (Соборник, XV в., СМ, I, 1121); *оукрѣпѣють роуцѣ твои* (Книга Судей по сп. XIV в., СМ, III, 1192—1193); *отъ князь его единъ оукрѣпѣть на нь и обладает властію мноюю кроме власти его* (Толкования на книгу пророка Даниила по сп. XV в.) (там же)³.

Более ранним, очевидно, является глагол *крѣпнути*, так как прилагательное от этой именной основы образовалось с суффиксом -ѣк- (*крѣпный* и *крѣпѣкъ*), глагол *крѣпѣти* — более позднее образование. В русском языке утвердилось *крепнуть*. Впоследствии от того же корня возник новый инхоативный глагол *крепчать*. Если глаголы *крѣпнути*, *крѣпѣти* восходят непосредственно к именной основе *крѣп-*, то новый глагол образован от суффиксальной основы прилагательного *крепк-*. Этот глагол возник, по-видимому, в говорах. Наблюдается также некоторая дифференциация в употреблении глаголов *крепнуть* и *крепчать*: последний обычно обозначает усиление действия какого-либо стихийного явления: *шторм крепчает, ветер крепчает*. (Даль, II, 207).

б) гибнути — гибѣти

Основа *губ-* во всех славянских языках образует инхоатив с суффиксом -п- (-н-). Сербское существительное *губ*⁴, образованное от глагола *губати* (гнуть) говорит о циркумфлексной интонации основы *губ-* в общеславянском. Это подтверждает ее принадлежность к инхоативному типу с суффиксом -н-. Однако в древнерусском языке отмечен и один, правда, сомнительный, случай употребления глагола *гибѣти*: *бороните же людемъ кръстьяго цѣлованія: вы бо сами вѣдаете, ожь в нашемъ градѣ*

³ В примерах из старославянских и древнерусских памятников *ж* заменяется буквой *я*, *ж* — буквой *у*, *ѣ* — буквой *ю*, *ѥ* — *е*, титла раскрыты, надстрочные знаки вынесены в строку.

⁴ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, 1887—1891, т. III, стр. 281.

мнози *гыбять* в томъ (Поучение Илии, епископа Новгородского, сп. XIV в., СМ, III, доп. 82). Появление окончания *-ять* (вместо правильного *гыб-ѣють*), может быть, объясняется влиянием каузатива *губити* (*губять*). С ним, очевидно, связан приводимый Далем глагол *гибеть*: «гибеть? над чем, мск. ярс. курс. (губить себя? гибаться, дыбеть?) — дыбеть, корпеть, сидеть не разгибаясь». (I, 350). С иным значением зафиксирован этот глагол в XVIII в. в украинском языке: *Малыи (малжонки) килко рокъ гибѣют без приплодку* (Вірші Климента Зіновієва сина)⁵. Б. Гринченко находит этот глагол в украинских диалектах: *гибіти* — «пропадать, страдать, хиреть, болеть»⁶. Все эти факты дают возможность говорить об употребительности глагола *гыбѣти* в древнерусском языке.

в) *тонуть* — *топѣти*

Основа *top-* во всех славянских языках образует инхоативы с суффиксом *-п-* (*-н-*). Глагол *тонуть* засвидетельствован в древнерусском языке. Один раз отмечен инхоатив от того же корня с суффиксом *-еј-*: *яко же и на море суть истопели* (Житие Андрея Юродивого по сп. XV—XVI вв., СМ, I, 1151).

г) *глибнуть* — *гльбѣти*

Глагол *глибнуть* без приставки в словарях древнерусского языка засвидетельствован один раз: *аще земледѣлец украдетъ ральныхъ железъ или лыскаръ, и познается по времени, да отдает на всякъ день по числу днѣи елико глибло у него, по грошу на день* (Устав Ярослава о земских делах; А. Х. Востоков, Словарь церковнославянского языка, СПб, 1858, т. I, 82). Приставочные формы этого глагола встречаются чаще. Вместе с тем отмечены и глаголы, образованные от этого корня с помощью суффикса *-еј-*: *гльбѣти* — *тонуть*, *вязнуть* — *кольми паче чьловѣчьскы душѣ не подобаетъ въ грѣсѣ гльбяще прѣзрѣти* (Златоструй, XVI в., СМ, I, 522); *гльбѣти* — *внедряться*: *грѣхъ вашъ гльбѣти въ васѣ* (Поучения Иоанна Златоуста, сп. XIV в., СМ, I, 523). В вышеуказанном словаре А. Х. Востокова глагол из последнего примера вынесен в виде *гльбити* (I, 83). Правильнее инфинитив, указываемый в «Материалах» Срезневского — *гльбѣти*, ибо это инхоативный глагол, воспринятый, очевидно, как глагол типа *висѣти*, *горѣти*, чем объясняется форма III лица *гльбѣть* вместо правильного *гльбѣть*. Из двух инхоативных глаголов от этой основы более ранним, по-видимому, является глагол *гльбнуть*, так как эта именная основа образовала прилагательное с суффиксом *-ок-* (*глубокъ*). Оба глагола не сохранились.

д) *мъркнуть* — *мърчати*

⁵ Е. Тимченко, Историчний словник українського языка, т. I, Харків — Київ, 1930, стр. 522.

⁶ Б. Гринченко, Словарь украинского языка, Киев, 1907, т. I, стр. 282.

Обычным для древнерусского и старославянского языков был глагол *мъркнути* (*мръкнути*), неоднократно засвидетельствованный памятниками. Вместе с тем отмечены формы глагола с суффиксом -ěj- (*aj-*) — *мърчати*. Он спрягается как глаголы типа *висѣти*, *горѣти*: *да помръчатъ звѣзды ношти тоя* (Изборник 1073 г., СМ, II, 1173); *демони мрчатъ* (Житие Андрея Юродивого по сп. XV—XVII вв., СМ, II, 382). Правильную форму этого глагола находим в Паисиевском сборнике (СМ, II, 332): *днь бесконечный, не митушаяся с ночью и не мерчая*. Более ранним, очевидно, является *мъркнути*. Именно с суффиксом -н- эта основа употребляется во всех славянских языках.

е) *никнути* — *ничати*

Наряду с глаголом *никнути* древнерусский и старославянский языки знали и инхоатив *ничати*, неоднократно отмеченный в памятниках как глагол IV класса: *долоу ничящая* (XIII слов Григория Назианзина, СМ, II, 454). Более ранним, очевидно, является глагол *никнути*. Об этом говорит наличие такого инхоатива в славянских языках и интонация соответствующего сербского существительного (*ник*)⁷.

ж) *кыснути* — *кысѣти* — *кислеть*

Кроме глагола *кыснути*, отмеченного в памятниках, можно указать приставочный глагол с суффиксом -ěj-: *раскысѣти* в значении «раскиснуть, разложиться, испортиться» — *лазоря уже раскысѣша въ гробѣ и четири дни имуща въ мъртвыхъ словомъ жива створихъ* (Слово о расслабленном» Кирилла Туровского в сб. XIII в., СМ, III, 75). В более позднее время появился новый инхоативный глагол *кислеть*, образованный от отглагольного прилагательного *кислый* (из *киснуть*) с суффиксом -ej-. Этот глагол отмечен в «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова (1704 г.), в словаре Нордстета⁸, у Даля (II, 111) — «кислеть — становиться кислым или кислее прежнего». В литературный обиход этот глагол не вошел, он остался в просторечии и диалектах.

з) *слѣпнути* — *слѣпѣти*

Вместе с глаголом *слѣпнути*, широко представленным в памятниках древнерусского языка (но только с приставкой), отмечены инхоативы, образованные от корня *слѣп-* при помощи суффикса -ěj-: *правдѣное отгѣмѣться ослѣпѣвшимъ неистовствѣмъ своего непокорения* (Ефремовская кормчая ок. 1100 г., СМ, II, 728). Более ранним является, очевидно, глагол *слѣпнути* (ср. серб. *слеп*). *Слѣпѣти* — более позднее образование. В отдельных языках этот глагол становится основным средством выражения данного инхоативного значения, ср. серб. *слѣпети*.

⁷ В. Караджич, Српски рјечник, Београд, 1935, стр. 435.

⁸ И. Нордстет, Российский с немецким и французским переводами словарь. СПб., 1780—1782, стр. 288.

В болгарском — *слепа* и производный приставочный глагол несовершенного вида *ослепявам*. Подобный глагол отмечен и в «Пандектах Никона Черногорца»: «*Обои ослипають отъ пути истиннаго* (СМ, II, 725).

Таким образом, можно отметить, что в древнюю эпоху существовали инхоативные дублеты, образованные от одного и того же корня, но посредством разных суффиксов. Более ранними, по-видимому, являются глаголы с суффиксом -н-, более поздними — глаголы с суффиксом -ěj-. Сосуществование этих дублетов закончилось вытеснением более поздних инхоативов (на -ěj-). В современном литературном языке именные основы, которые в древнерусском образовали инхоативные дублеты, употребляются только с суффиксом -н-.

5. Глагольные дублеты могли возникать и в более позднее время, причем их образование шло разными путями. С одной стороны, рядом со старыми инхоативами с суффиксом -ej- могли возникнуть инхоативы с суффиксом -н-. Это объясняется тем, что суффикс -н- сохранял свою продуктивность в отдельных говорах. В русских диалектах употребляется значительное количество инхоативов на -н-, которые неизвестны литературному языку: *вымнуть* — крепнуть (о вымени) (А. Х. Востоков, Дополнение к Опыту областного великорусского словаря, СПб, 1858, стр. 29); *дягнуть* — поправляться, улучшаться (А. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия, СПб, 1885, стр. 41); *ёлкнуть* — горкнуть (А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, М., 1958, I, 214); *клекнуть* — делаться жестким (А. Х. Востоков, Опыт областного великорусского словаря, СПб, 1852, стр. 83).

Глаголы такого типа могли возникать в отдельных случаях и от основ, обычно образующих инхоативные глаголы с суффиксом -ej-. Так, по-видимому, образовались глагольные дублеты *тишать* — *тихнуть*, *слабеть* — *слабнуть*.

а) *тишать* — *тихнуть*

Глагол *тихнуть* в древнерусском языке не отмечен. В «Словаре церковнославянского языка» А. Х. Востокова (II, 263) приводится отглагольное существительное *оутихновение*, но без ссылок на памятник. В словаре Миклошича⁹ упоминаются два случая употребления глагола *потихнути* в сербском Прологе XVII в. В древнерусском языке засвидетельствованы глаголы от основы *тих-* с суффиксом -ej-: *потихѣти* — *далъ богъ много потихѣло* (Софийский временник XV—XVI вв., СМ, II, 1293); *тишати* (СМ, III, 965) — *огонь почал тишать; предъ утреню же начатъ тишати* (оба примера из Никоновской летописи). Даль отмечает глаголы *тишить*, *тишать* в севернорусских

⁹ F. Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, 1862—1865, Vindobonae, стр. 644.

говорах: *ветер тишит, тишает*. Трудно установить, какой из этих инхоативов является более ранним. Интонация сербского *тих* как будто говорит о том, что эта основа относится к инхоативному типу с суффиксом *-ej-*. В таком случае глагол *тихнутъ* — более позднее образование, вытеснившее первоначальные *тишѣти, тишати*.

б) *слабѣти* — *слабнуть*

Глагол *слабнути* в древнерусском языке не отмечен. Миклошич (518) приводит *ослабнути* из сербского памятника XVIII в. *Слабѣти* — с приставкой и без нее — засвидетельствован уже в ранних памятниках (*да не како ослабѣють на пути* (Остромирово евангелие, СМ, II, 724). В современном языке *слабнуть, ослабнуть* имеют просторечный оттенок. По-видимому, суффикс *-ej-* был основным средством образования инхоативного глагола от именной основы *слаб* в русском языке, как и в общеславянском: об этом говорит интонация слова в сербском языке (*слаб*). *Слабнуть* — очевидно, более позднее образование. Оно имеет литературные права в украинском языке (*слабнути*), в польском (*slabnąć*).

6. Если исходить из интонации и структуры основы, то можно предположить, что в глагольных дублетах *грубеть* — *грубнуть, горьчати* — *горкнуть, холодеть* — *холонуть* более ранними по происхождению являются вторые глаголы каждой пары (ср. интонацию слов *груб*, *жут* (*žyt*), *хлад* в сербском языке, в состав основы *горьк* входит суффикс *-ьк*). Но глаголы *грубнуть, горкнуть, холонуть* в памятниках не отмечены (даже в приставочной форме), в современном языке они имеют диалектный либо просторечный характер. Поэтому правильнее, очевидно, предположить, что эти глаголы возникли в более позднее время на диалектной почве.

а) *горкнуть* — *горчать*

Этот инхоатив в древнерусском языке не отмечен. Первое упоминание о нем находим в словаре Поликарпова (1704). В «Пандектах Антиоха» (XI в., СМ, II, 607) есть *огорьчати* — от инхоатива *горьчати*: *погубить бо (медъ) сладость и горькъ будетъ и не имать хвалы отъ владыкы своего зане огорьчаеть*. Этот глагол отмечен и в более позднее время: в словаре Поликарпова, наряду с *горкну*, приводится *горчаю*, в словаре Гелтергофа (Ф. Гелтергоф, Российский целлариус, М., 1771, стр. 105) — *горчѣю*. Глагол зафиксирован в русских диалектах (Даль, I, 383—384).

б) *гуснуть* — *густеть*

В литературном языке это инхоативное значение передается глаголом *густеть*. В приставочной форме этот глагол отмечен в XV в.: *огоустѣвши* (Хроника Георгия Амартола, СМ, II, 611). Без приставки глагол приводится в словаре Поликарпова. На-

ряду с литературным *густеть* в диалектах употребляется другой инхоатив — *гуснуть* (Даль, I, 410), ср. укр. *гуснути*, чешск. *houstnouti*, польск. *gęsnąć*.

в) желкнуть — желтеть

В древнерусском языке оба глагола не зафиксированы. В современном *желкнуть* относится к просторечию. *Желтеть* отмечают словари XVIII в.: Поликарпова, Нордстета (193), Гелтергофа (164). *Желкну* встречается впервые в словаре Академии Российской 1790 г. (II, 1090). Значения глаголов *желтеть* (как инхоатива) и *желкнуть* в общем совпадают, но *желкнуть* часто употребляется в значении «вянуть, сохнуть».

г) холонуть — холодеть

В современном языке, наряду с литературным *холодеть*, употребляется диалектный глагол *холонуть*. Оба глагола в древнерусском не отмечены. *Холодеть* указывает словарь Академии Российской 1794 г. (VI, 543), *холонуть* приводится в «Опыте областного великорусского словаря» (249): «*холонуть* — холодеть, свежеть — Арханг. Новгород.» Даль (IV, 559) приводит глагол *холоднеть*, образованный от основы прилагательного.

7. Рядом с общеупотребительными глаголами с суффиксом -н- в относительно позднее время могли возникать в диалектах и просторечии инхоативы с суффиксом -еј- от той же основы. Эти глаголы могли быть образованы, в отличие от инхоативов на -н-, от производной основы имени прилагательного: *мокреть* (мокнуть), *мягчать* (мякнуть), от производной основы отглагольных прилагательных — *дряблеть*, *дряхлеть*, *кислеть*, *мозгелеть*. Эти глаголы не проникли в литературный язык, лишь *дряхлеть* вытеснил более старый инхоатив *дрягнуть*. Рассмотрим эти инхоативные пары.

а) мокнуть — мокреть

Мокнуть засвидетельствовано уже в Изборнике 1076 г. — *мокнууштюмоу*. Позже появился глагол *мокреть*, образованный от основы прилагательного *мокр-*. Впервые его отмечает словарь Поликарпова. Есть он у Даля (II, 340): «*мокреть* — исподволь становиться мокрым», в Большом Академическом словаре — «*мокреть* — разговорн. — становиться мокрым, влажным» (6, 1153).

б) мякнуть — мягчать

Мякнуть встречается впервые в Изборнике 1073 г. (СМ, II, 255). Позже возник другой инхоативный глагол с близким значением, образованный от суффиксальной основы прилагательного — *мягчать*, *мягчеть*. Впервые глагол отмечен в словаре Поликарпова: *мягчѣю*, *мягкотѣю*, *мякну*; в словаре Академии Российской: *мякну*, *мягчею* (1793 г., IV, 449). *Мягчать*, *мягчеть* отмечает Даль в псковских диалектах (II, 374).

в) дряхнуть — дряхлеть

Инхоатив *дрягнуть* с приставкой и без нее — не засвиде-

тельствование словарями древнерусского языка. О возможности существования такого глагола говорит существительное *дряхновение*: *смѣхъ вашъ въ желю обратитися и радость в дряхновение* (Апостол, XIV в., СМ, I, 738), а также неоднократно отмеченное словарями прилагательное *дряхлый*, восходящее к причастию на -л от глагола *дряхнути*. От этого прилагательного был образован новый инхоатив — *дряхлеть*, впервые отмеченный в словаре Поликарпова. В современном литературном языке новообразование *дряхлеть* отнесено в группу просторечных и разговорных глаголов инхоатив *дряхнуть*.

г) *дрябнуть* — *дряблеть*

Оба глагола в древнерусском языке не отмечены. По-видимому, взаимоотношение между ними то же, что и между глаголами *дряхнуть* и *дряхлеть*, т. е. от *дрябнуть* было образовано причастие на -л, от основы которого и произведен новый инхоативный глагол *дряблеть*. Словари современного языка считают *дрябнуть* разговорным, *дряблеть* отмечен в словаре Даля (I, 497).

д) *м(о)згнуть* — *мзглеть*

Таким же путем (*м(о)згнуть* — *м(о)зглый* — *м(о)зглеть*) был образован глагол *мозгלеть*, отмеченный с приставкой *про-* в словаре Даля (III, 496).

8. Интересна история современного глагола *бледнеть*. В древнерусском и старославянском языках отмечено прилагательное *блѣдъ*, *блѣды* (например, *конь блѣдъ* — Апокалипсис; *творитъ богъ чьловѣкы ово муры, ово чьрны, друугыя блѣды, друугыя блѣлы* (Житие Нифонта, XIII в., СМ, I, 119) и образованный от него глагол *блѣдѣти* (напр., *по что блѣдѣеши и трепещеши* — Златоструй, XII в., СМ, I, 119). Современный русский язык знает соответственно прилагательное *бледный* и инхоатив *бледнеть*. Болгарский и сербский языки образуют инхоатив с этим же суффиксом: болг. *блед*, *бледен* — *бледнея*, серб. *блед* — *бледети*. Другие славянские языки, как и сербский, сохраняют бессуффиксную основу прилагательного, но инхоатив образуют с суффиксом -н-: ср. укр. *блідий* — *бліднути*, польск. *blady* — *bladnąć*, чешск. *bledy* — *blednouti*. Очевидно, в общеславянском языке эта именная основа имела циркумфлексную интонацию (ср. серб. *блед*) и образовала инхоатив с суффиксом -je- (впоследствии -пе-), а инхоативы с суффиксом -ěj- — более позднее явление. Что касается русского инхоатива, то хотя, вероятнее всего, суффикс -н- вначале проник в прилагательное (*блѣдъ + ън* → *блѣдѣнъ*), а от *бледен* уже был образован инхоатив *бледнеть*, не исключена возможность того, что новообразование *бледнеть* возникло как результат слияния двух инхоативов от одного корня: засвидетельствованного древнерусского *блѣдѣти* и, по-видимому, более раннего, не

отмеченного глагола *блѣднути*. Такой способ образования инхоативов существует в польском языке: окончание *-ieć* присоединяется к основе инхоатива на *-n-*: *chudzieć — chudnąć — chudnieć, słabieć — słabnąć — słabnieć* и т. д.⁹, ср. также в украинском инхоатив *худніти*¹⁰, образованный, очевидно, взаимодействием глаголов *худнути* и *худіти* (прилагательного *худний* нет).

9. В некоторых случаях оба инхоативных дублета отмечены только в диалектах и просторечии: *жестеть — жесткнуть, — коркнуть — кореть, слизнуть — слизеть*.

а) жестеть — жесткнуть

Словари современного литературного языка не фиксируют инхоативных глаголов от именной основы *жест-*. Диалектам известны глаголы с обоими суффиксами инхоативности: «жесткнуть, жестнуть, жестеть — становится жестким, твердеть, грубеть, суроветь» (Даль, I, 536). В древнерусском языке *жесткнуть* не зафиксирован, *жестѣти* в значении «твердеть» приводит в своем словаре Памва Берында (СМ, I, 864). Отмечен инхоативный глагол с суффиксом *-aj-* от основы прилагательного, как и *жесткнуть*: *ови въ чѣловѣцѣхъ мякнуть, ови же жесточаютъ* (Изборник 1073 г., СМ, I, 864).

б) -коркнуть — кореть

Два инхоативных глагола — оба диалектного происхождения — образует именная основа *кор-*, *корк-* (*кора, корка*) — *коркнуть, кореть* со значением «покрываться корой, скорузнуть». *Кореть* отмечен в русских диалектах и белорусском языке: Даль (II, 160) — *коряветь, кореть*; в «Этимологическом словаре русского языка» Преображенского¹¹ — диал. *кореть*, белор. *корець*. В «Опыте областного великорусского словаря» есть глагол *окоркнуть* (140) в значении «озябнуть».

в) слизнуть — слизеть

Инхоативное значение «покрываться слизью» передается в современном языке главным образом глаголом *слизнуть*, чаще с приставкой *о-*. Так, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (III, 868) — *ослизнуть*, в Большом Академическом словаре (8, 1118) — *ослизнуть*. Глагол этот имеет разговорный оттенок. Отмечено и другое инхоативное образование от этой именной основы. Так, в словаре Академия Российской 1794 г. (V, 531) рядом приводятся глаголы *слизѣю* и *слизну*, *ослизѣлѣ* и *ослизѣ*, *ослизѣю* и *ослизну*.

Закончив рассмотрение инхоативных дублетов русского языка, можем сделать такие выводы:

⁹ Henri Grappin, Le suffixe nasal dans la morphologie du verbe polonais (Révue des études slaves, t. XXIII, fasc. 1—4, Paris, 1947).

¹⁰ Б. Гринченко, Словарь украинского языка. Киев, 1909, т. IV, стр. 418.

¹¹ М., 1958, т. 1, 352.

1. По-видимому, в то время как в говорах центральных районов, легших в основу литературного языка, суффикс -н- как средство образования инхоативов утратил продуктивность, передав ее суффиксу -еј-, на окраинах русского языка суффикс -н- оставался продуктивным. Это привело к появлению инхоативных глаголов, образованных от одного корня с помощью двух суффиксов инхоативности, причем глагол с суффиксом -н- обычно диалектного происхождения.

2. Как правило, если рядом со старым инхоативом на -н- появляется параллельный инхоатив с суффиксом -еј-, замещения в литературном языке не происходит. Исключение составляет *драхлеть*.

3. Поздние инхоативы (на -еј-) образуются чаще всего не от именных основ (*мок-*, *креп-*), как инхоативы на -н-, а от основ прилагательных, т. е. с сохранением суффикса прилагательного: *мокреть* (ср. *мокнуть*), *крепчать* (ср. *крепнуть*), *мягчать* (ср. *мякнуть*).

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКОВ

А. К. Рейцак

В преподавании иностранных языков как у нас, так и за рубежом с давних пор практиковался методический прием сопоставления иностранного языка с родным языком учащихся при объяснении тех или иных особенностей этого иностранного языка¹.

В годы советской власти прием сопоставления завоевывает себе все более значительное место при обучении русскому языку в национальных школах. Об этом свидетельствует хотя бы дискуссия по вопросу сопоставления, проводившаяся в 1957—1958 гг. на страницах журнала «Русский язык в национальной школе».

В последние два-три десятилетия сопоставительный метод выдвинулся и в число теоретических проблем языкознания. В связи с этим в лингвистической литературе подвергается обсуждению целый ряд новых вопросов, связанных с разработкой теоретических основ и практических аспектов сопоставительного метода. Поскольку обе стороны — теоретическая и практическая — в сопоставительных исследованиях не лишены интереса, то мы считаем необходимым на них вкратце остановиться.

I

Принцип и цель сопоставительного изучения языков получили свое классическое определение в книге Ш. Балли², применившего этот метод с тем, чтобы выявить особенности строя немецкого и французского языков.

В советском языкознании, начиная с 50-х годов, этому ме-

¹ Ж. Л. Витлин, Из истории русской методической мысли. К вопросу о роли сравнения языков в методике преподавания немецкого языка в России. Изд. ЛГУ, 1958.

² F. Sommer, Vergleichende Syntax der Schulsprachen (Deutsch, Englisch, Französisch, Griechisch, Lateinisch) mit besonderer Berücksichtigung des Deutschen. Leipzig und Berlin, 1931, и др.

² Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 38—39.

тому также уделяется значительное внимание в чисто теоретическом плане. Появился целый ряд работ³, в которых или специально, или попутно рассматриваются сущность, принципы и цели сопоставительного изучения языков в отличие от их сравнительного изучения. В результате этот вопрос получил исчерпывающее освещение и можно считать в общих чертах теоретически разработанным. Основные различия между сравнительным и сопоставительным методами сводятся к следующему.

— Сравнительный метод применяется в изучении двух или ряда языков с тем, чтобы выяснить их прошлое, установить их генетический источник. В силу этого сравнительный метод не может не быть историчным; его цель — найти в языках то общее, что позволило бы установить их родство, реконструировать их былое общее состояние. Сравнительно-исторический метод служит прежде всего теоретическим целям.

— Сопоставительный метод используется при изучении двух языков с тем, чтобы определить то различное, что присуще каждому из сопоставляемых языков в отдельности в их современном состоянии. Сопоставительный метод опирается на синхронию. Цель этого метода двойка: теоретическая и практическая. В теоретическом плане сопоставительный метод состоит на службе лингвистической типологии, в практическом — на службе переводческой и школьной практики.

Определив сущность, принцип и цели сопоставительного изучения языков, советское языкознание выработало также его методологические основы.

1. Системность⁴. При сопоставительном изучении язы-

³ К. Г. Крушельницкая, *Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков*. М., 1961, стр. 4—5.

А. А. Реформатский, *О сопоставительном методе*. «Русский язык в национальной школе», 1962, № 5, стр. 23—33.

В. Н. Ярцева, *О сопоставительном методе изучения языков*. «Филологические науки», 1960, № 1, стр. 3—13.

М. В. Семенова, *Сопоставительная грамматика русского и латышского языков*. Ученые записки Латвийского ГУ, т. XLIII. Рига, 1961, стр. 155.

«Пути развития советского языкознания». «Вопросы языкознания», 1957, № 3, стр. 6.

Л. С. Бархударов, *Общелингвистическое значение теории перевода*. Сб. Теория и критика перевода. Изд. ЛГУ, 1962, стр. 8—14.

Е. Г. Эткнд, *Теория художественного перевода и задачи сопоставительной стилистики*. Сб. Теория и критика перевода. Изд. ЛГУ, 1962, стр. 26—33.

А. В. Федоров, Н. Н. Кузнецова, Е. Н. Морозова, И. А. Цыганова. *Немецко-русские языковые параллели*. М., 1961. Вступительная статья А. В. Федорова «О задачах сопоставительного изучения языков», и др.

⁴ А. В. Исаченко, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким*. Морфология. Часть первая. Братислава, 1954, стр. 62.

А. А. Реформатский, указ. соч., стр. 25.

А. В. Федоров, указ. соч., стр. 23.

В. Н. Ярцева, указ. соч., и др.

ков исследователь не может довольствоваться отдельными, разрозненными фактами, он обязан подвергнуть рассмотрению системные элементы языка прежде всего на каждом из языковых уровней, а затем, установив модели всех языковых уровней, дать системное описание по всему языку в целом.

2. Односторонняя ориентация⁵. При бинарных сопоставлениях к языковому материалу можно подходить двояко: с односторонней и с двусторонней ориентацией. В последнем случае сопоставление становится самоцелью, ибо оно не может дать системного описания особенностей одного из языков, которое представляет интерес и с точки зрения типологических исследований⁶, и с точки зрения теоретической основы для школьного преподавания одного из этих языков.

Авторитетными исследователями подчеркивается, что для овладения чужим языком надо прежде всего отказаться от своего, усвоить то, в чем чужой язык отличается от родного. В силу этого, например, сопоставительная грамматика не должна быть одновременной грамматикой двух языков на равных основаниях: нужна грамматика чужого языка в сопоставлении с родным языком.

К сожалению, такого рода грамматик у нас еще только единицы. Проф. А. А. Реформатский, подвергнув уничтожающей критике написанную с двухсторонних позиций и поэтому лишенную всякой научной и практической ценности сопоставительную грамматику русского и чувашского языков Н. А. Резюкова (Чебоксары, 1959 г.), приводит в качестве образца «Русскую грамматику в сопоставлении с узбекским языком» Е. Д. Поливанова (Ташкент, 1934). Высокую оценку со стороны специалистов получили также сопоставительные исследования А. В. Исаченко, К. Г. Крушельницкой и авторского коллектива во главе с А. В. Федоровым.⁷

3. Семантико-функциональный подход. В работах, посвященных сопоставительному методу и теории перевода, уделяется значительное внимание вопросу о том, что должно лечь в основу сопоставления, что является, т. ск., инва-

⁵ Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., 1947.

Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958.

К. Г. Крушельницкая, указ. соч., стр. 3.

А. А. Реформатский, указ. соч., стр. 33; и др.

В. Н. Ключева, Об основах сопоставительной методики. Сб. «Русский язык для студентов-иностранцев». МГУ, 1960.

⁶ Б. А. Успенский, Принципы структурной типологии. Изд. МГУ, 1962, стр. 18: «Идея инвариантности лежит в основе всякого сравнения языков (как и вообще в основе всякого сопоставления). Необходим некоторый язык — эталон, от которого отталкиваются».

⁷ См. сноски на стр. 90.

риантом сопоставления. Все авторы⁸ единодушно сходятся на том, что таким инвариантом является план содержания, т. е. смысл, ибо именно он лежит в основе акта коммуникации. Далее исследователи разрабатывают с большей или меньшей полнотой методику сопоставления на отдельных языковых уровнях.

Так, В. Н. Ярцева, проанализировав ряд диссертаций, посвященных сопоставлению германских языков с русским, подчеркивает, что сопоставительную фонетику нельзя построить на основе одного только анатомо-физиологического описания звукового состава, что в её основу должны лечь и понятие звуковой системы, специфической для каждого языка, и принцип различной дистрибутивности однородных фонем. С выдвинутым В. Н. Ярцевой положением нельзя не согласиться, ибо именно фонема является коммуникативно значимой единицей фонетического уровня.

Так, если давать характеристику русского консонантизма в сопоставлении с эстонским, то при классификации согласных по твердости и мягкости необходимо подчеркнуть, что в русском языке насчитывается 12 пар палатальных и непалатальных согласных фонем (б' — б, п' — п, д' — д, т' — т, з' — з, с' — с, в' — в, ф' — ф, л' — л, м' — м, н' — н, р' — р), а в эстонском — всего лишь пять (s' — s, t' — t, d' — d, n' — n, l' — l).

Вместе с тем необходимо отметить, что ряд других эстонских согласных палатализуется лишь в позиции перед гласным переднего ряда *i* и среднеязычным согласным *j*, в то время как в русском палатальные согласные могут находиться в позиции перед гласными переднего ряда *i*, *e*, перед согласным *j*, который передается на письме различными графическими способами, а также в середине слова перед твердым согласным⁹ и в конце слова, причём в таком случае на письме показателем мягкости согласного будет буква «ь».

Кроме того, палатальные согласные в русском могут находиться в любом слоге, а в эстонском — только в конце первого слога или в исходе односложных слов, причём в последнем случае по графеме палатальность или непалатальность согласного определить невозможно, хотя она и имеет фонематическое значение (*tall*, *-e* — ягнёнок, *tall*, *-i* — конюшня).

⁸ И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, К обоснованию лингвистической теории перевода. «Вопросы языкознания», 1962, № 1, стр. 51—59.

Л. С. Бархударов, указ. соч., стр. 9.

В. В. Иванов, Машинный перевод и установление соответствий между языковыми системами. Сб. Машинный перевод. Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР. М., 1961, стр. 59.

Е. Г. Эткинд, указ. соч., стр. 28.

Я. И. Рецкер, Задачи сопоставительного анализа переводов. Сб. Теория и критика перевода. ЛГУ, 1962, стр. 43.

В. Н. Ярцева, указ. соч.

⁹ Здесь оставлен в стороне вопрос об ассимилятивной мягкости, который в сопоставительной фонетике, несомненно, должен быть разработан.

Наряду с палатализованными согласными, составляющими пары с непалатализованными, в русском языке имеются две непарные мягкие согласные (ч, щ), три непарные твёрдые согласные (ж, ш, ц) и три ограниченно палатализирующиеся согласные фонемы (г, к, х), а также палатальная согласная фонема j. В эстонском среди согласных, не входящих в пары по твёрдости-мягкости, аналогичного деления нет.

Таким образом, сопоставление покажет нам реальные совпадения и расхождения по линии мягкости-твёрдости согласных (в количестве палатализованных согласных, в возможных позициях, способах графической передачи, а также в интенсивности данного явления).

* * *

В. Н. Ярцева, А. В. Федоров, К. Г. Крушельницкая, А. А. Реформатский, М. И. Стеблин-Каменский¹⁰ и др. настаивают на том, что основу для сопоставлений в области морфологии составляют не грамматические формы сами по себе, но грамматические категории, ибо только они обладают функциональной значимостью. Следовательно, отправной точкой для морфологического сопоставления служит грамматическая категория, которая рассматривается в ее средствах выражения, с учетом всех синонимичных средств. На последнем особо настаивают К. Г. Крушельницкая и А. В. Федоров. В их собственных трудах это положение получает свою практическую реализацию.

Т. о., при сопоставлении русского существительного необходимо было бы рассмотреть прежде всего способы выражения категорий рода, числа и падежа, причем в категории падежа особого внимания заслуживает его синтаксическое функционирование, ибо с коммуникативной точки зрения обладает значимостью именно это, а не способ формообразования.

Если обратиться, например, к сопоставительному анализу падежной системы русского и эстонского языков, то уже несопадающее количество падежей, соответственно шесть и четырнадцать, свидетельствует о том, что параллелей будет немного. В виде опыта постараемся определить эстонские соответствия одному из русских падежей, например, дательному, который по кругу своих значений не очень объемист.

Известно, что русский дательный падеж (приглагольный и приименный) имеет следующие основные значения¹¹.

1. Значение косвенного объекта — адресата,

¹⁰ Значение машинного перевода для языкознания. Сб. «Материалы по машинному переводу», вып. 1. ЛГУ, 1958, стр. 8.

¹¹ Грамматика русского языка, т. I. АН СССР. М., 1960, стр. 122.

т. е. лица или предмета, к которому направляется действие, — лица, для которого или в ущерб которому совершается действие.

Этот дательный падеж соответствует эстонскому *alaleütlev*: 'купить, подарить, принести книгу брату' — 'ostma, kinkima, tooma raamatu vennale'

Далее, в этом же значении косвенного объекта дательный падеж сочетается с глаголами, выражающими душевные переживания и чувства, направляемые на кого-нибудь. К сожалению, здесь совпадений значительно меньше:

верить	uskuma kedagi
доверять	usaldama kedagi
радоваться	rõõmustama millegi üle
удивляться	imestama millegi üle
сочувствовать	tundma kaasa kellelegi

Далее, дательный падеж косвенного объекта представлен при глаголах

вредить	kahjustama kedagi
запрещать	{ keelama kellelgi (midagi teha)
мешать	{ keelama kellelegi (mingi asja)
содействовать	{ segama kedagi; takistama kellelgi (midagi teha)
способствовать	{ aitama kaasa kellelegi
помогать	abistama kedagi
позволять	lubama kellelgi (midagi teha)

Эти значения русского дательного падежа разбиты, следовательно, между тремя эстонскими падежами без послелогов: *osastav*, *alalütlev*, *alaleütlev*, к которым примыкает еще *omastav* с послелогом *üle*.

2. Значение реального субъекта действия в безличных конструкциях:

не спится	} кому-либо	kellelgi ei ole { und
хочется		kellelgi on { tahtmine
скучно		kellelgi on { igav
холодно		
весело		külmal
		lõbus

В этом значении дательный очень часто соответствует эстонскому *alalütlev*.

Далее, дательный падеж выступает в сочетании с рядом предлогов — «к», «по», «благодаря», «согласно», «вопреки». Рассмотрим сочетание с первым из них.

а) Предлог «к» + дательный падеж выражает конечный пункт движения. Если глагол выражает движение в процессе его совершения, то эта конструкция чаще всего соответствует эстонской *omastav* + *poole* (плыву к берегу, иду к нему). Если процесс движения представляется достигшим или достигающим цели, то наиболее близкой будет эстонская конструкция *omastav* + *juurde* (пришел к нему).

б) Предлог «к» + дательный падеж выражает и временные отношения, а именно предельный срок совершения действия.

Этой конструкции адекватно соответствует эстонский *saav* (к среде — *kolmaräevaks*).

в) Предлог «к» + дательный падеж выражает еще направленность действия к той или иной цели и чаще всего соответствует эстонскому *saav* (подготовиться к ответу).

г) Предлог «к» + дательный падеж означает также связь действия, состояния, качества с каким-либо лицом, предметом и соответствует эстонской конструкции «*omastav + vastu, suhtes*» (любовь к родине, безразличие к искусству и т. д.).

д) Предлог «к» + дательный падеж выражает присоединение, принадлежность к чему-либо. Это значение передается по-эстонски падежами *alaleütlev* и *sisseütlev*, а также некоторыми другими конструкциями (прислониться к чему-нибудь, причислить к чему-нибудь, принадлежать к кругу художников и т. д.).

Кроме указанных выше, предлог «к» в сочетании с дательным падежом выражает еще некоторые значения, на которых мы здесь останавливаться не будем. Приведенные примеры показывают, что в основе всех этих значений лежит первоначальное конкретное представление о движении к тому или иному пункту (объекту), на базе которого на более поздних этапах развились отвлеченные значения. Именно исходное конкретное значение создает известную целостную систему отношений в рамках этой конструкции, которые в эстонском языке выражаются разными падежами и отличными от русских конструкциями. Произведенный опыт призван подкрепить выдвинутое положение о том, что в основе сопоставления должен лежать тот язык, в целях изучения которого это сопоставление осуществляется. Если бы для изучающих русский язык приведенный выше материал, касающийся русского дательного падежа, был изложен в рубриках эстонских падежей и конструкций, то никакой целостной картины отношений не получилось бы.

Представляется, что в задачи сопоставительной грамматики входит нахождение способов выражения рассматриваемой категории во втором из бинарной пары языков даже и в том случае, если эти способы будут привлечены из другого языкового уровня; это подсказывается практической направленностью сопоставительных исследований. Поэтому нельзя согласиться с выдвигаемым в статье Л. С. Бархударова положением о том, что сопоставительная грамматика должна ограничиться установлением сходств и различий в рамках той или иной грамматической категории, предоставив теории перевода указать на

то, что некоторые значения, выражаемые в одном из сопоставляемых языков грамматически, в другом языке могут быть выражены при помощи лексических средств.

Предлагаемый Л. С. Бархударовым¹² подход повлек бы за собой вырождение сопоставительной грамматики в голословное теоретизирование.

Так, в эстонском языке нет категории вида, однако, на наш взгляд, это не означает, что в сопоставительной грамматике русского и эстонского языков можно обойти вопрос о том, какими способами передаются в эстонском языке видовые значения русского глагола. К сожалению, у нас еще нет ни одного исследования обобщающего характера, в котором были бы установлены конкретные соответствия, школьные же учебники русского языка чаще всего ограничиваются узким кругом примеров, опирающихся на синтаксические средства (падеж прямого объекта).

Как известно, падеж объекта может служить в эстонском языке средством передачи видового значения русского глагола только при переходных глаголах. Это во-первых.

Во-вторых, обычные для школьных учебников ссылки на завершенность и незавершенность действия никоим образом не способствуют пониманию сущности видовой категории. Не многим лучше и указания на внутренний предел, наличие или отсутствие которого якобы определяет принадлежность русского глагола к совершенному или несовершенному виду.

На наш взгляд, назрело время для проведения обширного исследования с тем, чтобы на основе массового материала определить средства — лексические, морфологические, синтаксические, смешанного типа — передачи видовых значений русского глагола на эстонский язык.

Отправной точкой должно служить разграничение в видовой категории фактически двух характеристик — характеристики вида и характеристики способа действия, получивших в научной литературе названия *Aspekt* и *Aktionsart*¹³.

Под способом протекания действия следует понимать указание на его линейность или нелинейность, членимость или нечленимость, повторительность или неповторительность и т. д., которое далеко не всегда имеет морфологическое выражение, но входит в глагольную семантику.

Так, и «смотреть», и «посматривать» — глаголы несовершенного вида, оба именуют действие, которое не заключает в себе внутреннего предела, однако первый из них называет

¹² Указ. соч., стр. 10.

¹³ П. С. Кузнецов, *Очерки исторической морфологии русского языка*. М., АН СССР, 1959, стр. 172.

Б. А. Серебрянников, *Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп*. М., АН СССР, 1960, стр. 17—19.

действие линейное, второй — действие, членимое на отдельные этапы. Глаголы «киснуть» и «скисать» также оба несовершенного вида, но в семантике первого из них как бы содержится указание лишь на равномерное нарастание признака (линейность), а семантика второго указывает прежде всего на повторительность, обычность действия (итеративность), а нарастание признака стоит как бы на заднем плане. Эти глагольные пары передаются на эстонский язык различными способами. Так, если конструкции «смотреть на кого-нибудь» соответствует «*vaatama kedagi*», то эквивалентной конструкции «посматривать на кого-нибудь» будет «*(aegajalt) kellelegi pilku heitma*». Следовательно, вторая конструкция не может быть адекватно передана на эстонский язык одними лишь синтаксическими средствами, несмотря на то, что глагольное действие требует объекта; адекватность достигается при помощи лексических средств. Глаголу «киснуть» будет соответствовать глагол «*hapuks minema*», «*hapnema*», глаголу «скисать» — «*(tavaliselt) hapnema, hapuks minema*», ср. «в тепле молоко быстро киснет» — «*soojas piim hapneb ruttu*», «у тёплой печки молоко быстро скисает» — «*sooja ahju juures seistes läheb piim tavaliselt ruttu hapuks*». Во втором случае адекватности конструкции достигается опять-таки при помощи лексических средств.

Если взять видовую пару «дряхлеть» — «одряхлеть», то первый из этих непереходных глаголов имеет эквивалент в виде конструкции «*järgest põduramaks muutuma*», т. е. видовое значение передается при помощи лексики и морфологии: лишь форма сравнительной степени прилагательного, именующего признак, в сочетании с наречием передает и способ действия (постепенное нарастание известного качества), и вместе с тем указывает на отсутствие предела в этом действии.

В глагольной паре «ходить — хаживать» первый принадлежит к глаголам, именующим разнонаправленное или повторяющееся движение, второй относится к разряду глаголов многократного действия. Первый из этих глаголов имеет эквивалент в виде глагола «*käima*», второй — в виде конструкции «*tavatsema käia*» (лексические и синтаксические средства). Глагольная пара «говорить — говаривать» передаётся аналогичным образом — «*rääkima*»: «*tavatsema rääkida*».

Приведённые примеры принадлежат к определенным типам видовых образований русских глаголов; в силу этого предложенные способы эквивалентной передачи их видовой семантики могут быть применены по отношению ко всем глагольным парам, входящим в данный тип.

Так, в типовой группе парных глаголов несовершенного вида, т. е. не содержащих в себе указания на предел,

смотреть — посматривать
кричать — покрикивать
говорить — поговаривать
думать — подумывать
писать — пописывать
звонить — позванивать и т. д.

приставочные глаголы всегда передают действие прерывистое, причем интенсивность самого действия невелика.

В типовой группе глаголов несовершенного и совершенного вида

слабеть — ослабеть
веселеть — повеселеть
краснеть — покраснеть
белеть — побелеть
синеть — посинеть
зеленеть — позеленеть
желтеть — пожелтеть
темнеть — потемнеть
худеть — похудеть
толстеть — потолстеть
тучнеть — потучнеть
зреть — созреть
умнеть — поумнеть и т. д.

глагол несовершенного вида всегда указывает на постепенное нарастание того или иного качества, а глагол совершенного вида — на завершение этого процесса.

В типовой группе парных глаголов несовершенного вида

киснуть — скисать
вянуть — увядать
сохнуть — высохнуть
мёрзнуть — замерзать
вязнуть — увязать
липнуть — прилипать
гаснуть — угасать и т. д.

у бесприставочных глаголов на переднем плане стоит транслативность, у приставочных глаголов транслативность связывается с обыденностью, повторительностью действия, причем намечается еще одно различие: приставочные включают в себе смысловой оттенок членимости (этапности), а у бесприставочных этот момент не ощущается.

В типовой группе парных глаголов несовершенного вида

носить — нашивать
говорить — говаривать
сидеть — сиживать
слыхать — слыхивать
видать — видывать
ходить — хаживать и т. д.

глаголы с суффиксом -ива- (-ыва-), характеризующиеся с точки зрения современного языкового восприятия оттенком архаичности, содержат в своей семантике указание на многократность (повторительность) и вместе с тем на обыденность (при-

вычность) данного действия, в то время как соотносительные с ними глаголы именуют только повторяющееся действие.

Эти смысловые моменты приведенных типовых групп должны найти свое отражение в эстонских эквивалентах и в эстонских текстах, предлагаемых учащимся для перевода на русский язык.

* *
*

Теоретические основы сопоставительных исследований в области синтаксиса получили в лингвистической литературе некоторое освещение в двух планах.

Так, исследователи, работающие с ориентацией на машинный перевод, разрабатывают способы т. наз. конфигурационного анализа. Грамматическая конфигурация, которая большинством исследователей этого направления признана основной синтаксической единицей языка, представляет собой слово или словосочетание, данное в его морфологической характеристике, без учёта синтаксической функции и лексического значения¹⁴.

Представляется, что эта грамматическая конфигурация, обнаруживающая свое прямое родство с «непосредственно составляющими» американского дескриптивизма, не может быть основной функциональной единицей синтаксического уровня ни для переводчиков, работающих «ручным» способом, ни для школьных и вузовских грамматик. О пригодности этой единицы в машинном переводе автор настоящей заметки в силу своей некомпетентности судить не берется.

Второе направление представлено в грамматических исследованиях К. Г. Крушельницкой и авторского коллектива во главе с А. В. Федоровым. Сопоставление в области синтаксиса здесь сводится, главным образом, к рассмотрению типов предложения, а также вопроса о порядке слов и интонации в немецком языке. Понятие основной функциональной единицы синтаксического уровня специально рассмотрению не подвергается.

Ввиду этого следует прежде всего выяснить вопрос о том, что же является инвариантом при сопоставительном анализе на уровне синтаксиса. Нам кажется, что основной функциональной единицей на уровне синтаксиса не может быть словосочетание, так как словосочетание — категория морфолого-синтаксическая и может выступать в предложении с различной смысловой нагрузкой, в зависимости от которой находится форма адекватного по содержанию соответствия во вто-

¹⁴ Т. Н. Молошная. О понятии грамматической конфигурации. Сб. «Структурно-типологические исследования». АН СССР. М., 1962 стр. 46—59.

ром из языков бинарного сопоставления. Поясним это примерами.

В силу того, что эстонский язык имеет две формы инфинитива, русский инфинитивный оборот «узнавать новое» имеет два эквивалента: «teada saama uut» и «teada saada uut».

Так,

Его постоянным стремлением было узнавать новое. —

Tema alaliseks püüdeks oli teada saada uut.

Он каждодневно стремился узнавать новое. —

Ta püüdis iga päev teada saada uut.

Стремление узнавать новое привело его в высшую школу. —

Püüd teada saada uut tõi tema kõrgemasse kooli.

Он пришёл в высшую школу узнавать новое. —

Ta tuli kõrgemasse kooli teada saama uut.

Он пришёл в высшую школу, чтобы узнавать новое. —

Ta tuli kõrgemasse kooli, et teada saada uut.

При сопоставлении будет избрана правильная форма оборота лишь при учете его смысловой нагрузки в предложении, при учете того, что, например, целевые отношения выражаются в эстонском формой на -та в том случае, если обстоятельство цели не вводится в русском языке союзом «чтобы» («et»).

Второй пример. Известно, что при отглагольных существительных — *nomina actionis* с суффиксом -тие, -ние и т. д. в родительном падеже может стоять и реальный субъект действия, и реальный объект действия. В последнем случае в эстонском языке соответствующая форма названия действия нередко образуется от каузативного коррелята, а в первом случае — от транслатива или рефлексива, в русском же языке этот момент в морфологической форме *nomina actionis* не отражается: ср. «развитие ребенка протекало нормально» — «lapse arenemine (areng) kulgas normaalselt»: «развитие идей дружбы народов является нашей повседневной задачей» — «rahvaste sõprususe ideede arendamine kuulub meie alaliste ülesannete hulka»; «на удаление корабля мы не обратили никакого внимания» — «laeva eemaldumisele ei pööranud me mingit tähelepanu»: «на удаление пули ушло не более десяти минут» — «kuuli eemaldamiseks kulus kõige rohkem kümme minutit».

Смысловая нагрузка в предложении определит форму эквивалента в эстонском языке и такому русскому словосочетанию, как, например, «коробка из пластмассы»: «эта коробка — из пластмассы» — «see karp on plastmassist»; «в этой коробке из пластмассы...» — «selles plastmasskarbis»; «здесь делаются коробки из пластмассы, стекла...» — «siin tehakse karpe plastmassist, klaasist»...

Аналогичных примеров множество, и все они подтверждают выдвинутое положение о том, что словосочетание как морфолого-синтаксическая единица не может быть основной функциональной единицей при собственно синтаксическом анализе. Тем

не менее сопоставление словосочетаний, безусловно, входит в круг сопоставительных исследований как нечто подчиненное функциональному, семантическому анализу на синтаксическом уровне.

Основной функциональной единицей на уровне синтаксиса не может быть т. наз. «член предложения», ибо «для перевода не существенно, что такое-то существительное является дополнением к глаголу в определенной конфигурации. С точки зрения смысла существеннее, соответствует ли некоторый смысловой компонент действительному объекту воздействия в некотором процессе, адресату этого процесса или чему-то сопresentствующему в нем» ...¹⁵

В виде иллюстрации проанализируем такой пример. В предложении «Старое заводское здание было построено еще частным предпринимателем» («Vana tehasehoone ehitati veel eraettevõtja poolt») «здание» («hoone») выполняет функцию подлежащего, «предпринимателем» — функцию дополнения (косвенного субъекта действия в страдательном обороте). В предложении «Старое заводское здание построил еще частный предприниматель» «здание» является дополнением (объектом действия), «предприниматель» — подлежащим (активным субъектом действия). Тем не менее, с точки зрения смысла «здание» в обеих конструкциях выполняет роль объекта конкретного действия, а «предприниматель» — роль субъекта действия. Различие между этими предложениями заключается в дополнительном представлении об активности субъекта действия во втором и о его пассивности в первом. Но если подойти к осмыслению этих предложений с точки зрения актуального членения, то оба входят в третий тип соотношения основы высказывания и предиктируемой части¹⁶: в основе высказывания называется предмет — «здание», на котором концентрируется внимание; этот предмет является предметом речи, ему приписывается содержание предиктируемой части, т. е. то новое, ради чего состоялось все высказывание. То, что реальный субъект действия в первом представлен пассивным, а во втором — активным, не меняет ни реального субъектно-объектного отношения, ни коммуникативного задания, ни актуального членения, т. е. собственно смысловой стороны. Отсюда вытекает, что, хотя анализ по членам предложения впредь до выработки новых, ориентирующихся на смысловую сторону и на различные коммуникативные задания приемов разбора имеет право на существование, все же в сопоставительных исследованиях необходимо

¹⁵ А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьев, Ю. С. Мартемьянов, О принципиальном использовании смысла при машинном переводе. Сб. «Машинный перевод». М., 1961, стр. 18.

¹⁶ И. П. Распопов, Актуальное членение предложения. Уфа, 1961, стр. 64—66.

ориентироваться на нечто иное, по отношению к которому анализ по членам предложения будет занимать зависимое положение.

Нам представляется, что основной функциональной единицей на уровне синтаксиса, позволяющей применять методы структурного анализа, может служить синтаксема, единица, выполняющая тождественную смысловозначительную функцию в языке и характеризующаяся определенными дистрибутивными признаками (грамматической сочетаемостью, морфолого-синтаксическим оформлением и т. д.). Понятие синтаксемы неразрывно связано с понятием альтернантов, т. е. синтаксической синонимии¹⁷.

Аналогичное понимание инварианта, эталона в сопоставлении синтаксиса изложено и у некоторых других авторов, имеющих эту единицу «грамматической конфигурацией»¹⁸.

Методика синтаксемного анализа пока еще не выработана. Все же постараемся проиллюстрировать возможный путь такого анализа одним примером. И в русском, и в эстонском языках можно выделить категорию субъекта, охватывающую понятия о действующем лице и о носителе предикативно-атрибутивного признака. Этот субъект может получить различное морфолого-синтаксическое оформление, в зависимости от коммуникативного задания и различных дополнительных смысловых моментов.

Категория субъекта.

1. Активный субъект действия, носитель предикативно-атрибутивного признака,

а) не осложненный дополнительными характеристиками:

Мальчик пишет. — Poiss kirjutab.

Мальчик послушный. — Poiss on kuulekas.

б) осложненный выделительной характеристикой:

Один из мальчиков — Üks poistest kirjutab.
Üks poisse

в) осложненный количественной характеристикой:

Ватага мальчиков отправилась в лес.

Salkkond poisse läks metsa.

2. Пассивный субъект действия:

Упражнение написано мальчиком.

Narjutus on poisi kirjutatud.

Narjutus on kirjutatud poisi poolt.

¹⁷ А. М. Мухин, Функциональные лингвистические единицы и методы структурного анализа языка. «Вопросы языкознания», 1961, № 1, стр. 91—92.

А. М. Мухин, Понятие нейтрализации и функциональные лингвистические единицы. «Вопросы языкознания», 1962, № 5, стр. 53—61.

А. М. Мухин, Синтаксема как функциональная синтаксическая единица. «Филологические науки», 1961, № 3.

¹⁸ О. С. Кулагина, А. А. Ляпунов, И. А. Мельчук, Т. Н. Мо-
лошная, Теоретические основы машинного перевода на русский язык.
Сб. «Исследования по славянскому языкознанию». АН СССР. М., 1961,
стр. 379—380.

3. Субъект обладания:
У мальчика много друзей.
Poisil on palju sõpru.
У мальчика болит голова.
Poisil valutab pea.
4. Субъект состояния:
Мальчику (не) спится, (не) хочется ...
Poisil ei ole und, ei ole tahtmist ...
Poisil on uni, on tahtmine ...
Мальчику хорошо работается.
Poisil laabub töö hästi.
5. Субъект, наличие которого отрицается.
Мальчика не было дома.
Poissi polnud kodus.
6. Субъект совместности.
Мальчик с девочкой **выбежали** во двор.
Poissi-tüdrukut lippasid õue.
Мальчик вместе с девочкой ...
Poiss koos tüdrukuga ...

Предложенная таблица соответствий не претендует на исчерпывающее решение проблемы, а выдвигается скорее в виде рабочей гипотезы в дискуссионном порядке. Представляется, что аналогичным образом могут быть разработаны категории объекта (в одно- и двухобъектных конструкциях), категория признака (квалификативного — при глаголах, атрибутивного — при существительных, предикативного), категория действия (глагольного сказуемого в традиционном понимании), категория квалификации (связки в традиционном понимании) и т. д.

Возможно, что обработка массового материала вынудит снять предложенную гипотезу и избрать какой-нибудь иной путь, который окажется более плодотворным.

* *

*

Проблема сопоставительных исследований в области словарного состава получила свое освещение у целого ряда авторов¹⁹, причем основное внимание уделено двум аспектам: вопросу об инварианте лексических сопоставлений и возможностям

¹⁹ В. Н. Ярцева, указ. соч., стр. 10.

В. В. Иванов, Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины. Сб. «Материалы по машинному переводу», вып. 1. ЛГУ, 1958, стр. 17—19.

С. С. Белокриницкая и др., Один из подходов к построению лексико языка-посредника. Сб. «Машинный перевод». АН СССР, М., 1961, стр. 7—8.

М. Ф. Семенова, указ. соч., стр. 163 и след.

А. В. Федоров, указ. соч., стр. 15, стр. 23.

K. Reuning, Joy and Freude. Swarthmore, 1941.

В. А. Юрик, Опыт структурного анализа семантического поля цвета в русском и латышском языках. Ученые записки Латвийского ГУ, т. XXV, Рига, 1958, стр. 185—198.

таких сопоставлений, которые охватили бы более или менее значительные разряды лексики.

Высказывания упомянутых авторов, а также исследования, посвященные лексике того или иного языка в отдельности²⁰, убеждают в том, что в лексикологии укореняется ономастический подход к предмету исследования, с ориентацией на его системное освещение. Это означает, что инвариантом служит понятие как единица плана содержания, вокруг которой группируется план выражения — слова, служащие для обозначения этого понятия, взятые в их семантических связях. Тем самым право на жизнь завоевало описание словарного состава по лексико-семантическим группам слов, причем в случае более обширных исследований признается необходимым сплошной охват тематически близких понятий.

Огромные трудности на пути создателей сопоставительных трудов встают в связи с тем, что, в отличие от других наиболее видных индоевропейских языков, русский язык пока не имеет своего идеологического словаря²¹, хотя вопрос о создании такого типа глоссария ставился ак. Л. В. Щербой еще в 1940 году²². Следовательно, вплоть до появления идеографического словаря русского языка ни о каком исчерпывающем описании русской лексики в сопоставлении со словарным составом какого-нибудь иного языка не может быть и речи.

При бинарном сопоставлении лексики необходимо осветить ее генетический состав в обоих языках, выделив общее и различное. Общими, т. е. фонетически и семантически сходными, слова могут быть в силу этимологически единого источника: слова, унаследованные из общего праязыка, если сопоставляются языки одной семьи; интернационализмы или заимствования из какого-нибудь третьего языка; заимствования из одного сопоставляемого языка в другой. Однако сходство отнюдь не означает тождества, даже в подгруппе интернационализмов; в силу этого требуют особого внимания возможные стилистические и семантические расхождения.

²⁰ А. А. Уфимцева, Опыт изучения лексики как системы. АН СССР, М., 1962.

К. А. Левковская, Теория слова. Принципы её построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962, стр. 39—51, и др.

²¹ F. Dornseiff, Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin, 1943.

Ch. Maquet, Dictionnaire analogique. Répertoire moderne des mots par les idées, des idées par les mots. Paris, 1936.

J. Casares, Diccionario ideológico de la Lengua Esponola. Desde la idea a la palabra. Desde la palabra a la idea. Barcelona, 1942.

P. M. Roget, Thesaurus of English Words and Phrases classified and arranged so as to facilitate the expression of ideas and to assist in literary composition — 76 переизданий, начиная с 1852 г.

²² Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958, стр. 77—85.

Несомненный интерес может представить также сопоставительное описание архаизмов и неологизмов, а также стилистических разрядов — лексики высокого стиля, просторечий и вульгаризмов и т. д.

К лексическим сопоставлениям примыкает описание способов пополнения словарного состава, в частности, проблема словообразования. В теории и практике этот вопрос рассматривается лишь в «Немецко-русских языковых параллелях» в следующих аспектах: специфические особенности словообразования (аффиксация, словосложение) в русском и немецком языках; русские соответствия немецким сложным словам; русские соответствия немецким словообразовательным неологизмам, созданным морфолого-синтаксическим способом, т. е. путем перехода слова из одной части речи в другую.

Представляется, что, наряду с общим обзором путей словарного обогащения, вопрос о соотношении типов словообразования заслуживает внимания. Подбор же структурных соответствий словам, образованным тем или иным способом, кажется неоправданным, так как это противоречит общепризнанному функциональному подходу: то или иное немецкое сложное слово соответствует русскому производному слову не потому, что первое является сложным, а второе производным, или же потому, что словосложение является в немецком языке более распространенным словообразовательным способом, чем в русском языке, а только лишь потому, что некий смысловой комплекс, который оформляется в немецком языке в виде композиты, облекается в русский язык в форму производного или же сохраняет форму корневого слова. Проиллюстрируем это примерами из области немецко-русских и эстонско-русских лексических эквивалентов. Так, русское корневое слово голод в значении 'бедствие, возникающее как результат неурожая, разрухи' передается композитой в немецком и в эстонском языках, где мы имеем соответственно 'Hungersnot' и 'näljahäda'. Это объясняется различиями в путях семантического развития: немецкое и эстонское слова своей внутренней формой прямо называют, что 'голод' является одной из разновидностей 'бедствия' (Not-häda), в то время как русское слово, сохраняя форму корневого, развило вторичное значение — 'разновидность бедствия' — из своего первичного значения — 'потребность в пище'.

Пути осмысления понятия противоположны: немецкий и эстонский языки выводят название видового понятия из названия родового, русский язык подводит видовое понятие под родовое, не отразив этого во внутренней форме соответствующих названий. Аналогичным образом объясняется соотношение между эстонской и немецкой композитой 'magamistuba', 'Schlafzimmer' и русским производным словом 'спальня': первые два

языка отталкиваются от понятия 'помещение', третий отталкивается от понятия 'спать'. Причины такого различия могут быть объяснены лишь после полного описания и сопоставления семантических систем всех трех языков.

Таким образом, сопоставить можно словообразовательные типы, их продуктивность, а не конкретные слова, образованные тем или иным способом.

* *
*

Наряду с методологическими основами сопоставительных исследований нельзя не остановиться на вопросе об источниках этих исследований.

Первым и необходимым источником сопоставительных описаний являются научные характеристики — фонологические, морфологические, синтаксические, лексикологические, как общие, так и частные, — обоих языков. Материал, извлеченный из этих характеристик, осмысливается и излагается с учетом охарактеризованных выше трех основных методологических положений.

Для системного описания словарного состава необходимы также материалы, извлеченные из идеографических словарей и частных ономаσιологических исследований.

Весьма существенным материалом являются и переводы, особенно различные переводы одного и того же текста. Анализ переводов является особенно важным в описаниях на уровне синтаксиса и лексики для выявления синонимии и стилистических особенностей, а также при рассмотрении тех морфологических категорий, которые во втором из сопоставляемых языков передаются синтаксическими или же лексическими средствами. Т. о., материалы переводов служат проверочным средством и дополнительным источником, однако никак не могут составлять единственной основы сопоставительного описания, особенно в тех случаях, когда к анализу привлекается лишь один перевод.

О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ И ЭСТОНСКОЙ ЛЕКСИКИ

А. К. Рейцак

Интересы успешного преподавания русского языка в эстонских школах требуют планомерного сопоставительного изучения лексики русского и эстонского языков и издания трудов, отражающих результаты таких исследований.

Первой работой обобщающего характера по сопоставительному описанию русского и эстонского языков является коллективный труд, выпущенный в 1962 году¹.

В этом труде вопросам лексикологии посвящены две главы.

В первой из них, озаглавленной «Лексические отношения между эстонским и русским языком», делается попытка описания сходного в эстонской и русской лексике, т. е. интернационализмов и общих заимствований неинтернационального характера, а также заимствований из восточнославянского и русского языков в эстонском и прибалтийско-финских заимствований в русском.

Материалы этой главы свидетельствуют о том, что круг источников, к которым авторы обращаются, весьма ограничен, не учтены показания новейших словарей и исследований². Кроме того, в книге упущены из виду два основных принципа исследования заимствованной лексики.

— Словарная единица должна рассматриваться в единстве ее звучания и значения; этимологизирование по линии одного звучания, т. е. звуковой оболочки, не допускается.

¹ Э. Пяль, Э. Тотцель, Г. Тукумцев, Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка. Таллин, 1962.

² M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950—1956.

J. Kalima. Die slavischen Lehnwörter im Ostsee-finnischen. Berlin, 1955 (Библиография).

В. Кипарский, О хронологии славяно-финских лексических отношений. Scando-Slavica, t. IV. Copenhagen, 1958.

V. Kiparsky, The Earliest Contacts of the Russians with Finns and Balts. Oxford Slavonic Papers, t. III, 1952.

— Заимствованная лексема изучается в ее конкретно-историческом развитии от наиболее дальнего до ближайшего этимона, она возводится прежде всего к своему ближайшему этимону и через его посредство — к более далекому.

При сопоставлении заимствований двух языков очень часто выявляется, что та или иная сходная лексема, возводимая в конечном счете к одному этимону, имеет различный ближайший этимон, наложивший свой отпечаток на звуковую оболочку и способы освоения этого слова в каждом из сопоставляемых языков. Так, эст. *vabrik* и русск. *фабрика*, возводимые в конечном счете к лат. *fabrica*, имеют различный ближайший этимон, соответственно нем. *Fabrik* и польск. *fabryka*. К сожалению, авторами упомянутого труда этот момент не учитывается, ввиду чего их ссылки на этимоны, а также сопоставительный анализ способов освоения заимствований не отличаются достоверностью³.

В силу сказанного автор настоящей работы полагает, что назрела задача сопоставительного исследования лексики общего происхождения в русском и эстонском языках. В итоге такого исследования может быть составлен «Дифференцирующий словарь неисконного в русском и эстонском языках» как источник сведений для составителей комплексного описания русской и эстонской лексики, а также для лексикографов вообще.

Представляется, что указанное выше исследование должно состоять из ряда разделов, причем сбор конкретного материала и его первичная обработка является вполне посильной задачей для студентов, выполняющих, начиная со второго курса, семинарские и курсовые работы.

Основные разделы такого исследования могли бы быть следующими:

- 1) Интернациональная лексика.
- 2) Заимствованная лексика неинтернационального характера.
- 3) Заимствования из одного языка бинарного сопоставления в другой.

I. Интернациональная лексика.

Прежде всего требует уточнения сам термин «интернациональная лексика». Поскольку проведение четкой грани между ней и заимствованиями неинтернационального характера связано с некоторыми трудностями, то при сопоставительном исследовании представляется целесообразным отнести к интернациональной лексике только терминологические новообразования из греко-латинских корней — типа *геология*, *аббревиатура* и т. д. и термины с греко-латинскими суффиксами — типа *марк-*

³ Указ. соч., стр. 19—30.

сизм, а также грецизмы и латинизмы, вошедшие в ряд языков с сохранением своего исконного значения — типа *натура*, *тема*, *квадрат* и т. д. Среди всех прочих широко распространенных заимствований весьма трудно выделить слова действительно международного употребления (ср. *ajaleht* — газета — *gazette* — *Zeitung* — *newspaper*, *kodanlus* — буржуазия — *bourgeoisie* — *Bürgertum* и т. д.).

При указанном выше дифференцирующем подходе выявятся, по-видимому, три группы интернационализмов:

а) русскому интернационализму соответствует эстонский интернационализм (типа *аспирантура* — *aspirantuur*, *омоним* — *homopüüm*, *марксизм* — *marksism* и т. д.);

б) в эстонском имеется интернационализм, соответствующий русскому, но тем не менее эстонский язык в силу тех или иных причин, которые надлежит установить, предпочитает новообразование из исконного материала (типа *литература* — *literatuur* — *kirjandus*, *авиация* — *aviatsioon* — *lennuasjandus*);

в) соответствующий русскому интернационализму эстонский интернационализм употребляется лишь в специальных целях — типа *оратор* — *oraator* (вместо обычного *kõneleja* — *kõnemees*) в несколько ироническом смысле, *студент* — *tudeng* (вместо литературного *õliõpilane*) в разговорной речи и т. д.

Вслед за этим необходима сопоставительная характеристика смыслового объема интернационализмов, характеристика их возможного полисемантизма.

Затем представляет интерес сопоставительное описание фонетико-морфологического освоения этих лексем. Чтобы полностью выявить специфическое по этой линии, следует составить сопоставительные таблицы интернациональных корней, суффиксов и префиксов. Это позволит определить основные совпадения и расхождения в звуковом облике, а также исключения из установленных соответствий.

Так, сопоставление по словообразовательным элементам покажет нам, что

интернац.	русск.	эст.	Исключение:
au-	ав-	au-	аудитория и др.
-tio(n)	-ция	-tsioon	portsjon и др.
th-реч.	ф-	t-	антитеза и др.
eu-	эв-	eu-	евгеника, Европа и др.
hypo-	гипо-	hüpo-	ипотека, ипохондрик и т. д.

2. Заимствованная лексика неинтернационального характера.

Сопоставительное описание заимствований неинтернационального характера, вероятно, наиболее целесообразно построить при одностороннем подходе — с позиций русского языка — по группам слов, проникших в его состав из того или иного конкретного языка, причем в пределах группы слова не-

обходимо расположить тематическими разрядами. Такая структура описания позволит осветить вопрос с нескольких точек зрения:

- 1) выявить общее и различное в освоении общего этимона;
- 2) проследить конкретный путь проникновения того или иного заимствования в оба сопоставляемые языка, с учетом того, что, несмотря на более дальний общий этимон, этот путь может оказаться различным;

- 3) выявить соотношение исконной и неисконной лексики в той или иной тематической сфере, которое в сопоставляемых языках вряд ли совпадает, ибо зависит от конкретных контактов между заимствующими языками и языками-источниками.

К примеру возьмем группу лексем, заимствованных в XV—XVII веках в русский язык из германских языков и диалектов в значении единиц измерения.

Русские слова в период появления	Эстонские	Современ- ная рус- ская форма	Сохранили терми- нол. значение в русском в эстонском	
--	-----------	-------------------------------------	--	--

Сосуды

Ам	Aam	—	—	—
Анкер	Ankur	Анкер	—	—
Канна	Kann	—	—	—
Кружка	Kruus	Кружка	—	—
Куфа	—	Куфа (диал.)	—	—
Стопа	Toop	Стопка	—	Toop
Шкаль	—	Шкалик	—	—

Связки

Бунт	Punt	Бунт	—	—
Кирбь	—	Кирбь (диал.)	—	—
Кипа	—	Кипа	—	—
Тюк	—	Тюк	—	—
Стюк < н.-н.	Tükk	Штука < польск.	Штука	—

Единицы веса

Ласт	Last	Ласт	Ласт	Last
Лот	Lood	Лот	Лот	Lood
Центнер	Tsentner	Центнер	Центнер	Tsentner

Такое сопоставление выявит реальные совпадения и расхождения. Кроме того, такую тематическую группу легко расширить, дополнив ее заимствованиями из других языков и исконными для обоих языков лексемами. Это нарисует картину соотношения своего и чужого по тематическим группам в обоих языках, что может представить интерес для исследователей словарного состава одного из сопоставляемых языков.

В результате сопоставления по этимологическим группам могут быть составлены таблицы по фонетическому освоению, на основании которых сложится сводная таблица. Так,

герм.		русск.		эст.
b-	б	балка	р	palk
		бунт		punt
kn-		кну́т		nuut
		кнопка		nõõp
-nz(e)		померанец		pomerants
		шанец		kants
		танец		tants
st-	{	stopка		toop
	{	стул		tool
st-	{	штемпель		tempel
	{	шторм		torm
fk-	{	шкипер		kipper
	{	шкаф		kapp
fp		шприц		prits и т. д.

Вдумчивое сопоставление покажет нам, что целый ряд слов в обоих языках, имеющих общий этимон, проник в сопоставляемые языки различными путями.

Вероятный этимон русского слова	Русское слово	Эстонское слово	Вероятный этимон эстонского слова
полск. fabryka	фабрика	— vabrik	н.-в.-н. Fabrik
польск. para	пара	— paar	нем. Paar
польск. rycarz	рыцарь	— rüütel	ср.-н.-н. rüter
польск. arfa	арфа	— harf	н.-в.-н. Harfe
польск. klasztor	кляштор	— klooster	ср.-н.-н. kloster
польск. kusnierz	кушнер	— kõõsner	ср.-н.-н. kürsenære
польск. sztuka	штука	— tükk	ср.-н.-н. stücke и т. д.

Из приведенных примеров вытекает со всей очевидностью, что посредствующее звено накладывает свой отпечаток на форметико-морфологический облик заимствования.

Как и в разделе интернационализмов, несомненный интерес представляет семантический объем сходных заимствований, а также их распространенность. Так, если эст. klooster обозначает любую обитель, то русск. 'кляштор' употребляется для именования католического монастыря в Польше и на современном этапе принадлежит уже к архаизмам; если эст. kõõsner принадлежит к категории общенародной лексики, то русск. 'кушнер' является диалектизмом юго-западных говоров, которому в общенародном языке соответствует наименование 'скорняк'.

3. Заимствования из одного языка бинарного сопоставления в другой.

Здесь необходимо разграничить два разряда: с одной стороны, заимствования из восточно-славянского и русского в эстонский, причем могут заимствоваться и исконные, и неисконные русские слова, а, с другой стороны, прибалтийско-финские и эстонские заимствования в русском. В первой группе нет особой нужды разграничивать исконные и неисконные слова, ибо как слова русского языка эти последние так или иначе бытуют

в русском языке в фонетической оболочке, приспособленной к русским фонетическим моделям.

Обе группы необходимо рассмотреть по тематическим рядам в плане фонетико-морфологического освоения и дальнейшего семантического развития в заимствующем языке, которое может привести к расхождению в смысловом объеме: в эстонском 'sai' — любой вид булочного изделия из пшеничной муки, в то время как восходящее к эстонскому заимствование 'сайка' именует лишь определенного вида изделие из пшеничной муки; в отличие от русского корневого слова 'торг' слово 'turg' в эстонском, заимствованное еще в доисторическую эпоху из языка восточных славян в значении 'место торговли', не смогло развить в себе значения *poten actionis*, в то же время выступая на современном этапе в значении 'сфера товарного обращения' (ср. *maailmaturg*), которое в русском закреплено за проникшим в его лексику через польское посредство германизмом 'рынок'.

Такого рода расхождения, безусловно, важно установить и учитывать при составлении переводных словарей.

Несомненный интерес представляют также русские заимствования, вошедшие в эстонский язык в советский период.

* * *

Вторая глава раздела лексикологии в упомянутой выше книге носит название «Семантические и этимологические отношения между эстонскими и русскими словами»; она рассматривает в сопоставительном плане омонимию и полисемию.

Параграф по омонимии, опираясь на немногочисленные примеры, перечисляет с т. зр. русского языка только часть типов омонимии и вслед за выделенным типом приводит аналогичный тип в эстонском. Такое сопоставление не имеет никакого практического значения: поскольку русский и эстонский языки по своему строю и историческому прошлому не очень далеки друг от друга, то априорно можно допустить, что многие типы русской омонимии представлены также и в эстонском. Поскольку параллелей в конкретных фактах омонимии быть не может, то в сопоставительном описании словарного состава русского и эстонского языков нет необходимости останавливаться на этой проблеме лексикологии.

Вопросы полисемии и развития значений также опираются на весьма узкий круг примеров. В подпункте о полисемии говорится о несовпадении объема слов, о несовпадении полисемии слов того и другого языков, о некоторых параллелях в развитии значения, о различиях в развитии значений. В таком общем плане об этом говорится во всех курсах по введению в языкознание, труд по бинарному сопоставлению должен дать нам

нечто большее. Однако это окажется возможным лишь в том случае, если будут осуществлены обширные сопоставительные исследования лексики русского и эстонского языков, опирающиеся на ономаσιологический принцип.

К такого типа исследованиям можно с успехом привлечь студентов, поручив им сбор и первичную обработку материалов по тем или иным лексико-тематическим и лексико-семантическим группам. В ТГУ такого рода работы уже осуществляются. Так, в одной из курсовых работ было подвергнуто сопоставительному анализу около 20 русских и эстонских глаголов из категории *verba dicendi*. Анализ показал, что эти русские глаголы распадаются на несколько подгрупп в зависимости от тех или иных смысловых компонентов, входящих в семантическую структуру глагола, наряду с его основным значением. Аналогичные дополнительные смысловые компоненты выявляются и в семантической структуре эстонских глаголов, хотя здесь нет полного параллелизма:

а) «говорить» без дополнительных смысловых оттенков:

говорить	—	<i>gääkima, kõnelema</i>
сказать	—	<i>ütleva</i>
молвить	}	— <i>lausuma</i>
произнести		
изрекать		

б) «говорить» при обязательном наличии собеседника:

разговаривать	—	<i>juttu ajama</i>
беседовать	—	<i>vestlema</i>
баять	—	<i>pajatama</i>
гуторить	—	<i>vestma</i>

в) «говорить» с определенной силой голоса и дикцией:

шептать	—	<i>sosistama</i>
бормотать	—	<i>pomisema</i>
лепетать	—	<i>lalisema</i>
лопотать	—	<i>purssima</i>
мямлить	—	<i>pudrutama</i>

г) «говорить» с точки зрения производимого речью звукового эффекта:

щебетать	—	<i>sädistama</i>
тараторить	—	<i>vadistama</i>
трещать	—	<i>plärisema</i>

д) «говорить» с выражением определенной эмоции:

брюзжать	—	<i>porisema</i>
ворчать	—	<i>torisema</i>
буркнуть	—	<i>ühmama</i>

и т. д.

Вполне возможно, что дальнейшее расширение номенклатуры глаголов говорения, привлечение данных из специальных исследований, посвященных *verba dicendi* в эстонском и русском

языках, а также анализ переводов приведет к некоторым перестановкам в приведенных выше группах и даже к перестройке самих групп. Тем не менее предложенный путь представляется наиболее плодотворным в сопоставительном изучении лексики двух неродственных языков.

На этом пути может быть накоплен материал, необходимый не только лексикографам для составления двуязычных переводных словарей и словарей синонимов, но и всем авторам учебников русского языка и методистам-преподавателям. Вместе с тем такого типа работы представляют и чисто научный интерес, особенно в том случае, если окажется возможным проведение факторного анализа при помощи электронных машин, т. е. обращение к так называемым семантическим множителям.

В другой из недавних студенческих работ был произведён сопоставительный анализ терминов родства и свойства в русском и эстонском языках. Анализ велся в трех лексико-тематических подгруппах: термины кровного родства по прямой линии, термины кровного родства по боковой линии, термины свойства. В результате проделанной работы выявилось, что в первой подгруппе русский язык различает четыре ступени прямого родства по восходящей линии, а эстонский язык — только три:

мать — отец	:	ema — isa
бабушка — дедушка	:	vanaema — vanaisa
прабабка — прадед	:	vaarema — vaarisa
прапрабабка — прапрадед	:	— —

По нисходящей линии русский язык также различает четыре ступени, а эстонский ограничивается чаще всего двумя ступенями. Кроме того, по нисходящей линии в терминах родства второй ступени русский язык не делает различия между потомками дочери и сына, а в эстонском языке такая возможность существует (внук — внучка: *tütrepoeq, poja poeq* — *tütretütar, pojatütar*).

Анализ терминов второй подгруппы показал аналогичную возможность различения в эстонском языке потомков сестры и брата, дяди и тети, причем в некоторых говорах различаются даже сами дядя и тетя по материнской и по отцовской линиям. Составленная по терминам этой подгруппы схема свидетельствует также о развитии терминов косвенно-бокового родства в русском языке (двоюродный дед, двоюродный дядя, двоюродная внучка, или внучатая племянница, и т. д.), которые в эстонском языке полностью отсутствуют.

Кроме того, русский язык выделяет в этой подгруппе две ступени по восходящей и нисходящей линиям, а эстонский язык ограничивается чаще всего лишь одной ступенью.

В подгруппе терминов свойства выявилось, что по восходя-

щей линии русский язык отличает родителей мужа от родителей жены, чего нет в эстонском языке.

Вместе с тем проделанная работа указала на общую для обоих языков тенденцию в этой терминологической группе — тенденцию к замене прежде всего терминов свойства описательными образованиями: вместо «деверь, шурин» — «брат мужа, брат жены» (соответственно вместо küdi, pääl — mehevend, naisevend) и т. д.

Охарактеризованной здесь работой данная тема исследования, конечно, не исчерпывается, однако она, несомненно, представляет интерес и для лексикографов, и для составителей учебников русского языка.

Кроме того, заслуживающим некоторого внимания представляется еще один момент: опыт (правда, еще небольшой) показывает, что студенты, избравшие такого рода темы, работают над ними с большим интересом.

ПИСЬМА И. А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ Л. К. МАЗИНГУ

С. Смирнов

Одной из основных задач советского языкознания является изучение и использование всего ценного, что дает лингвистическая наука прошлого. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что критическое усвоение и творческая переработка культуры, созданной всем развитием человечества, является составной частью процесса строительства новой, советской культуры. «Без ясного понимания того, — говорил Ленин на третьем съезде комсомола, — что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества».¹ Это в полной мере относится и к советскому языкознанию.

Однако изучение лингвистического наследия у нас еще не стоит на должном уровне. Многие крупные исследования не переиздавались уже по несколько десятков лет, и поэтому их можно найти только в больших библиотеках. Не написано еще почти ни одной научной биографии выдающихся лингвистов прошлого, слабо используется в научных работах огромный материал, хранящийся в архивах СССР и у частных лиц. Невольно позавидуешь нашим литературоведам, которые с трогательной бережливостью и вниманием относятся к каждой строчке из рукописного наследия писателей и критиков. По нашему мнению, назрела острая необходимость организовать издание многотомной «Лингвистической серии», куда вошли бы важнейшие труды по русскому и общему языкознанию. Положительную роль мог бы сыграть также выпуск «Лингвистического наслед-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 31, стр. 262.

ства» (по типу «Литературного наследства»), где можно было бы напечатать неопубликованные работы классиков отечественного языкознания. Дело здесь не только в том, чтобы проявить чуткость и внимательность к нашим предшественникам. История языкознания — это составная часть истории нашей науки и культуры. И, кроме того, внимательное изучение классического наследия окажет, несомненно, огромную помощь в разрешении многих проблем и спорных вопросов, которые стоят перед советским языкознанием.

И. А. Бодуэн де Куртенэ оставил нам не только замечательные исследования в области языкознания, но и значительное количество публицистических статей и выступлений.² Многие из них были написаны в годы первой русской революции. Эти статьи дают довольно полное представление об общественно-политических взглядах автора.

В. Дорошевский писал: «Жизненный труд Бодуэна де Куртенэ принадлежал двум народам: польскому и русскому. Его бывшие ученики, поляки и русские, одинаково, я думаю, питают к нему чувство благодарности как за то, чем они обязаны своему учителю в области языкознания, так и за оставленный им в памяти образ человека, страстно стремившегося к познанию истины, отличавшегося высоким благородством чувств, живой болью реагировавшего на каждое проявление того, что им ощущалось как несправедливость».³ Особенно большой несправедливостью Бодуэн считал шовинистическую политику царского правительства, которая неоднократно проявлялась и по отношению к нему самому. Из-за своего (польского) происхождения он не смог получить места в Варшавском университете, хотя работать в Польше было мечтой всей его жизни. По этой же причине ему не разрешили переехать в Киев. И Бодуэн всю жизнь боролся против угнетения национальных меньшинств, за равноправие народов. Например, в Тарту он сразу же выступил на защиту эстонцев и латышей. Позднее Бодуэн писал, что его «всегда возмущало презрительное отношение господствующего немецкого элемента к гораздо более многочисленному латышскому и эстонскому населению».⁴

В период первой русской революции Бодуэн выдвигает следующее требование: «Всякие проценты при приеме в учебные заведения иноверцев и «инородцев» должны быть отменены. Все эти ограничения не только нелепы, но вместе с тем позорны

² Наиболее полная библиография публицистических работ И. А. Бодуэна де Куртенэ приводится в книге: И. А. Бодуэн де Куртенэ. К 30-летию со дня смерти, М., 1960.

³ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Избранные труды по общему языкознанию, изд. АН СССР, М., 1963, стр. 30.

⁴ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Дерпт — Юрьев. (К вопросу о «равноправии»). Сб. «Эсты и латыши, их история и быт». М., 1916, стр. 261.

для России: ... Долой оценку человека не по его личным заслугам, а по происхождению!»⁵ В 1913 году он выпустил брошюру «Национальный и территориальный признак в автономии», за которую был посажен царским правительством в тюрьму. Только вмешательство Академии наук спасло его от довольно длительного заключения.⁶ В последние годы жизни Бодуэн неоднократно выступал и против антисемитской политики польского правительства.

Национальная ограниченность, по мнению Бодуэна, тормозит развитие народа, наносит «непоправимый вред и презираемым и, еще в гораздо большей степени, презирателям». В статье «Обрусение партии» он писал: «Впрочем, «истинно-русские люди» и другие «шайки», виноват, «партии», в том же роде могут прекрасно обходиться без «прогресса». Лапти, дубина, «междуперстие» вместо носовых платков, полная безграмотность и презрение к науке, догмат «закидывания шапками», да вдобавок, «исконные устои» — в таком обществе нечего делать «прогрессу».⁷

Будучи сторонником равноправия наций, Бодуэн де Куртенэ горячо выступал и за равноправие национальных языков. Кстати, это было одним из основных принципов Казанской лингвистической школы. С горечью писал он в том, что в Тарту эстонский и латышский языки не приняты для преподавания в университете. Только для того, чтобы готовить проповедников для местного населения, были введены в штат два лектора по эстонскому и латышскому языкам.

В декабре 1902 года Бодуэн в качестве делегата от Петербургского университета участвовал в праздновании сотой годовщины Тартуского университета. На этом празднике он произнес замечательную речь, посвященную главным образом защите идеи равноправия языков. «Как в голове одного человека, — говорил он, — точно так же в любой стране могло бы несколько языков ужиться рядом спокойно и дружно и относиться друг к другу с полной терпимостью».⁸

Интересны также антивоенные и антимилитаристские выступления Бодуэна во время русско-японской войны. «Сама-то война, как совокупность массы преступлений против прав человеческих, является вопиющей уголовщиной»,⁹ — писал он.

⁵ И. А. Бодуэн де Куртенэ, О процентных благодеяниях и милостях. «Биржевые ведомости», № 8797, от 29. IV. 1905 г.

⁶ Интересный материал об этом хранится в Архиве АН СССР, ф. 777, оп. 19, ед. хр. 140.

⁷ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Обрусение «партии». «Биржевые ведомости», от 28. VI. 1905 г.

⁸ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Дерпт — Юрьев (К вопросу о «равноправии»), стр. 270.

⁹ И. А. Бодуэн де Куртенэ, «Позорный мир» и маленькая справочка. «Биржевые ведомости», от 25. VI. 1905 г.

Положительная программа Бодуэна носила общедемократический характер: верность долгу, преданность общему делу, воодушевление высокими идеалами, признание равноправия национальностей, свободное развитие политической, общественной, научной и художественной мысли, уважение личной неприкосновенности и человеческого достоинства. Разумеется, здесь совершенно не ставится вопрос о низвержении каким-либо путем существующего строя, речь идет лишь о борьбе с крайностями самодержавия. Поэтому позднее он не понял сущности Октябрьской революции и остался в Польше, куда выезжал по личным делам.¹⁰

Мы предлагаем вниманию читателей письма И. А. Бодуэна де Куртенэ Л. Мазингу. Леонгард Карлович Мазинг родился в 1845 году на о. Саарема. После окончания Тартуского университета учился в Геттингене и затем Лейпциге, где слушал лекции Лескина, Куна, Курциуса и других видных языковедов. За диссертацию об ударе в сербохорватском языке Лейпцигский университет присудил ему в 1876 году степень доктора философии. После этого Мазинг работал преподавателем гимназии в Петербурге, а в 1879 году был избран доцентом кафедры русского языка и литературы в Тартуском университете, где позднее он получил звание магистра и затем доктора сравнительного языкознания. С 1902 года Мазинг работал профессором кафедры сравнительной грамматики славянских наречий. Умер Л. Мазинг в 1936 году.

С Бодуэном де Куртенэ вероятнее всего он познакомился в 1873—74 гг. в Лейпциге, где в это время Бодуэн также находился в научной командировке.

Письма Бодуэна представляют большой биографический интерес. В них читатель найдет много интересных фактов, характеризующих личность автора, его общественно-политические взгляды. Кроме того, нам кажется, что в письмах к Мазингу Бодуэн высказывался наиболее искренне и открыто. Поэтому они послужат хорошим дополнением к публицистическим статьям.

Письма Бодуэна де Куртенэ к Мазингу были найдены еще перед второй мировой войной проф. П. А. Аристэ в одном из букинистических магазинов г. Тарту и долгое время находились в его личном архиве. В настоящее время они хранятся в Литературном музее им. Ф. Р. Крейцвальда Академии наук Эстонской ССР.

¹⁰ См. об этом: ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9473, связка 319, л. 200.

Der Mangel an Zeit hinderte mich bis jetzt auf Ihren Brief von 2. Februar zu antworten. Dieselbe Ursache nötigt mich auch jetzt mich so kurz wie möglich zu fassen. Бородинский¹ hat selbst an Sie geschrieben. Ich lege seinen Brief bei. Er ist jetzt «профессорский стипендиат». Wenn er einmal ins Ausland geschickt werden soll, will ich ihm raten zuerst nach Dorpat zu gehen. Er wird wohl in Ihnen eine viel bessere Anregung zu seinen anthrophonischen (lautphysiologischen) Studien finden, als irgendwo anders im Auslande. Er hat eine besondere Gabe zu solchen Beobachtungen.

Mein anderer Schüler (jetzt schon Privatdozent), Kruszewski,² druckt jetzt in «Русский филологический вестник» eine sehr interessante Untersuchung «К вопросу о гуне». Es soll seine Magisterdissertation sein. Es ist eine Anwendung der Theorie von Brugmann³ und de Saussure auf die altkirchenslawische Sprache.

Nur ich selbst leiste jetzt so gut wie nichts. Die Ursachen davon sind vielfach. Vor allem meine Faule und unbeholfene Natur: ich bin nicht imstande mich zu konzentrieren und lang mit einem Gegenstande mich zu beschäftigen. Dann die unglücklichen Ereignisse meines Lebens, welche mich in eine apathische und schwermütige Stimmung versetzen. Endlich das Gefühl, dass ich in Kasan eigentlich nur für meine Herkunft (польское происхождение) zu leben gezwungen bin. Alles das wirkt auf mich sehr erdrückend und stört mich in meiner wissenschaftlichen Tätigkeit. Dazu kommt, dass ich fast meine ganze Zeit auf meine Vorlesungen verschwende, so dass für die anderen Arbeiten nur sehr wenig bleibt. — Nichtsdestoweniger bemühe ich mich auch in der Literatur zu wirken, obgleich es mir nur sehr wenig gelingt. — Was ich drucke, sollen Sie alles bekommen.

Wiskowatow⁴ teilte mir schon längst mit, dass Sie eben jetzt in Dorpat dozieren.

Wo haben Sie Ihr Magisterexamen gemacht? Sie bitten mich um den Rat, was für ein Thema für Ihre Magisterdissertation am passendsten wäre. Ich bin aber überzeugt, dass bei einem so fleissigen Treiben der lautphysiologischen Fragen auf dem Gebiete der slawischen Sprachen es Ihnen keine Schwierigkeit tun sollte, sich eine dankbare Aufgabe zu stellen. Wenn die Dissertation russisch geschrieben sein soll, könnten Sie dazu Ihre Doktorschrift über die serbischen Akzente umarbeiten. Es ist ein so interessanter Gegenstand, dass man darin immer Neues finden kann. (Kennen Sie Brandt's⁵ Dissertation «Начертание славянской акцентологии»?) Auch in der russischen Lautlehre hat man eine Menge von den sehr wichtigen und interessanten Fragen.

Ich zweifle, ob ich in der von Jagić' unternommenen Bearbeitung eines vergleichenden Wörterbuchs der slawischen Sprachen einen wirklich grossen Anteil zu nehmen imstande sein werde. Ich bin mit den anderen Arbeiten ganz überhäuft. Vor allem aber möchte ich meine dialektologischen Materialien herausgeben, wo ein wahrer Schatz interessantester Erscheinungen verborgen liegt. — Dass für das Russische kein Mitarbeiter sich findet, ist gar nicht zu wundern. In Russland findet sich unserer Zweig der Sprachwissenschaft in elendstem Zustande. Die russische wissenschaftliche Grammatik wird fast nirgends gelesen. Hier in Kasan tue ich es freiwillig, aber es ist eigentlich gar nicht meine Pflicht. Die anderen Herren schauen auf die Sprachwissenschaft von oben heran. — Grot⁶ kann sehr gut an dem Wörterbuche mitarbeiten, er muss aber eine Richtung bekommen.

«Удлинять» ist eine sehr gute Übersetzung des deutschen «verlängern», «längen».

Das Wort «ударенный» habe ich in Petersburg «ударённый» (ударённый) akzentuiert gehört, wie ich auch selbst früher aussprach (und war in Gegen-

satz zum «ударенный», geschlagen); Богородицкий aber spricht auch in der Bedeutung von «akzentuiert», «betont» (eigentlich «**ikt**iert», von Iktus) «ударенный» aus. Es ist also ganz gleichgültig, wie Sie es aussprechen werden, «ударённый» oder «удáренный». Nächstens sollen Sie meine «Подробная программа лекций в 1877—78 гг.» und dann einige Bruchstücke von meinen Vorlesungen bekommen.

Noch eins: hier in Kasan ist es mir schon ganz widerwärtig länger zu bleiben. Ich möchte mich erlösen und woandershin gehen. Wenn sich in Dorpat eine für mich passende Stelle öffnet, haben Sie mich in Aussicht. Dann könnten wir persönlich vieles uns zusammen interessierende besprechen. Wenn z. b. Wiskowatow Dorpat verlässt, könnte man nicht auf seine Stelle rechnen? Er hat mir doch etwas Ähnliches schon einmal vorgeschlagen. Ihnen sollte es doch kein Hindernis tun, da, wie ich höre, jetzt in Dorpat zwei Katheder für Slawistik errichtet werden sollen: d. h. zu der schon existierenden noch eine. Ausserdem würde ich trachten in Dorpat nur einige Jahre zu bleiben. Mein Hauptstreben ist entweder nach Warschau oder ins Ausland. Wenn ich nicht «польского происхождения» wäre, würde ich schon längst in Warschau dozieren. So aber muss man die Erbsünde mit der Verbannung nach Kasan bezahlen.

Entschuldigen Sie, dass ich so viel subjektives Element in mein Schreiben hineingemischt habe. Aber ich halte Sie, lieber Masing, für meinen aufrichtigen Freund, mit welchem ich auch über solche Sachen sprechen darf.

Bewahren Sie mir immer dieselbe Freundschaft, welcher ich mich früher erfreute, und bleiben Sie recht wohl.

Ihr ergebener

J. Baudouin de Courtenay

Ich wollte kurz sein, dafür aber war ich weitschweifig und plauderig.

Was macht jetzt Ihr Vetter, Herr Ferdinand Masing?

Kasan, 24. XII. 82
5. I. 83

Sehr geehrter Freund!

Ich war sehr stark beschäftigt, und das ist die Ursache, warum ich Ihnen erst jetzt auf Ihren vor 4 Tagen erhaltenen Brief antworte.

Vor allem meinen besten und herzlichsten Dank für die guten Worte, mit welchen Sie mich als Ihren jetzigen Kollegen begrüßen. Ich werde mich bemühen meines Beste zu tun, um das mir erwiesene Vertrauen der Dorpater Universität zu rechtfertigen.

Vom Dozieren in dem eintretenden Semester kann wohl keine Rede mehr sein. Ich muss ja vor allem noch bestätigt werden. Die Übersiedlung wird auch eine gewisse Zeit in Anspruch nehmen. Ausserdem ist diese Übersiedlung im Winter fast unmöglich, da meine Frau sich nicht gut fühlt und das Fahren mit Pferden von Kasan bis Nischnij auf der Entfernung von über 400 Wersten ihr einen erheblichen Schaden verursachen könnte. Ich spreche nicht darüber, dass diese Übersiedlung im Winter sehr kostspielig ausfallen würde. — Ich habe also entschieden bis an das Ende des Schuljahrs in Kasan zu bleiben und erst im Sommer nach Dorpat zu gehen. — Ich möchte Sie bitten über folgende Fragen mir Auskunft zu geben:

1) Wann muss man der Universität das Verzeichnis der Vorlesungen zu schicken, die man im Herbstsemester (vom August bis Dezember) zu halten beabsichtigt?

2) Zu wieviel Stunden wöchentlich ist in Dorpat ein Ordinarius verpflichtet?

3) Muss ich alles Russisch vortragen oder kann ich für einen Teil meiner Vorlesungen mich auch der deutschen Sprache bedienen? Ich möchte bei den allgemeineren Kursus zu der deutschen Sprache Zuflucht nehmen, um

dadurch mehr Zuhörer zu bekommen. So z. B. beabsichtige ich im Herbstsemester eine «Einleitung in die Sprachwissenschaft mit besonderer Berücksichtigung der slawischen Sprachen» zu lesen. Wenn ich das Deutsch tue, finde ich wahrscheinlich mehr Zuhörer, als im Falle des russischen Vortrages. — Russisch würde ich dabei irgendeine slawische Sprache, z. B. das Russische selbst, einer wissenschaftlichen Analyse unterwerfen.

4) Wieviel besonderen Kursus liest man gewöhnlich in Dorpat? Kann man sich eventuell mit einem einzigen theoretischen Kursus begnügen?

5) Kann man in Dorpat zwei Stunden desselben Gegenstandes in einem und demselben Tage lesen?

Da Sie beabsichtigen auf das ganze Jahr Dorpat zu verlassen, werden Sie wahrscheinlich im Herbstsemester keine Vorlesungen halten. Es ist für mich ein grosser Schaden, da ich von Ihnen sehr viel profitieren könnte. Überhaupt bin ich überzeugt, dass der wissenschaftliche Verkehr mit einem so kritischen und gründlichen Geiste, wie Sie, auf die Beseitigung der Einseitigkeiten meiner Richtung einen höchst wohlthuenden Einfluss haben wird.

Aus dem Obigen können Sie ersehen, dass ich Petersburg nicht bald besuchen werde. Vor Juli werde ich höchstwahrscheinlich dort nicht sein.

Hier in Kasan lasse ich genug grosse wissenschaftliche Nachkommenschaft. Kruszewski ist schon Dozent und schreibt jetzt seine Doktorarbeit, die ihm das Recht zur Professur geben wird. Богородицкий, Privatdozent, druckt schon seine Magisterschrift. Ausserdem ist Булич⁷ bei der Universität als Professurstipendiat gelassen (оставлен при университете). Es gibt noch einige anderen, die für die Sprachwissenschaft ein besonderes Interesse haben. Александров⁸ ist noch Student. Ich habe ihm Ihre ihn betreffenden Worte vorgelesen. Wie es mir scheint, wird er wohl seine Suffix- und Akzentstudien weiterhin fortsetzen. Es ist ein fleissiger und ordentlicher junger Mann.

«Ostlitanische Texte» hat mir Weber⁹ vor einigen Wochen zugeschenkt. Ich hatte bis jetzt keine Zeit, das Büchlein aufmerksam durchzulesen.

Ich ergreife diese Gelegenheit, um einen Gegenstand zu berühren, welcher uns beiden persönlich ziemlich fern liegt.

Sie haben gewiss von den studentischen Unruhen gehört, die hier zu Kasan stattgefunden haben. Diese Unruhen hatten viele Opfer zu Folge: 34 oder 35 Studenten wurden relegiert. Dass die Bechlüsse des hohen Rates und des Kurators gar zu grausam waren, unterliegt ja keinem Zweifel. Ausserdem handelte man dabei ohne Mass und Gerechtigkeit. Die Haupturheber (einige wenigstens) sind unberührt geblieben; dafür aber wurden die jungen Leute bestraft, die an der «сходка» gar nicht teilgenommen hatten, sich immer unbescholten hielten und nur so naiv waren, dass sie in der Untersuchungskommission ihre Misbilligung der wirklich unter jeden Kritik stehenden Universitätspolizei ausdrückten. Kurz und gut war die Strafe zu streng und zu leichtsinnig. — Dabei muss ich bemerken, dass in dieser ganzen Geschichte keine Spur von einer politischen oder sozialistischen Bewegung wahrzunehmen war; es waren rein disziplinare Vergehen. —

Die Relegierten wurden in zwei Kategorien geteilt: einige von ihnen sind «удалены на один или на два года», d. h. sie können während dieser Frist in keine Universität angenommen werden; die anderen wieder sind nur «уволены», d. h. sie sind zwar aus der Kasaner Universität auf das ganze Jahr beseitigt, dürfen aber in die anderen russischen Universitäten sogleich eintreten. Da dieses Recht in den rein russischen Universitäten keine Geltung haben kann (die Immatrikulierung findet ja in diesen Universitäten nur am Anfange des Schuljahrs, bis zum 1. Oktober, statt), so bleibt eigentlich nur die Dorpater Universität übrig. Es sind also einige von den «уволенные» nach Dorpat gereist, um sich dort immatrikulieren zu lassen (es fängt ja dort eben jetzt das Frühjahrssemester an). Wie ich aber erfahre, machen die Universitätsbehörden den genannten Herren Schwierigkeiten und weigern ihnen die Immatrikulierung. — Könnten Sie also nicht, lieber Masing, an irgend-

einen einflussreichen Professor (mit dem Sie mehr befreundet sind) so schnell wie möglich zu schreiben mit der Bitte, man möge die jungen Leute nicht noch einmal strafen und sie des ihnen gelassenen Rechtes berauben? Ich kann Sie versichern, dass diese Studenten für die Ruhe in der Dorpater Universität gar nicht gefährlich sind. So z. B. findet sich zwischen den in Dorpat jetzt verweilenden aus Kasan relegierten Studenten ein gewisser Hr. Gindes¹⁰ oder Hündes (russisch: Гиндес), der hier Medizin studierte und schon in seinem 9-en Semester stand (5-er Kursus). Wie mich die Professoren der Medizinischen Fakultät versichern, ist er ein sehr begabter und fleissiger Mann, der sehr viel studierte und sich immer unbescholten führte. An der «сходка» hatte er keinen Teil genommen. Sein ganzes Verbrechen besteht darin, dass er in der Untersuchungskommission erklärte, er billige nicht die Handlungsweise des Prorektors, Prof. Firsow¹¹ (Фирсов). Dass ein solcher junger Mann in Dorpat keine Skandale machen wird, ist mehr als gewiss. — Helfen Sie also, lieber Masing, wenn möglich, dem Herrn Gindes und den andern lernen wünschenden jungen Leuten, und Sie werden ohne Zweifel eine gute Tat vollbringen. Schreiben Sie nur nach Dorpat so schnell wie möglich, da es ja die höchste Zeit ist. — Ich hoffe, Sie werden mir das Mitteilen aller diesen Details nicht verdenken. Es handelt sich ja hier um das Wohl unserer Nächsten.

Ausser an Sie schreibe ich in derselben Angelegenheit auch an Висковатов (Wiskowatow) und Hörschelmann.¹² Mehr von den Dorpater Professoren kenne ich persönlich nicht.

Wenn Sie Ihren Herrn Vetter, Dr. Ferdinand Masing, sehen, sagen Sie ihm, ich werde ihm nächstens schreiben. Leider kann ich ihm keine bestimmte Antwort geben, da in den Sachen der Redaktion der «Ученые Записки Казанского университета» eine musterhafte Unordnung herrscht.

Mit besten Grüssen

Ihr ergebener

J. Baudouin de Courtenay.

Dorpat, 16/28 Januar 1884.

Lieber Masing!

Mit grössten Vergnügen will ich Ihnen in Ihrer Angelegenheit helfen. Ich finde es aber sehr unpraktisch, dass Sie sich nur bis zum 31. März die Urlaubsverlängerung ausbitten wollen. Wenn Sie in April nach Dorpat kommen, was können Sie da Gutes machen? Vorträge können Sie wohl nicht halten. An den Sitzungen nehmen Sie auch sonst nicht Teil. Sie können also viel praktischer und nützlicher auch die übrige Zeit, bis zum Anfange des nächsten Semesters, in Moskau u. in Petersburg verbringen, Ihre Dissertation zu Ende führen, dieselbe drucken, verteidigen, Magisterexamen halten (falls Sie denselben noch nicht gemacht haben) und so diese peinliche Last von Ihren Schultern abschaffen. Wenn es Ihnen lieb ist und wenn Sie auf meinen Vorschlag eingehen, bis zum August in Moskau und Petersburg zu bleiben, telegraphieren Sie mir sofort, und ich will in diesem Sinne in der Fakultäts- und Konseilsitzung sprechen. Glauben Sie mir, es wird so viel besser sein. Ich erwarte also von Ihnen ein Telegramm und später einen Brief und verbleibe

Ihr ergebener

J. Baudouin de Courtenay.

Dorpat, d. 14/26 Juni 1884.

Lieber Masing!

Da ich bei den hiesigen Studenten sehr schwache Kenntnisse im Kirchenslawischen bemerkte, so wollte ich Sie eben bitten im nächsten Semester das Kirchenslawische zu lesen. Ich bin Ihnen sehr dankbar, dass

Sie meine Bitte ganz überflüssig machen. — Ich vermisse Sie sehr oft; ich bin ja hier eigentlich ganz allein, und, wie die Russen sagen, «один в поле не воин». —

Jetzt studiert hier einer von meinen Kasaner Schülern, der Kandidat Aleksandrow, den die Kasaner Universität nach Dorpat abkommandiert hat. Er ist im Februar angekommen, jetzt nach Kasan abgereist, kommt aber im August wieder und bleibt hier im ganzen 1½, womöglich 2 Jahre.

Ich verwahre für Sie einige Broschüren von Bogorodickij, von Aleksandrow und von mir selbst.

Ich will zwar in 10—14 Tagen verreisen, aber direkt über Pleskau nach Warschau und Radom, ohne Petersburg zu besuchen. Wir werden uns also während der Ferien nicht sehen können. Es bleibt aber zum Anfange des Semesters nicht viel Zeit übrig.

Es freut mich sehr, dass Sie in Moskau mit Erfolg gearbeitet haben. Wenn ein so bescheidener Mann, wie Sie, mit sich zufrieden ist, dann muss der Erfolg wirklich sehr gross sein. — Gedenken Sie denn bald Ihre Magisterschrift zu verteidigen? Machen Sie das so bald wie möglich. Es wird ebenso Ihnen, wie auch Ihren Freunden nicht nur angenehm, sondern auch sehr nützlich sein. Ein Mann mit Ihrer Begabung und mit Ihren Kenntnissen und sich so lange in dieser peinlichen Promotionsperiode zu halten! —

Ihnen wünschend, dass Sie sich möglichst schnell von diesem Alpdrücken (кошмар) befreien, mit freundlichstem Grusse

Ihr
J. Baudouin

Krakau, d. (27. (III) 8. IV 94.

Lieber Freund!

Ich sollte Ihnen schon längst auf Ihren Brief vom 10/22 Februar antworten, war aber immer, wie gewöhnlich, zu träge und zu sinnlos beschäftigt. Für Ihren langen Brief danke ich Ihnen vom Herzen und bitte Sie, uns weiter auch nicht zu vergessen.

Wenn Sie uns die in Ihrem Briefe angedeuteten Einzelheiten über Ihre verstorbene Frau, und zwar über das Versagen ärztlicher Hilfe und das Handeln auf eigene Gefahr mitteilen wollten, so würde uns dieses, als ein Zeichen Ihrer Freundschaft und Ihres Vertrauens, besonders teuer sein.

Ich beneide Sie, daß Sie noch Zeit und Gelegenheit haben, sich mit den kaukasischen Sprachen zu beschäftigen. Ich kann es leider nicht mehr tun, da meine Zeit gewaltig schmilzt, gleich einem Schnee im warmen Zimmer. Ich lerne nur etwas Dänisch, und zwar von einem jungen dänischen Gelehrten, Herrn Stanislaus Rosznecki (sein Vater war ein Pole): er will hier schon seit einigen Monaten und gedenkt später auch nach Russland zu kommen. Leider habe ich auch dabei nicht Zeit, mich außer den Stunden mit dem Dänischen zu beschäftigen, und darum profitiere ich in sehr geringen Maße. Die dänischen Stunden habe ich viermal wöchentlich. Rosznecki ist ein sehr tüchtiger Sprachforscher, und ich kann mit ihm verschiedene sprachwissenschaftliche Fragen berühren. (Er spricht sehr gut Polnisch) Außer ihm ist hier auch ein anderer junger Sprachforscher, Dr. Jan Rozwadowski;¹³ er kommt von Zeit zu Zeit zu mir, und wir leisten einander eine gegenseitige Anregung. Diese Gesellschaft aber kann mir den Dorpater Verkehr bis jetzt nicht ersetzen; vor allem vermisse ich Sie, weiter Freund.

Es freut mich sehr, daß Sie schließlich gedenken, Ihre armenischen und grusinischen Materialien auch für die anderen zu bearbeiten. Der beste Platz für eine solche Arbeit würden doch die Publikationen der Petersburger Akademie sein. Schicken Sie es an Radloff,¹⁴ und er wird gewiß die Veröffentlichung bei der Akademie durchsetzen. Wenn dieses nicht gelingt, so existieren

doch einige Zeitschriften, die Ihre Arbeit gern aufnehmen würden. Sonst sind auch die Jurjewer Zapiski nicht zu verwerfen. Sie bekommen doch davon bis 300 Exemplare gratis, und haben die Bequemlichkeit, die Korrekturen an Ort und Stelle lesen zu können. Die nötigen Typen lassen Sie sich durch Guljajev¹⁵ bestellen. <...>

Über die Sprache der polnischen Armenier existiert eine spezielle Untersuchung von Jan Hanusz:¹⁶

Sur la langue des Arméniens polonais par J. Hanusz. (= O języku Armian polskich, napisał J. Hanusz) — Krakow (Cracovie). 1886, (S.-A. aus «Rozprawy Wydz. filolog. Akademii Umiejętnosci, t. XI).

Soviel ich weiß, finden Sie diese Abhandlung, sei es separat, sei es in den «Rozprawy», auch in Dorpat, entweder in der Universitätsbibliothek, oder in der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Wenigstens figuriert die Gelehrte Estnische Gesellschaft auf dem Verzeichnisse der Institutionen, mit welchem die hiesige Akademie ihre «philologischen» Ausgaben umtauscht. Wenn Sie es dort nicht finden, teilen Sie es mir mit, und ich will schon Ihnen das Büchlein besorgen.

Wie Sie wohl schon wissen werden, wurde ich am 15/27. Februar zum Vorsitzenden (przewodniczący) der bei der 3-en (dritten), mathematisch-naturwissenschaftlichen Klasse (Abteilung) der hiesigen Akademie bestehenden «Anthropologischen Kommission» einstimmig gewählt. Die «Kommission» beschäftigt sich mit der Sammlung der Materialien und Herausgabe von Abhandlungen und Sammlungen auf dem Gebiete der Anthropologie, der Archäologie und der Ethnologie (Folklore, Ethnographie). Übermorgen findet die erste Sitzung unter meinem Vorsitz statt. U. a. wollen wir einige neue Mitglieder wählen. Ich erlaube mir, auch Sie vorzuschlagen, und hoffe, daß Sie es mir nicht übel nehmen werden. Es ist zwar keine große Ehre, da diese «Kommission» noch nicht die eigentliche Akademie ist (nur der Vorsitzende muß ein wirklicher Akademiker sein); sie ist aber jedenfalls eine ganz anständige und ernsthafte wissenschaftliche Gesellschaft. (Sonst kann auch die Angehörigkeit zu einer Akademie nicht immer Zeichen wissenschaftlicher Verdienste sein). Bald wird auch eine Ihrer Arbeiten bei uns gedruckt werden, und zwar die weißrussisch-polnischen Melodien, welche Sie von meiner Kinderwärterin aufgezeichnet haben. — A propos: Würden Sie uns nicht erlauben, die von Ihnen niedergeschriebenen Melodien der serbischen Rhapsodien zu veröffentlichen? Ich besitze selbst etwas davon.

Gestern habe ich an Sie ein rekommandiertes Kreuzband abgesandt, enthaltend einiges für Sie selbst, für Lautenbach,¹⁷ für Juszkiewicz und für den Stud. med. Stefan Powalko (Teich-Str. 26) (für diesen Letzten Rostafiński's¹⁸ «Zielnik narodziejski»). Haben Sie es schon erhalten? Polizeiwidriges war darunter absolut nichts. (Für Lautenbach auch «Vermenschlichung der Sprache»).

Können Sie mir nicht die Adresse Ihres Vettters Woldemar Masing¹⁹ mitteilen? Lutosławski²⁰ möchte ihm etwas schicken. Und, wenn es sich so verhält, dann werden Sie vielleicht für möglich halten, die Adresse direkt an Lutosławski (mittels Postkarte) richten. Die Adresse dieses Letzteren ist:

Monsieur W. Lutosławski, Franklin Cottage, 55, Central Hill, Upper Norwood in London (England). S. E.

Was macht die nette Gesellschaft, Ihr «Gönner» v. Wiskowatow, ausgestorbener Slawe R. Muka²¹ und «немец с русскою душою» O. Waltz?²² — Haben Sie etwas von Gutmann gehört?

Meine Frau läßt Sie bestens grüßen. Die ganze «Kinderschaft» grüßt und küßt Sie. Die Kleinen sprechen oft von Ihnen.

Ihr ganz ergebener J. Baudouin.

P. S. Was macht Ihr Namensvetter Karl Masing? Grüßen Sie ihn bei Gelegenheit und sagen Sie ihm, daß ich sehr gern von ihm etwas hören würde.

Lieber Freund!

Es ist wohl eine unverzeihliche Unverschämtheit meinerseits, daß ich auf Ihren lieben Brief vom 5/17 August erst heute antworte. Ich bin aber einem von einer fremden Hand bewegten Mühlsteine ähnlich, und kann über meine Zeit nicht nach Belieben verfügen. Unter uns gesagt, ich könnte schon Zeit genug finden, bin aber von den abscheulichen Korrekturen und sonstigen derartigen nutzlosen Arbeiten so ermüdet, erschöpft und apathisch gestimmt, daß ich mich zu jeglicher vernünftigeren Beschäftigung (in der Art von Briefschreiben) zwingen muß. So geschah es auch diesmal. Wir haben sonst unterdessen einen kurzen Briefwechsel gehabt, wo ich Sie in einer lexikalischen Frage interpellierte.

Für die Zusage der serbischen Melodie von Vljajic' würden wir Ihnen sehr dankbar sein; sie würde in dem «Zbior wiadomowy do antropologii Krajowej» eine recht freundliche Aufnahme finden. Leider können Sie selbst diese Sammlung auf dem gewöhnlichen Wege nicht erhalten, und zwar deswegen, weil die dumme russische Zensur alle Ausgaben der anthropologischen Kommission der hiesigen Akademie für «verboten» erklärt hatte. Ich bin sehr neugierig, wie lang die niederträchtige Wirtschaft dieses Lumpenpacks dauern wird. —

Was die Anthropologische Kommission anbetrifft, so bin ich seit 17/29 November nicht mehr Vorsitzender derselben. Ich konnte mich mit den hiesigen charakterlosen Heuchlein und moralischen Schwächlingen nicht zurechtfinden und zog es vor, diese «Würde» niederzulegen. Sie kostete mir auch etwas Zeit, und sonst war sie für mich eigentlich unpassend: ich bin ja weder Anthropolog, noch Ethnograph. An meine Stelle ist Malinowski²³ gewählt worden.

Anderweitige Aufzeichnungen serbischer Volksmelodien kenne ich nicht; es wird Ihnen vielleicht Будилович²⁴ eine Auskunft darüber erteilen können, er ist, so viel ich weiß, in der slawistischen Bibliographie sehr bewandert. Ich würde Ihnen auch raten, ihn hinsichtlich einer ethnographischer Karte westslawischer Gebiete, wie auch in Betreff einer genaueren Abgrenzung der Weiß- und Kleinrussischen gegen das Großrussische zu befragen, obgleich in solchen Fragen ist der genannte Herr nichts weniger als unparteiisch. — Hier in Krakau sind wir in dieser Hinsicht sehr schlecht besorgt. Die Bibliotheken befinden sich in einem elenden Zustande; der Buchhandel ebenso. Außerdem bin ich selbst persönlich ein höchst ungenauer Bibliograph und Auskunfterteiler.

Ich beneide Sie, daß Sie nach Kaukasus gehen und dort ohne Zweifel etwas Solides für die Wissenschaft leisten werden.

In diesen Tagen habe ich ein Stückchen meiner etymologischen Beiträge für das polnische allgemeine Wörterbuch nach Warschau spedit. — Mit dem hiesigen altpolnischen Wörterbuche geht es bis jetzt sehr flau. Ich hatte bis jetzt keine Zeit, um ordentlich zu arbeiten. Malinowski ist auch nicht fleißig genug, und die anderen Mitarbeiter haben ebenfalls keine Eile. Es wird aber vielleicht vorwärts gehen.

Ich lese 1) «Anthropophonik und allgemeine Phonetik» mit etwa 12 eingeschriebenen (belegt habenden) und 7 faktischen Zuhörern, 2) «Rig Veda» mit 4 eingeschriebenen und 2 und selbst nur einem wirklichen Zuhörer. Die jungen Herren sind mit den Vorlesungen überbürdet (es herrscht hier ein Zwangssystem nach der Art und Weise der mittleren Lehranstalten) und haben keine Lust, auch zu Hause ordentlich zu arbeiten und sich z. B. zum Rig-Veda vorzubereiten.

Von Juszkiewicz hatte ich unlängst einen Brief. Er ist schon mit seinem Examen fertig. Wie ging es überhaupt? Mit Nachricht oder auch sonst genügend?

Am 5/17. November habe ich unter Ihrer Adresse (Dorpat, via Petersburg) «Piesni bialorusko-polskie» und noch etwas für Sie selbst, für Lautenbach und Juszkiewicz abgesandt. Haben Sie es erhalten? Antworten Sie mir, bitte, auf diese Frage sofort; denn im Falle des Nichterhaltens will ich bei der Post reklamieren.

Die besten Grüße und aufrichtigsten Glückwünsche von meiner Frau und von mir

Ihr ergebenst
J. Baudouin de Courtenay

P. S. Was macht Leo Meyer?²⁵

Haben Sie mein «Einiges über Palatalisierung und Entpalatalisierung» erhalten?

Petersburg, 17/30. X 1902.

Lieber Freund!

Nächsten Montag, d. 21. X/3. XI, feiern wir hier das Jubiläum (30-jährige gelehrte und akademische Tätigkeit) von Fortunatow: 1) durch Einreichen von «Сборник статей» um 2 (zwei) in seiner eigenen Wohnung; 2) durch ein Diner um 5 (fünf) in der Wohnung von Schachmatow (er wohnt jetzt in der Akademie). Könnten Sie nicht sich auch an dem Feier beteiligen, und zwar mit einem Telegramm, entweder von Ihnen selbst, oder, was wohl noch mehr zu wünschen, in Gesellschaft von Kudrjawschij,²⁶ Sabler und vielleicht noch jemand. Vielleicht verständigen Sie sich in der Sache mit Кудрявский und Sabler und erfreuen uns mit einem Telegramm? Den Fortunatow selbst würde dies sehr angenehm sein. —

Beste Grüße von uns allen

Ihr ergebenst
J. Baudouin de Courtenay

Adressen (: für Telegramm) 1) von Fortunatow:

СПб.,
Кабинетская, 20
Профессору Фортунатову

2) von Schachmatow:
СПб., Академия наук,
Академику Шахматову.

NB. Wenn Sie telegraphieren sehr früh (vor 9), dann telegraphieren Sie an Fortunatow; wenn später, dann wohl besser an Schachmatow. (Gewöhnliche Telegramme verspäten sich manchmal).

Petersburg, 1/14 Nov. 1902

Lieber Freund!

Antwort auf Ihren Brief vom 22. X/4. XI.

Von Fortunatow bekommen Sie wahrscheinlich eine Danksagung. Er arbeitet jetzt an dem Niederschreiben solcher Danksagungen allen, die ihn beglückwünschten. Ihr Telegramm gelangte hier zur rechten Zeit und wurde noch in F-s Wohnung zw. 2 u. 3 samt anderen Telegrammen durch Porzezinski²⁷ vorgelesen. Das ganze Feier hatte einen sehr angenehmen Verlauf, ohne jegliche Spur von «Offiziosität», obgleich auch beide Repräsentanten von «начальство», der Minister (Senger)²⁸ und sein Gehilfe (товарищ, Лукьянов) den Jubilatan mit ihrem Besuche «beehrt» hatten.

Es war auch Korsch²⁹ aus Moskau angekommen, und ich benutzte diese Gelegenheit, um durch ihn in Ihrer und Sabler's Angelegenheit auf den Minister zu wirken. Er speiste nämlich bei Senger gerade vor acht Tagen, am vorigen Freitag, und besprach mit ihm beides. Senger zeigte sich in beiden Angelegenheiten sehr zuvorkommend und an unserer Seite.

Was Sie betrifft, so äußerte er sich, man verfolge Sie überhaupt, aber Sie brauchen darauf gar keine Acht zu geben.

Meiner Meinung nach, sollen Sie alle Attentate seitens Ihrer Gegner entweder schnurstracks parieren, oder ganz einfach mit verächtlichen Schweigen an denselben vorübergehen. Auf keinen Fall weichen Sie und gehen Sie nie auf den Vorschlag ein, auch die eigentlich nicht existierende «slawische Geschichte» zu lesen. Es möge dieses Ihr Ясинский³⁰ tun, der ja auch in der slawischen Geschichte, als Spezialist, macht. «Slawische Geschichte» und «vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen» sind zwei unvereinbare Größen. Kein einziger Professor, welcher wirklich eine vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen vertritt, liest gleichzeitig auch die Geschichte der Slawen. Brandt hat nie daran gedacht, obgleich er Professor der slawischen Philologie im allgemeinen, und nicht wie Sie — der vergleichenden Grammatik — ist. Einen Ihrem analogen Lehrstuhl bekleidet in Warschau Ульянов³¹ (Uljanow); er heißt nämlich: сравнительная грамматика славянских языков, в связи с другими родственными языками.

Dem Uljanow wird doch nie einfallen, eine «slawische Geschichte» zu lesen. Bestehen Sie also darauf, daß Sie Professor der vergleichenden Grammatik, also der Sprachwissenschaftler sind, erklären Sie Ihre Bereitschaft, neben den einzelnen Teilen der vergleichenden Grammatik auch Übungen in dem Bekanntmachen mit den Denkmälern einzelner slawischen Sprachen zu führen, lesen Sie auch das Litauische u. ä., aber nie lassen Sie sich die slawische Geschichte aktivieren. Seien Sie nur fest und entschieden. Sie brauchen dabei weder zu demissionieren, noch um Rückversetzung in Ihre frühere Stellung nachzusuchen. Es mögen die Herren dieses von sich selbst machen. Aber seien Sie sicher, daß diese Bande sich nie erlaubt, so etwas vorzuschlagen, geschweige denn durchzuführen. Es darf niemand Sie zwingen, dasjenige zu leisten, was nicht durch den Zweck Ihres Katheders vorgesehen wurde. Nach der Einrichtung der Dorpater-Jurjewer Lehrstühle, ist Ihre Aufgabe rein sprachwissenschaftlich. Die slawische Literatur nebst Zubehör soll Петухов³² vertreten (wie in früheren Zeiten Ihr Gönner, Павл. Ал. Висковатов). An die «slawischen Geschichten» mögen Ihre Historiker denken.

Jedenfalls kommen Sie hierher und besprechen Sie die Sache mit dem Minister, um ein für allemal den Bösewichten den Mund zu sperren.

In Petersburg liest wohl Лавров die Geschichte der Slawen, aber er ist Literaturhistoriker, Paläograph und alles, was Sie wollen, nichts weniger aber als Sprachforscher. Darum denkt er nie an eine vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen, und selbst einzelne slawische Sprachen behandelt er nur praktisch, ohne wirklich linguistische Erklärungen anzuwenden. Die vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen vertrete hier tatsächlich ich, obgleich mein Titel heißt: проф. санскрита и сравн. грамм. индоевр. языков. Einen besonderen Lehrstuhl für vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen gibt es an keiner russischen Universität, ausgenommen eben Юрьев-Ливонский und, mutatis mutandis, Warschau. Ihr Lehrstuhl ergänzt sich mit demjenigen von Kudrjawskij: er sollte eigentlich einen Teil der ar.-europ. Sprachenwelt (nämlich Griechisch, Lateinisch, Germanisch, — wie Leo Meyer). Sie aber den andern (neben dem Slawischen vorwiegend das Aistische, Baltische) vertreten, — und weiter nichts, — keine Spur von irgendeiner Geschichte oder Literatur. — Es würde eine höchst leichtsinnige Anmassung sein, in zweien so heterogenen Fächern als Dozent wirken zu wollen.

Ich glaube, es sollten Vorlesungsverzeichnisse aller russischen Universitäten entweder in Ihrer Universitätskanzlei, oder in Ihrer Bibliothek zu finden sein. Erkundigen Sie sich nur. Ich gehe jetzt zur Angelegenheit Sabler's über.

Anfangs glaubte ich, es lasse sich dieselbe durch unsere Fakultät erneuern. Darum, nach der Rücksprache mit Prof. Braun, bat ich Korsch diese Angelegenheit dem Senger in dem Sinne vorzustellen, er möge die erneuerte

Befürwortung Fakultäts günstig aufnehmen. Es wurde auch getan, und Senger versprach, mit der Fakultätsvorstellung einverstanden zu sein. Es zeigte sich aber später, in der letzten Fakultätssitzung, daß eine neue Initiative seitens der Fakultät nicht statthaft sei. Der Dekan aber sprach darüber im Ministerium mit Debolskij (Вице-директор Департамента, Мин. Нар. Просв., ведающий университетскими делами), und er versprach seinerseits alles zugunsten Sabler's zu tun. Er fand aber angezeigt, daß ich früher mit dem Ministergehilfen, Лукьянов, spreche. Ich ging auch vorgestern ins Ministerium; da aber Herr Lukjanow sehr sprechlustig ist und jeden Interessanten 20—30 Minuten aufhält, so mußte ich nach ein einhalbstündigen Erwartung (von 1 bis 2 $\frac{1}{2}$) fortgehen, ohne etwas ausrichten zu können. Es ist aber dadurch kein Schade geschehen. Platonow (unser Dekan) wußte ja nicht, daß schon der Minister selbst durch Korsch gearbeitet wurde. Nachdem er dieses jetzt erfahren hatte, sagte er, es sei selbst besser, daß ich durch die Rücksprache mit Lukjanow die Sache nicht kompliziert habe.

Ich füge jetzt den Brief Platonow's und die «записка» bei, welche ich dem Lukjanow einreichen wollte. Es mögen dieselben dem Sabler als Fingerzeig bei dem Zusammenfassen seiner Bittschrift dienen. Eine ähnliche, etwas anders redigierte «записка» gab ich auch dem Korsch und sie diente ihm als Material bei seiner Rücksprache mit Senger.

Kurz und gut: es muß Sabler so schnell wie möglich eine persönlich an den Minister gerichtete Bittschrift zusammenfassen, darin in Kürze die Geschichte der Sache darlegen, sich auf die vorjährige Vorstellung unserer Fakultät, auf seine eigenen wissenschaftliche Leistungen, auf das Gutachten der Fachmänner an der hiesiger und an der Jurjewer Universität (Braun, Baudouin de Courtenay, Masing, Kudrjawschij) berufen, seine verzweifelte materielle Lage besonders betonen und schließlich darum bitten, was ich gegen das Ende meiner записка sage. Er muß nur eilen, um das Eisen zu schmieden, so lange es heiß ist. Periculum in mora.

Falls Sie dort in Dorpat irgendwelche Bedenken haben, dann möge Sabler nur den Konzept zusammenfassen und mir so schnell wie möglich zur Durchsicht zu schicken, wobei ich es mit umgehenden Post mit Bemerkungen und Berichtigungen zurücksende.

Jedenfalls soll Sabler mir auch das Datum mitteilen, unter welchem er seine Bittschrift an den Minister spedierte hatte, damit ich unsere Fakultät in Kenntnis darüber setzen könne.

Wenn Sie hierher in Ihrer eigenen Angelegenheit kommen, könnten Sie vielleicht die Bittschrift Sabler's mitnehmen; aber es ist wohl besser, daß er dieselbe direkt per Post zuschickt.

Der Minister und sein Gehilfe empfangen am Mittwoch von 1 bis 3.

Alle Dokumente Sabler's befinden sich gegenwärtig bei mir. Falls er sie braucht, kann ich ihm dieselben nachschicken.

Am 8 Juli war ich, wie es scheint, wirklich in Siwerskaja. Schade, daß wir uns nicht gesehen haben.

Dank unseren reichlichen Besoldungen muß ich wie ein каторжник arbeiten, um etwas zu verdienen; weil man sonst beinahe verhungern mußte; und trotz dieser höllischen Arbeit kommt nichts Tüchtiges hervor. —

Wir befinden uns alle so ziemlich gut. Meine Frau hat sich auf dem Lande erholt. Ich selbst war ein bißchen im Auslande.

Zu Ihrem Universitätsjubiläum werden von unserer Universität 4 Repräsentanten (je einer von jeder Fakultät) delegiert; als Repräsentant der historisch-philologischen Fakultät soll der Endesgefertigte figurieren. —

Im Ministerium am Mittwoch habe ich Ihren Чиш³³ (Tschish) gesehen; semper idem. Er hat mich aber nicht erkannt.

Beste Grüße von uns allen.

Ihr ergebenst

J. Baudouin.

P. S. Sabler soll in seiner Bittschrift erwähnen, daß

Историко-филологический факультет Санктпетербургского Университета хотя и в нынешнем году возобновляет свое ходатайство о командировании меня за границу, но, по формальным соображениям, это оказалось неудобным, и поэтому мне было сообщено, чтобы я сам от себя побеспокоил Ваше Высокопревосходительство покорнейшею просьбой, не отказать мне в осуществлении моей заветной мечты о возможности сосредоточиться на одном более обширном научном вопросе и воспользоваться вместе с тем предоставленным мне свободным временем для приобретения формальных прав.

Da unser Dozent Los'³⁴ nach Krakau berufen wurde, so habe ich die Fortsetzung seiner Vorlesungen über die polnische Sprache (eigentlich nur Übungen) — für eine besondere Renumeration — übernommen.

Petersburg, 6/19. V 1903

Lieber Freund!

Ich erinnere mich nicht genau des Wortlautes der ministeriellen Anfrage (und um denselben zu bekommen, müßte ich einige Gänge machen oder an den Sekretär der Fakultät schreiben), weiß aber ganz sicher, daß es sich nicht nur um die Mitteilung über den faktisch bestehenden Usus, sondern gerade um das Gutachten handelte, ob es möglich wäre, die Repräsentanten der slawischen Philologie mit der Geschichte der Slawen zu belasten. Von der Fakultät wurde mit der Abfassung einer motivierten Antwort beauftragt; außerdem hat mich, als den früheren Professor der vergleichenden Grammatik der slawischen Sprachen in Dorpat, der Dekan gebeten, speziell über die Jurjewsche Kontroverse zu schreiben. Ich habe es auch ausgeführt, und zwar in der mir eigenen Weise, so daß Ihre «Freunde», mit Ohre an der Spitze, nicht damit zufrieden sein werden. Unsere Gutachten sind im Original ans Ministerium abgegangen, mit einem kollektiven Fakultäts-Gutachten, daß das Vortragen der Geschichte der Slawen auf keinen Fall dem Professor der slawischen Philologie oktiviert werden darf. Ich glaube wohl, daß sich auch andere Universitäten in demselben Sinne äußern werden. — Was ich geschrieben habe, habe ich im Konzept bei mir aufbewahrt, und will es Ihnen vorlesen. Da ich aber wahrscheinlich gleich nach dem 20. verreisen werde, so würde ich Sie bitten, Ihre Ankunft nach Petersburg zu beschleunigen, damit Sie bei mir nicht später als am 20. oder 21. antreffen könnten. Benachrichtigen Sie mich nur im voraus, wann Sie zu mir kommen wollen. Ich habe Ihnen einige interessante Sachen zu zeigen. — Vielleicht bringen Sie auch mein Manuskript von Prof. Lewickij³⁵ (Г. В. Левицкий); jedenfalls erinnern Sie ihn daran.

Ist bei Ihnen Tischler Roose in seinen Kirchenangelegenheiten gewesen? Sie schreiben mir nichts darüber.

Ein Thema aus dem Litauischen paßt ganz gut zum projektierten «Славянский сборник». — Was Prof. Сумцов³⁶ betrifft, so, glaube ich, irren Sie sich, wenn Sie meinen, er wollte mit seinen Anspielungen gerade Sie treffen. Ist er bei der Jurjewer Universitätsfeier gewesen? Ich habe ihn damals nicht gesehen und erst jetzt beim Slawistentag kennengelernt. Ich glaube, es ist am besten, wenn Sie auf Angriffe Сумцов's mit Schweigen antworten. Oder schreiben Sie an ihn persönlich.

Mit besten Grüßen von uns allen. Ihr ergebenst

J. Baudouin.

Ein Referat über die Vorversammlungen des Slawistenkongresses bekommen Sie, nachdem dasselbe endgültig gedruckt sein wird. Von mir erhalten Sie auch etwas.

Petersburg, 8/21. XII 1903

Lieber Freund!

Besten Dank für Ihren Brief von 7. d. m. Leider brachte er keine gute Nachricht. Es muß sich also mein Bruder woanders wenden.

Wenn ich wüßte, daß Sie mir telegraphieren werden, würde ich mir nie erlauben, Sie mit meinen Postkarten zu belästigen, und würde geduldsam auf Ihre Antwort warten. Ich kann Telegramme überhaupt nicht leiden und nehme zu denselben nur im wirklichen Notfall Zuflucht. Erstens kosten Telegramme so viel und zweitens können sie doch nie alle Details zur Kenntnis bringen. Ihre Telegramme tun mir wirklich leid und liegen mit ihrer ganzen Wucht auf meinem Gewissen.

Mein Gutachten über Sabler's Bericht habe ich schon gestern an Sonin abgeschickt. Selbstverständlich spreche ich von ihm (von dem Berichte und seinem Verfasser) mit größter Anerkennung und füge die Bemerkung hinzu, man sollte Sabler Möglichkeit geben, seine Studien im Auslande auch im nächsten Jahre fortzusetzen. Ich halte den Umstand, daß man Sabler's Bericht mir zur Begutachtung zugesandt hat, für ein gutes Wahrzeichen. Möge es wirklich so sein!

Ob es auch in der Akademie gelingt, zweifle ich, obgleich ich keine sichere Nachrichten habe. Dort laborieren die Herren gewöhnlich am Geldnot, wenn es sich um wissenschaftliche Zwecke handelt. — So wird auch wahrscheinlich aus dem geplanten «Grundriss der slawischen Philologie» («Энциклопедия...») nichts werden, eben aus Geldmangel. So wenigstens berichtet mir Jagić. Was meine Wenigkeit betrifft, so kann ich in den gegenwärtigen Bedingungen keine Zeile für diesen Grundriss schreiben. Es ist ja eine kondensierte wissenschaftliche Arbeit. Um aber eine solche ausführen zu können, muß man freien Kopf und keine Sorgen haben. Ich dagegen, als intelligenter Proletarier, muß fortwährend an kommenden Tag und an Verdienst denken, um mit meiner Familie existieren zu können. So fabriziere ich auch Pfuscherarbeiten, die aber bezahlt werden. Leider habe ich selbst für solche Arbeiten zu wenig Zeit, da ich — dummer Esel — mit Korrekturen überbürdet bin. — An eine echt wissenschaftliche Tätigkeit ist es mir nicht erlaubt ernsthaft zu denken.

Im «Archiv für slawische Philologie» erscheint nächstens mein «Kurzes Resümee der Kaschubischen Frage». —

Ihr ergebenster J. Baudouin.

Ihr erstes Telegramm erhielt ich erst nachdem ich meine zweite Postkarte abgeschickt hatte.

Petersburg, 8/21. II 1904

Geehrter Freund!

Ihren Brief vom 6 d. M. habe ich gestern abends erhalten, also schon nach dem Besuche Endzelins, welchem ich einiges für Sie mitgegeben habe. Ich konnte ihm die Antwort auf Ihre Anfrage nicht mitteilen.

In der Angelegenheit Sabler's habe ich mich beiderseits erkundigt. Die Akademie hat abschlägig geantwortet. — Was das Ministerium betrifft, so habe ich mich direkt brieflich an Sonin gewendet und folgende Antwort erhalten:

«29 января 1904 г.

«По распоряжению Председателя Уч. Ком., Акад. Н. Я. Сонина, Канцелярия Комитета имеет честь сообщить В-у Пр-у, что Ученый Комитет в заседании 8 декабря с. г., заслушав отзыв Ваш об отчете Г. Г. Саблера, вполне присоединился к высказанному Вами заключению по вопросу о правильности и успешности научных занятий г. Саблера за отчетное время, а также

об удовлетворительности его отчета об этих занятиях. Что касается ходатайства о возобновлении стипендии г. Саблеру на 1904 г., то Уч. Ком. с своей стороны признал его вполне заслуживающим уважения.

«Выписка из журнала Уч. Ком. по сему предмету 8 дек. с. г. за № 3156, представлена была на утверждение Г. Министра Нар. Просв. и 12 числа того же месяца передана в Департамент Нар. Просв. для дальнейшего исполнения».

Es scheint also alles in Ordnung zu sein. Es schleppt sich nur die Sache, gemäß dem Sprichworte: «Тише едешь, дальше будешь». Den Sabler selbst habe ich schon darüber in Kenntnis gesetzt. Er sollte eigentlich Ministerium daran erinnern, mit dem Hinweise, wohin man ihm das Geld schicken soll.

Was den Krieg betrifft, so ist zwar das (?die) православие eine Macht (besonders wenn es sich um die Bekehrung der «иноподцы» handelt), reicht aber bei weitem nicht aus, um alles übrige zu ersetzen. Jedenfalls wird dieser Krieg etwas schwieriger sein, als andere so glänzend geführte: gegen Chinesen in Blagowestschenski, gegen die Armenier, gegen die Juden (Kischinew, Homel etc. etc.), gegen die Balten, gegen die Finnländer, gegen die Polen, gegen die Kleinrussen, gegen die Litauer etc. etc. und schließlich (preußischerseits) gegen die Polen in Wreschen und Posen, — alles dieses sind Heldentaten der ausgewählten «weißen Rasse». Die jetzige Heuchelei und Unverschämtheit empört mich bis ins Tiefste. Diese «самодержавные» und alles vernichtende Barbaren unterstehen sich gegen die Japanesen zu raisonnieren!

Ob der slawistische Kongress vereitelt werden wird, bleibt bis jetzt unbekannt. Die vorbereitende Kommission (zu welcher auch ich angehöre) arbeitet immer weiter.

Mit besten Grüßen von uns allen

Ihr J. Baudouin.

Petersburg, 4/17. VI 1904.

Могилевская, 23, кв. 10

Lieber Freund!

Ich danke für Ihren Brief von 31. Mai/13. VI. Schade, daß wir uns jetzt nicht sehen werden. In 10—12 Tagen werde ich wohl imstande sein, Petersburg zu verlassen, nachdem ich meiner verfluchten Arbeiten los sein werde. Ich arbeite zwar furchtbar viel, aber dumm und unsinnig (бестолково). —

Soll ich die für Sie bestimmten Kleinigkeiten (meine neuen «Opera») direkt nach Dorpat schicken, oder lieber hier bei Ihrer Frä. Schwester lassen?

Ich beneide Sie, daß Sie sich mit dem wirklichen Sprachstudium beschäftigen können. Den Gagenzuschuss haben wir auch erhalten, erstens am 10.—15. Mai für 4 Monate, und dann am 20. für den 5-ten. In März habe ich dem Rektor eine Erklärung eingereicht, daß, so lange wir dieses gesetzlich bestimmten Zuschusses beraubt sind, ich die Kriegssteuer (военный налог, 2%) nicht zahlen will und bitte dieselbe als «недоимка» zu betrachten.

In der Frage des litauischen Alphabets habe ich für «Kraj» einen langen Artikel geschrieben (auf Wunsch der Redaktion); weiß aber nicht, ob er in den Augen der Zensur Gnade finden wird.

Und jetzt wende ich mich an Sie in einer streng vertraulichen Angelegenheit. Es soll unter uns bleiben. Nämlich: die verdiente polnische Schriftstellerin Orzeszko³⁷ soll zu dem Nobelschen Preise vorgestellt werden. Würden Sie nicht bereit sein, die Vorstellung auch mit zu unterschreiben? Die Unterschriften sollen den Professoren der philologischen Fakultäten, den Mitgliedern der Akademien u. ä. gehören. Frau Orzeszko verdient wirklich eine Auszeichnung und zwar für Ihre edle, humane, allgemeinmenschliche

Tendenzen. Ich ersuche Sie, auf diese Frage mir baldmöglichst antworten zu wollen.

Meine Familie ist am 29. V/11. VI nach Gouvernement Wolhynien abgereist.

Mit besten Grüßen

Ihr ergebener
J. Baudouin.

Petersburg, 11/24. VI 1904.

Lieber Masing!

Gleichzeitig sende ich Ihnen die früher genannte Vorstellung (samt einigen meinen und I. Kraber's Kleinigkeiten für Sie)... Ich bitte Sie dieselbe baldmöglichst unterschreiben und weiter befördern zu wollen. Ihre Unterschrift soll lauten: «Leonhard Masing, Professeur de Philologie slave à l'Université Iouriev (Dorpat)». Schicken Sie aber die Vorstellung (wenn möglich sofort nach der Zeremonie des Unterschreibens) an Brückner.³⁶ Seine Adresse ist:

Herrn Dr. Alexander Brückner,

Universitätsprofessor in Berlin SW.
Lankwitzstr. 1.

Zur Sendung können Sie dieselbe Einpackung benutzen, in welcher ich an Sie die Vorstellung spediere. Ich bekam diese Einpackung aus Warschau zugeschickt. Kleben Sie nur eine neue Adresse darauf. Samt der Sendung schreiben Sie (Deutsch) ein paar Worte an Brückner und ersuchen Sie ihn, er möge diese von ihm unterschriebene Vorstellung baldmöglichst an Prof. Zdziechowski³⁹ in Krakau (Krakow. Ul. Garbarska, 7. Prof. Uniw. Dr. Marjan Zdziechowski) weiterschicken. Schließlich gelangt das Ganze an Mikkola,⁴⁰ welcher schon die Weiterbeförderung nach Stockholm besorgt.

Entschuldigen Sie, bitte, diese Belästigung, aber wir handeln pro publico bono.

Dank meiner Erklärung im Konseil (совет), wurde die Doktor-Angelegenheit Породин's in die Fakultät zurückgeschickt. Trotzdem werde ich selbst in der Fakultät darauf bestehen, daß man den gelehrten Grad Породин's bestätige. Ich wollte nur meinen Standpunkt betonen.

Mit besten Grüßen

Ihr J. Baudouin.

P. S. Ich sende Ihnen daher die Kopie meiner Erklärung in Konseil.

An Brückner schreibe ich auch meinerseits, obgleich ihm mein Brief, nach dem «Kurzen Resümee der Kaschubischen Frage», wohl nicht sehr angenehm sein wird.

Petersburg, 16/29. VI 1904.

Lieber Freund!

Die von Ihnen genannten Fehler habe ich auch meistens bemerkt, hielte sie aber für ein malum necessarium. Augenscheinlich hat man die Vorstellung einem des Französischen unkundigen und überhaupt liederlichen Schreiber zur Abschrift gegeben und sich nicht bemüht, die von ihm begangenen Schmitzen auszumerzen. Die gewohnte polnisch-russische Wirtschaft, «коскачество»! (ср. «война макаков с коскаками»). Selbstverständlich kann man nur Ihnen höchst dankbar sein, wenn Sie sich die Mühe geben, dieses Elaborat mit einer anderen Person in eine anständigere Form zu bringen. Nur muß man sich eilen, damit die Vorstellung noch

vor dem 2/15 Juli in Leipzig eintrifft, da Mikkola sich nur bis zu dieser Zeit in Leipzig aufhält, und sie (die Vorstellung) soll noch eine Tour oder Rundreise machen (Dorpat—Berlin—Brückner—Krakow—Zdziechowski—Leipzig—Mikkola).

Wenn ce/s/seront und ouv/rages sich nicht leicht anders teilen lassen, dann kann man sie schon dulden; es ist ja auch solche Teilung «im Notfall» möglich.

Und jetzt eine andere vertrauliche Frage. Prof. Szepielewicz (Лев Юлианович Лазаревич-Шепелевич) aus Charkow wurde von Ihren Kollegen Grunskij (Грунский) angefragt, ob er nicht bereit wäre, sich nach Dorpat-Jurjew zu übersiedeln. Szepielewicz möchte es wirklich sehr gern, da in Charkow das Leben sehr unangenehm geworden ist (der Kurator ist ein Taugenichts, und außerdem treibt man dort Spionage und «Patriotismus»). Er (Szepielewicz) ist ein höchst anständiger und nobler Mann, und Sie würden in ihm einen angenehmen Kollegen gewinnen. Ich empfehle also seine Sache Ihnen Wohlwollen, falls dieselbe in die Fakultät kommt. Ich bitte Sie in diesem Sinne auch andere Kollegen zu bearbeiten, insofern Sie mit ihnen in guten Beziehungen stehen (z. B. Кудрявцев). Selbstverständlich sind Jasinskij's (wohl schon in Kiew), Ardašew's,⁴¹ Pětuchow's, Malberg's⁴² zu vermeiden. Wenn die Herren es erfahren, daß ich für Szepelewicz bin, dann können sie gerade dagegen sein... Meine Stellung in der Sache Pogodin's mußte doch bei seinen Freunden böses Blut machen. Szepielewicz ist Pole aus Gouvernement Witebsk.

Ihr ergebenster J. Baudouin de Courtenay.

Meine Adresse: 1) bis zum 20. VI/3. VII:

Варшава (Warszawa)

u. Wspolna, N 73, nr. 5.

(Ws St. Kruszewskiego).

2) später: г. Краков (Австрия)

poste restante. Krakow (Cracovie).

Freitag oder Sonnabend reise ich fort.

Petersburg, 16/19. III 1905

Lieber Freund!

Ich schreibe Ihnen im Vertrauen. Gestern erhalte ich einen Brief vom Dr. K. A. Hermann.⁴³ Vor allem teilt er mir die Nachricht von dem Tode Andersons⁴⁴ mit und drückt den Wunsch aus, sein Nachfolger in Kasan zu werden, wobei er mich um Empfehlung bittet. Er schreibt, er sei bei Dr. O. Kallas⁴⁵ gewesen und ihn gefragt, ob er nicht beabsichtigt, sich um diesen Lehrstuhl zu bewerben. Dr. Kallas habe diese Frage verneinend beantwortet. Ebenso sei Kallas der Meinung, Dr. Hurt⁴⁶ würde sich, infolge seines hohen Alters (66 Jahre) nicht eignen, resp. nicht wollen. Und so bleibe als einziger Kandidat eben Herr Hermann selbst.

Wie Sie gewiss erraten, bin ich, nach alledem, was ich erfahren habe, für den Dr. Hermann nicht besonders eingenommen. Möchte Sie aber vor allem bitten, mit dem Dr. Kallas (den Sie wohl kennen) Rücksprache zu nehmen und ihn veranlassen, sich ganz aufrichtig zu äussern, ob er nicht schliesslich geneigt wäre, sich um den Kasaner Lehrstuhl der finnischen Sprachen zu bewerben: ich habe gerade von ihm, als dem passendsten Kandidaten, mit Aleksandrow gesprochen.

Selbstverständlich kann das Leben in Kasan für Kallas und seine Frau keinen besonderen Reiz haben; aber er würde doch materiell besser situiert sein: 2000 Rubel von der Universität und außerdem könnte er in den mittleren Schulen einige Stunden bekommen. Jedenfalls erwarte ich von Ihnen eine baldige Auskunft in dieser Angelegenheit.

Besitzen Sie in Dorpat «Биржевые Ведомости»? In der № 8720 (von

gestern, 15/28 März) findet sich mein Feuilleton (u. a. über Dorpat), welcher Sie vielleicht interessieren würde. Ich habe Pech mit «Сын Отечества». In der konfiszierten Nr. 13 wurde auch mein Artikel «Пора лгать и лицемерить» (gegen den Krieg) mitkonfisziert und selbst eine der Hauptursachen der Konfiskation gewesen.

Mit besten Grüßen von uns allen

Ihr ergebenster

J. Baudouin de Courtenay.

P. Š. In der heutigen № des «Сын Отечества» finde ich das auch von Ihnen unterschriebene «Письмо в редакцию».

Petersburg, 10/23. IV 1905.

Могилевская, 23, кв. 10

Lieber Freund!

Schade, daß Sie jetzt nicht hierher kommen können. Wir könnten dann die Angelegenheit des finnischen Lehrstuhls ausführlich besprechen und auch vieles andere in «reife Erwägung» ziehen.

Mit den Kerls im Ministerium will ich absolut nichts zu tun haben. Darum ist es mir auch unmöglich die erwähnte Angelegenheit dort zu sondieren. Ich glaube auch, daß es zu nichts führen würde. Es ist ja eine kopflose und ganz gemeine Gesellschaft. Wir müssen andere Zeiten abwarten und erst dann die Sache anpacken. Jetzt sind unsere «Vorgesetzten» lahmgelegt und zu keinem Schritte fähig. — Trotzdem würde ich Ihnen raten, samt Kudrjawschij entsprechende Schritte in Ihrer Fakultät anzufangen. Sie können das Ministerium um Überführung des Lehrstuhls aus Kasan nach Dorpat bitten. — Die «Sondierung» im Ministerium würde noch aus folgenden Gründen nutzlos sein: 1) diese Herren haben überhaupt gar keine Meinung, höchstens dasjenige, was die Russen «семь пятниц в неделе» nennen; 2) sie (Minister, Unter-Minister, Direktoren etc.) sind in allen wissenschaftlichen Fragen reine Unschuld; 3) es wechselt ja das Personal vom Tag zum Tag: was der Eine beschliesst, kann sein Nachfolger ändern. — Dessenungeachtet könnte ein energischer Schritt seitens der Fakultät mit der Zeit seine Folgen haben. Also mutigen Herzens vorwärts!

Hat Ihnen Džakonow⁴⁷ meine neuesten Artikel (in «Биржевые Ведомости» und in «Сын Отечества») gezeigt? Ich habe ihn darum gebeten.

Gestern habe ich in der Bibliothek der Akademie die Bekanntschaft Ihres Kvačala⁴⁸ gemacht.

Was ist mit Sabler? Er hat mir die Kopie seines Wiener(!) Doktordiploms geschickt. Die Sache ist also in Mahrburg mißlungen. Es war ja eine doppelte Ausgabe.

Ich bitte, sagen Sie Lautenbach, daß ich seine Replik gegen Pogodin gleich nach Empfang derselben dem Redakteur des «ЖМНП», E. Radloff, übergeben hatte. Hat er die Korrektur bis jetzt noch nicht erhalten? Falls er etwas zu verlangen oder zu ändern hat, soll er sich direkt an Radloff (Эрих Львович Радлов, Загородный просп. 24) wenden.

Beste Grüße von uns allen

Ihr ergebener

J. Baudouin de Courtenay.

Wie gefällt Ihnen Ikonenheld, Kuropatkin? Sein erstes Telegramm nach der Mukdenschen Affäre war:

«Покорнейше прошу оставить за мной прежний оклад содержания». Das ist ja eine Halunkenbande!

Petersburg, 27. V/9. VI 1908
B. O. 10 л., № 23 кв. 5

Lieber Freund!

Diesen Brief bekommen Sie von meiner Frau.

Bevor ich Ihre Postkarte bekam, habe ich mich schon nach Розанов erkundigt. Leider haben Sie mir weder seine Adresse, noch seinen Namen mitgeteilt, und da gibt es zwei Rosanow's (Семен Александрович und Сергей Павлович), beide an der Wissenschaft und Unterricht beteiligt. Und beide B. O., 11 линия wohnhaft. Einer, Сем. Ал., № 44, war nicht zu Hause, aber in Petersburg; es wurde mir aber mitgeteilt, es sei nicht in Dorpat gewesen; selbstverständlich ist es nicht der Betreffende. Über den anderen, № 58, Сергей Павлович hat mir der Hausmeister (дворник) gesagt, er sei nach Wesenberg gereist. Wahrscheinlich ist er der Gesuchte. Da Sie aber von ihm schon eine direkte Nachricht besitzen, so war mein Suchen ganz überflüssig.

Wir sind sehr froh, daß wir Sobolewskij's⁴⁹ los werden. Es war ein «истинно-русский профессор» und man konnte immer von ihm einen Skandal erwarten. Schachmatow will mir ein zweistündiges Kollegium halten.

Im nächsten Semester lese ich 14 Stunden!! 6 an der Universität, 6 in den höheren Weiberkursen (высшие женские курсы) und 2 in der pädagogischen Akademie. Es ist wohl etwas zu viel. Na, aber was ist zu tun? Man muß sein Geld verdienen, um existieren zu können.

Ich bleibe den ganzen Sommer in Petersburg; nur Ende Juli (Anfang August u. St.) reise ich nach Kopenhagen, um mich an dem Orientalistenkongresse zu beteiligen.

Mit den slawischen Gästen habe ich nichts zu tun gehabt. Ich habe in dieser Frage ein votum separatum. Bald erscheint eine Broschüre von mir, die diese Angelegenheit behandelt.

Dasjenige, was Sie über Sabler schreiben, hat mich sehr geärgert. Mir scheint, er übertreibt Prüfungsschwierigkeiten in den klassischen Sprachen.

Mit der «Enzyklopädie der Slawistik» steht es überhaupt faul. Ich z. b. habe absolut keine Zeit, um ordentlich zu arbeiten. Die Arbeit Budde's⁵⁰ (Будде) haben Sie wohl erhalten?

Eine Geschichte der tschechischen und eine der slowenischen Sprache, wie Sie es wünschen, ist mir nicht bekannt. Vielleicht finden Sie Angaben im «Archiw für slawische Philologie».

Der tschechische Vertreter der slawischen Delegation heißt Крамář (ř — r).

Bald fangen hier «временные курсы для народных учителей» (5 Juni — 5 Juni) an. Ich soll dort auch 12-stündigen Kursus der Sprachwissenschaft vortragen.

Das Übrige erfahren Sie von meiner Frau.

Ihr ergebener

J. Baudouin de Courtenay.

27. Oktober 1908
Petersburg. 10 Linie, 23

Hochgeehrter Herr Professor.

Die traurige Nachricht, die ich so unerwartet von Ihnen bekommen habe, hat mich peinlich überrascht.

Obwohl ich sehr wenig die arme Henriette gekannt habe, wusste ich doch und fühlte, was für eine treue Seele sie war und wie gut und gewissenhaft sie zu wirtschaften verstand.

Arme Kinder! Und doch erlaube ich mir zu sagen, dass das Schicksal wohl sehr barmherzig ist, weil die beiden reizenden Kleinen unter Ihrer Schutze, hoffentlich, bleiben werden.

Wir denken aber auch an den unangenehmen Vater, und haben etwas Angst, ob er nicht in diesem Falle seine Rechte zeigen will?

Wer wirtschaftet jetzt bei Ihnen, hochgeehrter Herr Professor?

Wir werden sehr dankbar Ihnen sein, wenn Sie uns über alles dieses schreiben wollen.

Mit herzlichen Grüßen Ihr ergebene

R. Baudouin de Courtenay.

Petersburg, 11/24. I 1914

«Kresty»

Lieber Kollege!

Ich schreibe Ihnen im Gefängnis «Kresty», wo ich mich seit d. 9/22 November ganz wohl, ruhig und gemächlich befinde. Freitag, d. 16/29 Januar, bin ich schon auf den freien Füße, aber würde sehr gern hier länger bleiben. Ich komme zum Schluß, daß die russische «Tjurma» viel besser, als die russische «Swoboda» ist.

Ich empfehle Ihrer und des Kollegen Kudrjawschij Aufmerksamkeit den Herrn Nikolaus Otsup (Николай Авдеевич Отцун), einen Studenten der Philosophie, welchen das Ministerium erlaubt hat, an Ihrer Universität Examen zu halten.

Entschuldigen Sie, daß ich so schlecht schreibe, — mit einer Gefängnisfeder und einer Gefängnistinte. Ich habe auch kein Konvert.

Mit besten Grüßen und Glückwünsche

Ihr ergebenster

J. Baudouin de Courtenay.

Примечания

¹ Богородицкий, Василий Алексеевич (1857—1941) — русский языковед, профессор Казанского университета, один из виднейших представителей казанской лингвистической школы.

² Крушевский, Николай Вячеславович (1851—1887) — представитель казанской лингвистической школы. Его работа «К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма» опубликована в «Русском филологическом вестнике», 1881, т. V, а также вышла отдельным изданием, Варшава, 1881.

³ Бругман, Карл (1848—1919) — немецкий лингвист, один из зачинателей и виднейших представителей младограмматической школы, профессор Лейпцигского университета.

⁴ Висковатов, Павел Александрович (1842—1905) — русский историк литературы. В 1874—1895 гг. был профессором кафедры русского языка и литературы в Тартуском университете.

⁵ Брандт, Роман Федорович (1853—1920) — русский славист, профессор Московского университета. Много занимался вопросами акцентологии. В результате этого в 1880 г. он выпустил книгу «Начертание славянской акцентологии».

⁶ Грот, Яков Карлович (1812—1893) — русский филолог, вице-президент Петербургской академии наук.

⁷ Булич, Сергей Константинович (1859—1921) — русский языковед и историк музыки, один из представителей казанской лингвистической школы.

⁸ Александров, Александр Иванович (1861— ?) — русский языковед, представитель казанской лингвистической школы, ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского. В феврале 1884 года Казанский университет

направил его для изучения санскрита и немецкого языкознания в Тарту, где в то время работал И. А. Бодуэн де Куртенэ. В Тартуском университете он в 1886 г. защитил магистерскую, а в 1888 г. докторскую диссертацию.

⁹ Вебер, Альбрехт-Фридрих (1825—1901) — немецкий филолог-ориенталист. Бодуэн слушал его лекции по ведическому санскриту в весеннем семестре 1868 г. в Берлине.

¹⁰ Т. Гиндес был принят на медицинский факультет Тартуского университета в 1883 г. и учился там до 1886 г.

¹¹ Фирсов, Николай Алексеевич (1831—1896) — профессор русской истории. В 1872—75 и 1881—84 гг. был проректором Казанского университета.

¹² Гершельман, Фердинанд (1833—1902) — профессор богословия в Тартуском университете.

¹³ Розвадовский, Ян (1867—1935) — польский лингвист, специалист по общему и сравнительному языкознанию.

¹⁴ Радлов, Василий Васильевич (1837—1918) — русский языковед и этнограф, один из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков.

¹⁵ Гуляев, Алексей Михайлович — профессор права в Тарту и затем Киеве.

¹⁶ Гануш, Ян (1858—1887) — польский лингвист, ученик Л. Малиновского.

¹⁷ Лаутенбах, Яков (1847—1928) — латышский писатель и языковед. С 1878 по 1918 г. был лектором латышского языка и литературы в Тартуском университете.

¹⁸ Ростафинский, Юзеф Томаш (1850—1928) — польский ботаник.

¹⁹ Мазинг, Вольдемар (1836 — ?). С 1865 по 1893 г. работал приват-доцентом кафедры немецкого и сравнительного языкознания в Тарту.

²⁰ Лютославский, Винценти — польский философ.

²¹ Мукке, Иоганн-Рихард — сначала профессор государственных наук в Грейфсвальде, затем профессор географии, этнографии и статистики в Тарту.

²² Вальц, Отто — профессор всеобщей истории в Гейдельберге, а затем в 1875—1900 гг. в Тарту.

²³ Малиновский, Люциан (1839—1898) — польский славист, создатель первой польской лингвистической школы в Краковском университете.

²⁴ Будилевич, Антон Семенович (1846—1908) — русский лингвист и литературовед. В 1892—1901 гг. был ректором Тартуского университета.

²⁵ Мейер, Лео (1830 — ?) — немецкий лингвист, профессор сравнительного языкознания в Геттингене и затем в 1864—1898 гг. в Тарту.

²⁶ Кудрявский, Дмитрий Николаевич (1867—1920) — русский лингвист, профессор Тартуского университета.

²⁷ Поржезинский, Виктор Карлович (1870—1929) — русско-польский языковед, ученик Ф. Ф. Фортунатова, профессор Московского и затем Люблинского университетов.

²⁸ Зенгер, Григорий Эдуардович был министром народного просвещения в 1903—1904 гг.

²⁹ Корш, Федор Евгеньевич (1843—1915) — русский филолог-классик, славист и востоковед.

³⁰ Ясинский, Антон Никитич (1864—1933) — профессор всеобщей истории в Тартуском университете (1896—1918 гг.), видный историк-славист.

³¹ Ульянов, Григорий Константинович (1859—1912) — русский языковед, профессор Варшавского университета.

³² Петухов, Евгений Вячеславович — профессор русской литературы в Тартуском университете.

³³ Чиж, Владимир Федорович — профессор кафедры нервных и душевных болезней в Тарту.

³⁴ Лось, Ян (1860—1928) — польский славист.

³⁵ Левицкий, Григорий Васильевич (1852—1918) — профессор астрономии в Тарту.

- ³⁶ Сумцов, Николай Федорович (1854—1922) — этнограф, литературовед, профессор Харьковского университета.
- ³⁷ Ожешко, Элиза (1842—1910) — выдающаяся польская писательница.
- ³⁸ Брюкнер, Александр (1856—1939) — польский языковед и историк литературы. В 1892—1925 гг. был профессором Берлинского университета.
- ³⁹ Здзеховский, Мариан — польский литературовед.
- ⁴⁰ Миккола, Иосиф (1866—1946) — финский славист, профессор университета в Хельсинки.
- ⁴¹ Ардашев, Павел Николаевич — профессор всеобщей истории в Тарту и затем Киеве.
- ⁴² Мальберг, Владимир Константинович — профессор классической филологии и археологии в Тарту.
- ⁴³ Германн, Карл-Август (1851—1909) — эстонский языковед, журналист и общественный деятель.
- ⁴⁴ Андерсон, Николай (1845—1905) — эстонский языковед, специалист по финно-угорским языкам. По рекомендации И. А. Бодуэна де Куртенэ в 1894 году был избран профессором Казанского университета.
- ⁴⁵ Каллас, Оскар-Филипп (1868—1943) — эстонский филолог и общественный деятель.
- ⁴⁶ Хурт, Якоб (1839—1907) — эстонский фольклорист и языковед.
- ⁴⁷ Дьяконов, Михаил Александрович (1855—1919) — профессор истории русского права в Тарту.
- ⁴⁸ Квачала, Иван Иванович (1862—1934) — профессор исторического богословия в Тарту.
- ⁴⁹ Соболевский, Алексей Иванович (1856—1929) — русский языковед, специалист в области исторической грамматики русского языка и русской диалектологии.
- ⁵⁰ Будде, Евгений Федорович (1859—1929) — русский лингвист, профессор Казанского университета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Статьи

А. Б. Правдин. Из истории именного управления в русском языке . . .	3
П. С. Сигалов. Имперфективные глаголы II класса в древнерусском языке	21
А. К. Рейцак. Ассуффиксация как один из способов фонетико-морфологического освоения заимствованных имен существительных	30
М. Д. Лесник. Принципы отграничения сильного и слабого типов управления (на материале глагольного управления)	46
П. С. Сигалов. Об одной группе приставочных глаголов	69
П. С. Сигалов. Инхоативные дублиеты	78
А. К. Рейцак. О сопоставительном исследовании языков	89
А. К. Рейцак. О некоторых возможностях сопоставительного изучения русской и эстонской лексики	107

Публикации

С. Смирнов. Письма И. А. Бодуэна де Куртенэ Л. К. Мазингу	116
---	-----

Тартуский государственный университет

ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

VII

Серия лингвистическая

На русском языке

*

Ответственный редактор А. К. Рейцак

Корректор А. Б. Правдин

Сдано в набор 15/X 1964 г. Подписано к печати 17/II 1965. Форм. бум. 60 × 90, 1/16. Печ. л. 8,75.

Учетно-издат. л. 10,1. Тираж 500 экз. МВ-00140. Заказ № 7945.

Типография им. Х. Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19, II

Цена 0.71.